

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДОРОТИ Л.

САЙЕРС

ПОД ГРУЗОМ УЛИК

НЕЕСТЕСТВЕННАЯ
СМЕРТЬ

ДОРОТИ Л.
СЭЙЕРС

Агата Кристи, Дороти Л. Сэйерс,
Глэдис Митчелл – три гранд-дамы
золотого века английского детектива,
основательницы легендарного
«Клуба детективов».

На родине Дороти Ли Сэйерс известна
и любима не меньше признанной
королевы жанра Агаты Кристи.
Романы об ироничном и проницательном
сыщике-аристократе лорде Питере Уимзи
принесли Сэйерс мировую славу и стали
классикой детективной литературы.

ДОРОТИ Л.
СЭЙЕРС

ПОД ГРУЗОМ УЛИК
.....
НЕЕСТЕСТВЕННАЯ
СМЕРТЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
С97

Серия «Золотой век английского детектива»

Dorothy L. Sayers
CLOUDS OF WITNESS
UNNATURAL DEATH

Перевод с английского
А. Соколова («Под грузом улики»)
И. Дорониной («Неестественная смерть»)
Компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается при содействии литературных агентств
David Higham Associates Limited и The Van Lear Agency LLC.

Сэйерс, Дороти Л.
С97 Под грузом улики ; Неестественная смерть : [романы] /
Дороти Л. Сэйерс ; [перевод с английского И. Дорониной,
А. Соколова]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. —
576 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-147011-1

В этот сборник вошли два интереснейших дела лорда Питера Уимзи — аристократа, интеллектуала и талантливого детектива-любителя.

Неподалеку от охотничьего домика старшего брата Питера Уимзи, герцога Денверского, найден застреленным капитан Дэнис Кэткарт. Рядом обнаружено орудие убийства — принадлежащий герцогу пистолет. В довершение всего накануне капитан и герцог серьезно поссорились.

Против герцога — все: от свидетельских показаний до веского мотива и улики. Но Питер Уимзи, верящий в невиновность брата, намерен найти настоящего убийцу...

Казалось бы, в смерти сказочно богатой дамы Агаты Доусон нет ровно ничего подозрительного: она находилась в весьма преклонном возрасте и страдала от тяжелой неизлечимой болезни. Так что же насторожило обычного провинциального врача, решительно отказавшегося подписывать свидетельство о смерти?

Питер Уимзи решает выяснить обстоятельства дела и обнаруживает, что мисс Доусон — лишь первая из жертв убийств, изощренно стилизованных под естественную смерть...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of Anthony Fleming (deceased),
1926, 1927

© Перевод. И. Доронина, 2021

© Перевод. А. Соколов, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers,
2022

ISBN 978-5-17-147011-1

ПОД ГРУЗОМ УЛИК

Тайное становится явным

**Сообщение о суде пэров
над герцогом Денверским по обвинению в убийстве**

У неподражаемых историй о монархе Тонги нет истинных окончаний, а у этой — в ее самом высокопарном стиле — меньше, чем у большинства из них. Но все повествование пронизано ароматом китайских палочек и наивысшим благородством, и оба ее персонажа самого высокого происхождения.

Э. Брам. Бумажник Кай Люня

Глава 1

Злой умысел

Кто виноват?.. Скорей скажите, кто?..
*У. Шекспир. Отелло*¹

Лорд Питер Уимзи с удовольствием растянулся на предоставленном отелем «Морис» простынях. После напряженного расследования баттерсиейской тайны он последовал совету сэра Джулиана Фрека и решил отдохнуть. Ему внезапно наскучили ежедневные завтраки с видом на Грин-парк, и он неожиданно понял, что покупка на распродажах первых изданий книг — недостаточное занятие для мужчины тридцати трех лет, а типичные лондонские преступления слишком заумны.

Он оставил квартиру и друзей и улизнул в корсиканскую глушь. Последние три месяца он не держал в руках ни писем, ни газет, ни телеграмм — бродил по горам, с безопасного расстояния восхищался дикой красотой корсиканских крестьянок и изучал явление вендетты в ее естественной среде. Здесь убийство могло показаться не только оправданным, но даже привлекательным делом. Его доверенный слуга и помощник в расследованиях Бантер, благородно пожертвовав цивилизованными привычками, позволял господину ходить грязным и даже небритым, а своим фотоаппаратом пользовался для съемки скалистых пейзажей, а не отпечатков пальцев. Это казалось весьма освежающим.

Но зов крови — великая вещь, и он увлек лорда Питера в Париж. Накануне поздно вечером они прибыли сюда в убогом поезде и получили багаж. Осенний свет просачивался сквозь шторы, нежно касался стоящих на туалетном столике пузырьков с серебристыми горлышками и оттенял абажур лампы и телефон. Звук струящейся воды говорил о том, что Бантер открыл в ванной кран и приготовил вкусно пахнущее мыло, ароматические соли и огромную губку, то есть все то, чему не было применения на Корсике. И еще — массажную щетку на длинной ручке, которой так приятно проводить по спине. Жизнь — это контраст, сонно размышлял лорд Питер. Корсика — Париж — затем Лондон.

— Доброе утро, Бантер.

— Доброе утро, милорд. Хорошего настроения. Ванна вашей милости готова.

— Спасибо, — ответил лорд Питер, жмурясь от солнца.

Чудесная ванна, думал Уимзи, отмокая и гадая, сумел бы он жить на Корсике постоянно. Он довольно нежился в теплой воде, даже спел несколько тактов какой-то песни и через некоторое время услышал, как гостиничный служащий принес кофе с булочками. Кофе с булочками! Лорд Питер с плеском поднялся из ванны, с наслаждением вытер полотенцем свое худощавое тело и, закутавшись в банный халат, вышел.

И, к несказанному своему удивлению, увидел, что Бантер спокойно укладывает его туалетные принадлежности в несессер. Удивление усилилось, когда он отметил, что едва распакованные накануне вечером чемоданы снова собраны, снабжены наклейками и готовы к отъезду.

— Бантер, в чем дело? — спросил его светлость. — Вы же знаете, мы задержимся здесь на две недели.

— Простите, милорд, — почтительно отозвался слуга, — но, просмотрев «Таймс» (которую, милорд, учитывая все обстоятельства, все-таки очень быстро доставляют сюда по воздуху), я решил, что ваша светлость пожелает немедленно выехать в Риддлсдейл.

— В Риддлсдейл? — воскликнул Питер. — Что случилось? Что-то произошло с моим братом?

Вместо ответа Бантер протянул газету, развернутую на странице с заголовком:

ДОЗНАНИЕ В РИДДЛСДЕЙЛЕ

Герцог Денверский арестован по обвинению в убийстве

¹ Акт V, сцена 2. Пер. А. Соколовского. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Лорд Питер глядел на буквы словно загипнотизированный.

— Я посчитал, что ваша светлость пожелает быть в курсе дел, и взял на себя смелость...

Лорд Питер справился с волнением и спросил:

— Когда ближайший поезд?

— Прошу прощения, милорд. Я решил, что ваша светлость предпочтет более быстрый способ передвижения и заказал два места в самолете «Виктория». Вылет в одиннадцать тридцать.

Лорд Питер взглянул на часы.

— Десять. Отлично. Вы правильно поступили. Господи! Бедняга арестован по обвинению в убийстве! Так непривычно тревожиться за него. Это он не любил, когда я общался с полицейскими и судами. А теперь сам там оказался. Лорд Питер Уимзи на свидетельской трибуне. С ума сойти! И дает показания по поводу брата. А герцог Денверский — на скамье подсудимых. Еще того хуже! Полагаю, надо позавтракать.

— Конечно, милорд. В газете полный отчет о расследовании.

— Хорошо. Кстати, кто ведет дело?

— Мистер Паркер, милорд.

— Паркер — это неплохо. Старина Паркер. Как это его угораздило? Бантер, как, на ваш взгляд, обстоят дела?

— С вашего позволения, милорд, предстоит интересное расследование. В показаниях содержатся детали, наводящие на определенные мысли.

— С криминологической точки зрения все так, — кивнул его светлость, с удовольствием принимаясь за кофе с молоком, — но брату нет дела до криминологии, и все это чертовски неприятно. Ну так что там?

— Говорится, что у обвиняемого личного интереса нет, — ответил Бантер.

Сегодня в Риддлсдейле, на севере графства Йоркшир, началось расследование убийства. В три часа утра в четверг у дверей оранжереи охотничьей усадьбы герцога Денверского был обнаружен труп капитана Дэниса Кэткарта. Согласно свидетельским показаниям накануне вечером покойный поссорился с герцогом, а затем был застрелен в кустах рядом с домом. Неподалеку от места преступления обнаружен принадлежащий герцогу револьвер. Принят вердикт о виновности герцога Денверского в совершении убийства. Его сестра, леди Мэри Уимзи, которая была помолвлена с погибшим, дав показания, упала в обморок и теперь лежит дома в тяжелом состоянии. Вдовствующая герцогиня Денверская вчера поспешила приехать из города и присутствовала на дознании. Подробный отчет помещен на странице 12.

«Бедняга Джеральд, — подумал лорд Питер, открывая двенадцатую страницу. — И бедная сестренка Мэри! Интересно, ей и в самом деле нравился тот тип? Мать всегда утверждала, что нет. Но Мэри скрытная и никогда бы в этом не призналась».

Полный отчет начинался описанием маленькой деревушки Риддлсдейл, где герцог Денверский недавно арендовал на сезон охотничью усадьбу. Когда произошла трагедия, он находился там с компанией гостей. В отсутствие герцогини леди Мэри Уимзи играла роль хозяйки. Гостями были полковник Марчбэнкс с женой, distinguished Фредерик Арбатнот, мистер и миссис Петтигрю-Робинсон и жертва — Дэнис Кэткарт.

Первым давал показания герцог Денверский, который обнаружил труп. Он заявил, что в три утра в четверг 14 октября, направлялся в дом через дверь оранжереи и внезапно наткнулся на что-то ногой. Он включил электрический фонарь и увидел тело Дэниса Кэткарта. Тут же перевернул и понял, что Кэткарт получил пулю в грудь. Несчастный был мертв. Наклоняясь над трупом, герцог услышал в оранжерее крик и, подняв глаза, увидел потрясенную леди Мэри Уимзи. Переступив

порог оранжереи, она воскликнула: «Господи, Джеральд, ты его убил!» (*Шум среди присутствующих.*)²

Коронер. Вас удивили ее слова?

Герцог Д. Я был чрезвычайно удивлен и потрясен всем, что увидел. Кажется, я ей сказал: «Не смотри туда». А она вскрикнула: «Это же Дэнис! Что произошло? Несчастный случай?» Я остался с телом, а ее отослал в дом разбудить остальных.

Коронер. Вы предполагали встретить в оранжерее леди Мэри?

Герцог Д. Я же сказал, что был потрясен и не задумывался об этом.

Коронер. Вы помните, как она была одета?

Герцог Д. Полагаю, не в пижаме. (Смех.) Кажется, в пальто.

Коронер. Как я понимаю, леди Мэри Уимзи была обручена с покойным.

Герцог Д. Да.

Коронер. Вы его хорошо знали?

Герцог Д. Он был сыном старинного друга моего отца. Его родители умерли. Насколько мне известно, большую часть времени он проводил за границей. Я пересекался с ним во время войны и в 1919 году, когда он приехал в Денвер. В начале этого года он обручился с моей сестрой.

Коронер. С вашего согласия и согласия родственников?

Герцог Д. О, разумеется.

Коронер. Что за человек был капитан Кэткарт?

Герцог Д. Я бы сказал, что он был настоящим сагибом, если вы понимаете, что я имею в виду. Чем занимался до 1914 года, когда вступил в армию, не знаю. Полагаю, жил на доход. Его отец был состоятельным человеком. Первоклассный стрелок, знал толк в играх — и все такое. До того вечера не слышал о нем дурного слова.

Коронер. Что вы имеете в виду?

Герцог Д. Понимаете, все это чертовски странно. Если бы такое сообщил кто-нибудь другой, а не Томми Фриборн, я бы ни за что не поверил. (*Шум в зале.*)

Коронер. Боюсь, ваша милость, мне придется спросить, в чем именно вы обвинили покойного?

Герцог Д. Ну, я не то чтобы его обвинил. Мой старинный друг выдвинул предположение. Я, разумеется, посчитав, что произошла ошибка, обратился к Кэткарту за разъяснениями, но тот, к моему изумлению, по сути, все подтвердил. Мы оба разошлись. Кэткарт послал меня к черту и выскочил из дома. (*Снова шум в зале.*)

Коронер. Когда произошла эта ссора?

Герцог Д. Вечером в среду. Тогда я его видел в последний раз. (*Сильный шум.*)

Коронер. Успокойтесь. Прошу держать себя в руках. А теперь, ваша милость, пожалуйста, расскажите, как вы помните, предысторию вашей ссоры.

Герцог Д. Примерно так. Весь день мы провели на болотах и рано поужинали. В половине десятого вечера почувствовали, что пора ложиться. Сестра и миссис Петтигрю-Робинсон ушли наверх, а мы решили выпить в бильярдной по последней джина с содовой. И тут Флеминг — это мой слуга — принес письма. Письма к нам поступают в какое угодно время — мы же находимся в двух с половиной милях от деревни. Нет, тогда я был уже не в бильярдной — запираю оружейную комнату. Письмо было от старинного приятеля, с которым я не виделся много лет, — Тома Фриборна. Мы с ним дружили в колледже.

Коронер. Что за колледж?

Герцог Д. Крайст-Черч, в Оксфорде. Он писал, что недавно наткнулся на объявление, из которого узнал, что моя сестра обручилась. В Египте.

Коронер. В Египте?

Герцог Д. То есть, я хотел сказать, это он находится в Египте, Том Фриборн, поэтому не написал раньше. Видите ли, он инженер. Уехал туда после войны, работает в районе месторождений нефти рядом с Нилом. Газеты туда приходят нерегулярно. Он извинялся, что вмешивается в такую

² Данный отчет, по сути, тот же самый, что прочел лорд Питер в «Таймс», был исправлен и дополнен на основе стенографических записей, сделанных тогда же мистером Паркером. — *Примеч. автора.*

деликатную тему, но известно ли мне, кто таков Кэткарт? Фриборн объяснил, что повстречался с ним во время войны в Париже. Кэткарт промышлял тем, что жульничал в карты. Фриборн готов был поклясться, что это правда, и привести подробности скандалов во французских домах. Он понимал, что мне захочется оторвать ему голову за то, что лезет не в свое дело, но, увидев в газете фотографию этого типа, решил, что мне лучше об этом знать.

Коронер. Вас удивило его письмо?

Герцог Д. Не то слово. Сначала я вовсе не поверил. Если бы такое писал не старина Том, швырнул бы лист в огонь, и все дела. Но даже учитывая, что автором был он, я не представлял, как поступить. Видите ли, французы часто поднимают шум из ничего. Однако Фриборн не тот человек, кто совершает ошибки.

Коронер. Как же вы поступили?

Герцог Д. Чем больше я задумывался над тем, что узнал, тем меньше мне нравилась ситуация. Но я не мог бросить все как есть и решил обратиться напрямую к Кэткарту. Пока я занимался письмом, все гости ушли спать. Я поднялся наверх и постучал в дверь Кэткарта. Тот ответил: «Что надо?» или «Кого там черти принесли?» — что-то в этом роде. Я сказал, что мне нужно войти на пару слов. Кэткарт впустил, но буркнул: «Давайте покороче». Я удивился: раньше подобной грубости за ним не замечал. Объяснил, что получил письмо, которое совершенно мне не понравилось, и решил обратиться к нему, чтобы все прояснить. «Оно от очень достойного человека — моего однокурсника и старинного друга. Он пишет, что встречался с вами в Париже». — «В Париже? — отозвался Кэткарт на удивление сердито. — Какого дьявола вам понадобилось обсуждать со мной Париж?» — «Не надо говорить со мной в таком тоне, — осадил я его, — поскольку в данных обстоятельствах это наводит на нехорошие мысли». — «На что вы намекаете?» — не унимался он. «Объяснитесь, и мирно разойдемся спать, — потребовал я. — Некто Фриборн утверждает, что знал вас в Париже и там вы зарабатывали на жизнь жульничеством в карточной игре». Я ожидал, что он взорвется, но он ответил: «И что с того?» — «Как что с того?» — удивился я. — Я не могу поверить в такое без доказательств». И тут он сказал очень странную вещь: «Вера не имеет значения. Важно лишь то, что вы знаете о человеке». — «То есть вы ничего не отрицаете?» — изумился я. «А что толку? — фыркнул Кэткарт. — Делайте выводы сами. Такое обвинение никто не смог бы опровергнуть». А затем он вскочил, едва не опрокинув стол. «Мне безразлично, что вы думаете и как поступите, лишь бы поскорее убраться. Ради бога, оставьте меня одного». — «Не надо все принимать таким образом, — попытался я его успокоить. — Я же не сказал, что поверил в то, о чем говорится в письме. Возможна ошибка. Но дело в том, что вы помолвлены с Мэри. Согласитесь, я не мог оставить эту информацию без внимания». — «О, если это вас тревожит, успокойтесь. Все кончено». — «Что кончено?» — не понял я. — «Наша помолвка». — «Но я разговаривал с сестрой о ее помолвке только вчера». — «Я ей еще об этом не сказал», — объяснил Кэткарт. «Вы наглец, — возмущился я. — Являетесь в мой дом с намерением порвать с сестрой?» Ну, я много чего сказал кроме этого, а под конец заявил, что он может убираться прочь, поскольку я не намерен терпеть такую свинью в своем доме. «С большой охотой». Он оттолкнул меня в сторону, бросился вниз по лестнице и хлопнул входной дверью.

Коронер. Что вы сделали дальше?

Герцог Д. Побежал в свою спальню, окна которой выходят на оранжерею, и крикнул, чтобы он не глумился. Шел дождь, и сильно похолодало. Кэткарт не возвращался, и я приказал Флемингу, на случай если Кэткарт передумает и вернется в постель, оставить дверь оранжереи открытой.

Коронер. Чем вы можете объяснить такое поведение Кэткарта?

Герцог Д. Ничем. Я был ошеломлен. Но могу предположить, что до него каким-то образом дошел слух о письме Фриборна и он понял, что игра окончена.

Коронер. Вы упоминали кому-нибудь о случившемся?

Герцог Д. Нет. Дело слишком неприятное, и я решил подождать до утра.

Коронер. То есть вы больше ничего не предпринимали?

Герцог Д. Нет. Мне претила мысль бегать за этим типом. Я слишком разозлился. И считал, что он одумается: ночь выдалась суровой, а на нем был только смокинг.

Коронер. Поэтому вы спокойно отправились спать и больше пострадавшего не видели.

Герцог Д. Нет, до трех утра, когда споткнулся об него у оранжереи.

Коронер. Ах да! А теперь объясните, почему вы в такое время оказались вне дома.

Герцог Д. (колеблясь). Мне не спалось, и я вышел прогуляться.

Коронер. В три утра?

Герцог Д. Именно. *(С внезапным волнением.)* Видите ли, моя жена в отъезде. *(Смех в зале, комментарии в заднем ряду.)*

Коронер. Прошу тишины... Вы утверждаете, что встали в три утра в октябре, чтобы пройтись в саду под проливным дождем?

Герцог Д. Да, немного прогуляться. *(Смех.)*

Коронер. В какое время вы покинули спальню?

Герцог Д. О-о... полагаю, примерно в половине третьего.

Коронер. Каким путем вышли на улицу?

Герцог Д. Через дверь оранжереи.

Коронер. Трупа в тот момент там не было?

Герцог Д. Нет-нет!

Коронер. Вы бы его непременно заметили?

Герцог Д. Господи, конечно! Мне бы пришлось через него переступить.

Коронер. Куда именно вы направились?

Герцог Д. (запнувшись). Так, побродить.

Коронер. Вы не слышали выстрела?

Герцог Д. Нет.

Коронер. Вы намного отделились от двери в оранжерею и кустарника?

Герцог Д. Пожалуй, порядочно. Вероятно, потому ничего и не слышал. Видимо, так.

Коронер. Могли вы отойти на четверть мили?

Герцог Д. Пожалуй, да... мог.

Коронер. А еще дальше?

Герцог Д. Не исключено. Было холодно, и я двигался энергичным шагом.

Коронер. Двигались в каком направлении?

Герцог Д. (заметно колеблясь). Куда-то за дом. Вероятно, в направлении лужайки для игры в шары.

Коронер. Лужайки для игры в шары?

Герцог Д. (увереннее). Да.

Коронер. Но если вы ушли на четверть мили, то должны были покинуть территорию усадьбы.

Герцог Д. Да... Наверное, покинул. Сейчас припоминаю, что шел по краю болота.

Коронер. Можете показать письмо, которое вы получили от мистера Фриборна?

Герцог Д. Разумеется... если только сумею найти. Помнится, сунул его в карман, но не обнаружил, когда его потребовал сотрудник Скотленд-Ярда.

Коронер. Может, случайно уничтожили?

Герцог Д. Нет, определенно положил в карман. *(На этих словах свидетель смущенно запинается и краснеет.)* Хотя постойте. Сейчас припоминаю: я его точно уничтожил.

Коронер. Жаль. Как же так вышло?

Герцог Д. Совершенно забыл, а теперь вспомнил. Письмо утрачено навсегда.

Коронер. Может, сохранился хотя бы конверт?

Свидетель отрицательно качает головой.

Коронер. Следовательно, вы не можете представить присяжным доказательство, что получали его?

Герцог Д. Не могу. Если только это не вспомнит и не подтвердит Флеминг.

Коронер. Ах да, ваш слуга... мы непременно проверим. Спасибо, ваша светлость. Пригласите леди Мэри Уимзи.

При появлении благородной дамы, которая до утра 14 октября считалась невестой погибшего, послышался сочувственный шепот. Красивая, стройная, обычно розовощекая, теперь она

выглядела бледной от горя. Одетая в черное платье, леди Мэри давала показания очень тихо, временами едва слышно³.

Выразив соболезнования, коронер приступил к допросу.

Коронер. Как долго вы были помолвлены с погибшим?

Свидетельница. Примерно восемь месяцев.

Коронер. Где вы с ним познакомились?

Свидетельница. В доме жены моего брата, в Лондоне.

Коронер. Когда?

Свидетельница. Насколько помню, в июне прошлого года.

Коронер. Были ли вы счастливы в помолвке?

Свидетельница. Вполне.

Коронер. Вы, естественно, достаточно общались с капитаном Кэткартом. Много ли он вам рассказывал о своей предыдущей жизни?

Свидетельница. Не много. Мы обычно не предавались откровениям, а обсуждали взаимноинтересные темы.

Коронер. Много ли было таких?

Свидетельница. О да.

Коронер. Случалось ли вам общаться, когда капитана Кэткарта что-то беспокоило?

Свидетельница. Практически нет. Хотя в последние несколько дней он казался слегка встревоженным.

Коронер. Он рассказывал о своей жизни в Париже?

Свидетельница. Не припоминаю.

Коронер. Были ли заключены какие-либо финансовые соглашения в связи с вашей предстоящей свадьбой?

Свидетельница. Не думаю. Дату свадьбы еще даже не назначили.

Коронер. Всегда ли ваш жених производил впечатление обеспеченного человека?

Свидетельница. По-моему, да. Я об этом не размышляла.

Коронер. Он никогда при вас не жаловался на стесненные обстоятельства?

Свидетельница. На стесненные обстоятельства так или иначе жалуются все.

Коронер. Он был человеком веселого нрава?

Свидетельница. Очень легко поддавался переменам настроения и каждый день казался другим.

Коронер. Вы слышали показания своего брата: покойный собирался расторгнуть вашу помолвку. Вам что-нибудь об этом известно?

Свидетельница. Ровным счетом ничего.

Коронер. Можете объяснить это намерение?

Свидетельница. Нет.

Коронер. Вы поссорились?

Свидетельница. Нет.

Коронер. Следовательно, в среду вечером, с вашей точки зрения вы были по-прежнему помолвлены с погибшим с перспективой вскоре выйти за него замуж.

Свидетельница. Да-а... разумеется.

Коронер. Можно ли сказать — простите меня за этот жестокий вопрос, — что ваш жених был способным наложить на себя руки?

Свидетельница. Не знаю. Что ж... пожалуй, мог бы. Ведь это бы все объяснило.

Коронер. Леди Мэри, прошу вас, не расстраивайтесь и не спешите. Расскажите, что вы точно видели и слышали в среду вечером и в четверг утром.

Свидетельница. Я отправилась спать одновременно с миссис Марчбэнкс и миссис Петтигрю-Робинсон. Это было примерно в половине десятого. Мужчины остались внизу. Я пожелала Дэнису спокойной ночи, и он в это время вел себя вполне обычно. Я сразу ушла в свою комнату, и когда принесли почту, меня внизу не было. Моя комната в глубине дома. Я слышала, как примерно в

³ Согласно газетному репортажу, а не мистеру Паркеру. — *Примеч. автора.*

десять снизу пришел мистер Петтигрю-Робинсон. Комната супругов Петтигрю-Робинсонов рядом с моей. Как поднялся вверх брат, я не слышала. Примерно в четверть одиннадцатого в коридоре громко разговаривали двое мужчин, затем кто-то сбежал по лестнице и хлопнул входной дверью. Потом я слышала в коридоре быстрые шаги и как брат закрыл свою дверь. После этого я легла спать.

Коронер. Вы не поинтересовались причиной возникшего шума?

Свидетельница (равнодушно). Я решила, что дело в собаках.

Коронер. Что произошло дальше?

Свидетельница. Я проснулась в три утра.

Коронер. Что вас разбудило?

Свидетельница. Я услышала выстрел.

Коронер. До того, как он раздался, вы не бодрствовали?

Свидетельница. Думаю, дремала. Я слышала выстрел очень отчетливо и не сомневалась, что это именно выстрел. Еще прислушивалась несколько минут, а затем спустилась проверить, все ли в порядке.

Коронер. Почему вы не позвали брата или других мужчин?

Свидетельница (презрительно). С какой стати? Я посчитала, что стрелял браконьер и нет причин тревожить людей в такой ранний час.

Коронер. Как по-вашему, стреляли близко от дома?

Свидетельница. Пожалуй. Хотя судить трудно. Если человека будит какой-нибудь звук, он всегда кажется громким.

Коронер. Вам не показалось, что стреляли в доме или в оранжерее?

Свидетельница. Нет, стреляли определенно на улице.

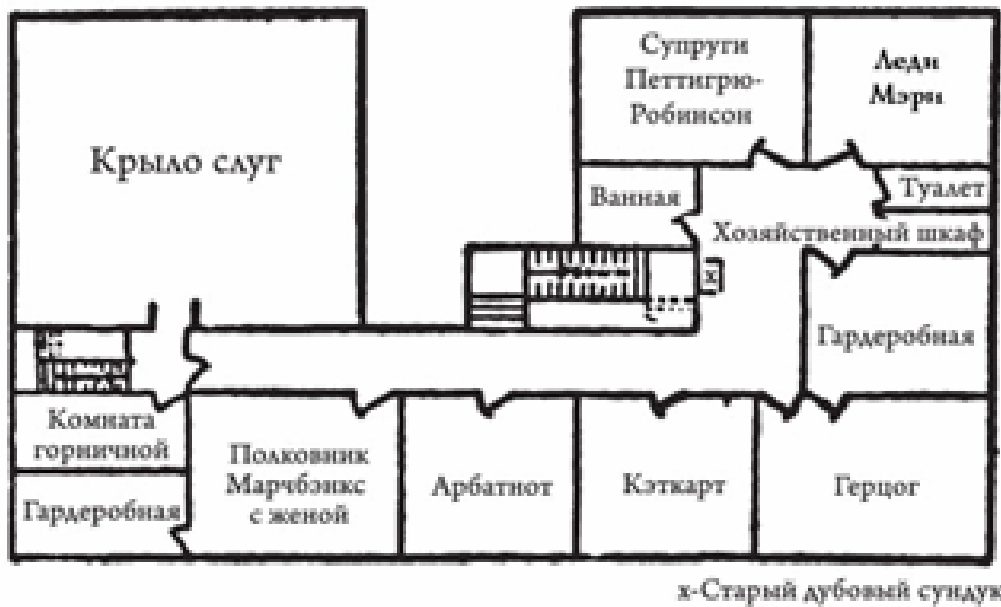
Коронер. Таким образом, вы спустились одна. Это очень отважно с вашей стороны, леди Мэри. Вы пошли сразу?

Свидетельница. Не совсем. Несколько минут я раздумывала, затем надела плотную куртку, шерстяную кепку и уличные сапоги на босу ногу. Из комнаты я вышла минут через пять после выстрела, спустилась по лестнице и через бильярдную прошла в оранжерею.

Коронер. Почему вы выбрали этот путь?

Свидетельница. Так быстрее, чем отпирать входную или заднюю дверь.

В этот момент суду предоставили план риддлсдейлского дома — построенного в классическом стиле просторного двухэтажного здания. Им владеет господин Уолтер Монтень, который сдал его на сезон герцогу Денверскому. Сам мистер Монтень проживает в Соединенных Штатах.

Свидетельница (продолжает). Подойдя к двери в оранжерею, я увидела наклонившегося над чем-то на земле человека. Когда он поднял голову, я с удивлением узнала брата.

Коронер. Что вы предположили до того, как его узнали?

Свидетельница. Трудно сказать — все произошло очень быстро. Наверное, решила, что передо мной воры.

Коронер. Его светлость нам сообщил, что, увидев его, вы воскликнули. «Ты его убил!» Можете объяснить, почему вы это сказали?

Свидетельница (смертельно побледнев). Я решила, что брат, наткнувшись на вора, выстрелил в него в целях самообороны. Что-то в этом роде, если у меня вообще была способность думать.

Коронер. Хорошо. Вы знали, что у герцога есть револьвер?

Свидетельница. Знала.

Коронер. Что вы затем предприняли?

Свидетельница. Брат отправил меня за помощью. Я постучала в двери мистера Арбатнота и супругов Петтигрю-Робинсон. Потом внезапно почувствовала слабость и, вернувшись к себе в спальню, воспользовалась нюхательной солью.

Коронер. Вы были там одна?

Свидетельница. Да. Все остальные суетились и кричали. Это было выше моих сил...

На этих словах свидетельница, дававшая ранее показания собранно, хотя и тихо, пошатнулась, и ее пришлось под руки вывести из зала.

Следующим вызвали Джеймса Флеминга, слугу герцога. Тот вспомнил, что в среду без четверти десять принес почту из Риддлсдейла. Он отдал господину три или четыре письма в оружейной комнате, но не обратил внимания, была ли на каком-то из них египетская марка. Марки он не собирает: его увлечение — автографы.

Далее свидетельское место занял достопочтенный Фредерик Арбатнот. Он отправился спать вместе с остальными незадолго до десяти часов. Слышал, как через некоторое время пришел Денвер. Когда именно, сказать не может — он чистил зубы. (Смех.) Он, разумеется, слышал громкие голоса и перебранку в соседней комнате. Слышал, как кто-то сломя голову сбежал по лестнице. Арбатнот высунулся из двери и увидел в коридоре Денвера. Спросил: «Эй, Денвер, что там за шум?» Ответа он не разобрал. Герцог поспешил в свою спальню и крикнул из окна: «Не глупите!» Он явно злился, но достопочтенный Фредди не придавал этому значения. На Денвера иногда находит, но ничего страшного не случается. Пошумит и остынет.

Кэткарта он знает недавно — вроде нормальный. Не то чтобы он ему нравился, но ничего дурного он за ним не замечал. Господи, нет, он не слышал, чтобы Кэткарт мухлевал в карты. Ну нет, конечно, он не присматривался специально, жульничает ли кто. От людей подобного не ждешь. Однажды его попытались так нагреть в клубе в Монте, но он не подавал виду, что раскусил мошенника, пока не началась потеха. В отношениях Кэткарта к леди Мэри и ее к нему не замечал ничего необычного. С какой стати? Он за людьми не следит и в чужие дела нос не сует. Вечером среды он решил, что данный скандал не его забота, и улегся спать.

Коронер. Вы слышали что-нибудь еще в ту ночь?

Дост. Фредерик. Нет. До тех пор, пока ко мне не постучала бедняжка Мэри. Я спустился вниз и нашел Денвера в оранжерее. Он протирал лицо Кэткарта влажной губкой. Мы сочли, что нужно смыть с него гравийную крошку и грязь.

Коронер. Вы слышали выстрел?

Дост. Фредерик. Не слышал никаких звуков. Но должен сказать, что я сплю достаточно крепко.

Полковник и миссис Марчбэнкс размещались в спальне, которая находилась над так называемым «кабинетом», хотя эта комната служила скорее курительной. О состоявшемся в половине двенадцатого разговоре они дали одни и те же показания. После того как полковник лег в постель, миссис Марчбэнкс села написать несколько писем. Они слышали голоса и чьи-то быстрые шаги в коридоре, но не придали этому особого значения. Беготня и крики — обычное дело для подвыпивших гостей.

Полковник сказал: «Дорогая, ложись. Уже половина двенадцатого, и нам завтра рано вставать. Всех дел не переделаешь». Он так сказал, потому что его жена всегда была женщиной спортивной

и ходила с ружьем вместе с остальными. «Уже иду», — ответила та. «Нарушаешь покой — ты единственная засиделась допоздна. Все остальные давно видят сны». — «Неправда, — возразила жена. — Герцог еще на ногах. Я слышу, как он ходит по кабинету». Полковник прислушался и тоже различил шаги. Никто из них не слышал, чтобы герцог снова поднялся наверх. И никаких других звуков они ночью тоже не слышали.

Мистер Петтигрю-Робинсон вышел давать показания с большой неохотой. Они с женой легли в десять, но ссору герцога с Кэткартом слышали. Мистер Петтигрю-Робинсон, опасаясь, что происходит что-то нехорошее, приоткрыл дверь и высунулся в коридор в тот момент, когда Денвер заявил: «Если вы впредь посмеете заговорить с моей сестрой, я переломлю вам кости». Или что-то в этом роде. Кэткорт бросился вниз. Герцог побагровел. Он не видел Петтигрю-Робинсона, но бросил несколько слов Арбатноту и поспешил в свою спальню. Петтигрю-Робинсон, выйдя в коридор, обратился к Арбатноту: «Послушайте, дружище...» — но тот захлопнул перед его носом дверь.

Тогда Петтигрю-Робинсон приблизился к спальне герцога и спросил: «Все в порядке, Денвер?». Тот выскочил из комнаты, пробежал мимо него, будто не замечая, и сломя голову бросился вниз по лестнице. Петтигрю-Робинсон слышал, как он отдает приказание Флемингу оставить дверь оранжереи открытой, пока Кэткорт где-то бежит.

Вскоре герцог вернулся. Петтигрю-Робинсон попытался перехватить его по пути и опять спросил, что случилось. Однако герцог оставил его вопрос без ответа и, войдя в спальню, решительно затворил за собой дверь. Через некоторое время — если быть точным, в одиннадцать тридцать — дверь герцога снова открылась, и в коридоре раздались осторожные шаги. Петтигрю-Робинсон не разобрал, в сторону лестницы или нет. Ванная и туалет находились с его стороны коридора, и если бы кто-то туда зашел, он скорее всего услышал бы. Шаги не повторились. Засыпая, мистер Петтигрю-Робинсон слышал, как его дорожные часы пробили двенадцать. Дверь герцога он не спутает ни с какой другой: ее петли скрипят особенным образом.

Миссис Петтигрю-Робинсон подтвердила показания мужа. Она уснула еще до полуночи и поначалу спала крепко, но ранним утром сон стал более тревожным. Ее раздражала вся эта суматоха в доме в тот вечер, которая мешала ей отдохнуть. Точнее, она уснула около десяти тридцати, а мистер Петтигрю-Робинсон растолкал ее через час, чтобы сообщить о шагах в коридоре. То одно, то другое, и в результате полноценно поспать получилось только пару часов. Она снова проснулась примерно в два часа, и лежала без сна до тех пор, пока леди Мэри не подняла тревогу.

Она готова поклясться, что выстрела ночью не слышала. Ее окно находилось рядом с окном леди Мэри, с противоположной стороны дома от оранжереи. Миссис Петтигрю-Робинсон с детства привыкла спать с открытым окном. На вопрос коронера она ответила, что никогда не считала, что между леди Мэри и погибшим существовало реальное чувство. Казалось, что они каждый сам по себе, но такие отношения сейчас в моде. Во всяком случае, она не слышала ни о каком разладе.

Мисс Лидия Кэткорт, которую спешным порядком вызвали из города, рассказала об убитом. Она сообщила коронеру, что является капитану тетей и единственной родственницей. Но с тех пор, как он унаследовал состояние отца, они почти не виделись. Он постоянно жил в Париже с друзьями, которых она не могла одобрить.

«Мы с братом не очень ладили, — заявила мисс Кэткорт. — Он отправил сына учиться за границу, где тот находился до восемнадцати лет. После смерти брата племянник, подчиняясь воле отца, уехал в Кембридж. Я осталась душеприказчицей и опекуной Дэниса до его совершеннолетия. Не понимаю, почему брат, который всю жизнь меня игнорировал, возложил на меня такую ответственность. Но отказаться я не посмела. Во время каникул Дэниса мой дом был для него открыт, но он, как правило, предпочитал проводить время с друзьями. Не помню имени ни одного из них. После совершеннолетия Дэнис унаследовал десять тысяч фунтов дохода в год. Как я понимаю, деньги вложены в какую-то заграничную собственность. В качестве душеприказчицы я тоже унаследовала некоторую сумму, но тут же обратила ее в надежные английские ценные бумаги. Как поступил со своими деньгами Дэнис, я не знаю. Если он жульничал в карты, то это меня не удивляет. Я слышала, что люди, с которыми он общался в Париже, того же сорта. Но я с ними незнакома и никогда не бывала во Франции».

Следующим вызвали егеря Джона Хардро. Он с женой проживает в небольшом коттедже, который расположен прямо у ворот усадьбы Риддлсдейл. Владения примерно в двадцать акров окружает крепкий забор, а ворота на ночь запираются. Хардро показал, что в среду ночью, примерно без десяти двенадцать, он услышал выстрел неподалеку от коттеджа. Сразу от его дома начинаются десять акров заповедного поля. Он решил, что это браконьеры, которые иногда охотятся там на зайцев. Отправился с ружьем на звук, но никого не заметил. Возвратился домой в час по своим часам.

Коронер. Сами вы в ту ночь стреляли?

Свидетель. Нет.

Коронер. И больше из дома не выходили?

Свидетель. Нет.

Коронер. А других выстрелов не слышали?

Свидетель. Нет, только один. Но когда я вернулся домой и лег спать, меня разбудил шофер, который поехал за врачом. Минут пятнадцать четвертого.

Коронер. Вы не нашли странным, что браконьеры стреляли так близко от вашего дома?

Свидетель. Нашел. Если браконьеры решаются охотиться, то на другой стороне заказника, ближе к болоту.

Доктор Торп сообщил, что его вызвали осмотреть покойного. Он живет в Степли, примерно в четырнадцати милях от Риддлсдейла. Шофер поднял его в три сорок пять утра, он быстро оделся и поехал с ним. В Риддлсдейл они приехали в половине пятого. Осмотрев покойного, врач пришел к выводу, что тот мертв три-четыре часа. Пуля пронзила легкие, и смерть наступила от потери крови и удушья. Раненый умер не мгновенно, еще некоторое время жил. Посмертное исследование показало, что пуля отрикошетила от ребра. Никаких свидетельств, убил ли Кэткарт себя сам или в него стреляли с близкого расстояния, врач не нашел. Других следов насилия не было.

Вместе с доктором Торпом машина привезла из Степли инспектора Крейкса, который тоже осмотрел труп. Инспектор показал, что к тому времени покойный лежал на спине между дверью в оранжерею и крытым колодцем на улице. Как только рассвело, инспектор провел осмотр дома и прилегающей территории и обнаружил кровавые следы на протяжении всей ведущей к оранжерее дорожки и свидетельства того, что тело тащили. Тропа перетекает в главную дорогу, которая ведет от ворот к парадной двери. В месте слияния начинается кустарник, который тянется по обе стороны дороги до ворот и домика егеря. Кровавые отметины вели к небольшому просвету в кустах, примерно в середине расстояния от дома до ворот. Там инспектор обнаружил большую лужу крови, пропитанный кровью носовой платок и револьвер. На платке стояли инициалы Д.К., маленький револьвер был американского типа и не имел клейма. Когда инспектор прибыл, дверь в оранжерею была заперта, а ключ вставлен с внутренней стороны.

Покойный лежал в смокинге и туфлях, но без шляпы и пальто. Одежда была не только обильно пропитана кровью, но перекошена и вымазана грязью от того, что тело тащили.

В кармане обнаружили портсигар и маленький плоский перочинный нож. Осмотрели комнату покойного: искали бумаги, письма и прочее, — но не нашли ничего, что могло бы пролить свет на обстоятельства смерти.

Затем снова вызвали герцога Денверского.

Коронер. Должен вас спросить, ваша светлость, видели ли вы у покойного револьвер?

Герцог Д. После войны — нет.

Коронер. Вы знали, что у него при себе есть оружие?

Герцог Д. Понятия не имел.

Коронер. Полагаю, вы не догадываетесь, кому принадлежит вот этот револьвер?

Герцог Д. (крайне удивленно). Это мой револьвер, из ящика стола в кабинете. Как он попал к вам? *(Шум в зале.)*

Коронер. Вы уверены?

Герцог Д. Абсолютно. Я видел его там совсем недавно, когда искал для Кэткарта фотографию Мэри, и, помнится, сказал, что он ржавеет от того, что лежит без дела. Вот ржавое пятно.

Коронер. Вы его запирали?

Герцог Д. Господи! Конечно, нет! Вообще не понимаю, как он там очутился. Наверное, обнаружил с другим армейским барахлом и привез сюда в августе вместе с охотничьими принадлежностями.

Коронер. На ящике стола есть замок?

Герцог Д. Да, но там обычно всегда торчал ключ. Жена предупреждала, что это легкомысленно.

Коронер. Кто-нибудь еще знал, что в столе лежит револьвер?

Герцог Д. Полагаю, знал Флеминг. Об остальных ничего не могу сказать.

Детектив-инспектор Паркер из Скотленд-Ярда прибыл только в пятницу и пока не продвинулся в расследовании далеко. Некоторые детали наводили его на мысль, что на месте трагедии находился кто-то еще, кроме тех, кого опрашивали. Но он предпочел до поры до времени об этом помалкивать.

Коронер изложил показания свидетелей в хронологическом порядке. В десять часов или немного позже между герцогом Денверским и Кэткартом произошла ссора, после которой Кэткорт покинул дом и с тех пор его никто не видел. Имеются показания мистера Петтигрю-Робинсона, что в одиннадцать тридцать герцог спустился вниз, а также свидетельство полковника Марчбэнкса, что сразу после этого было слышно какое-то движение в кабинете — то есть там, где хранился имеющийся среди улик револьвер. Этому противоречат показания самого герцога, который под присягой сказал, что до половины третьего утра не покидал спальню. Присяжным следует решить, какому из противоречащих утверждений отдать предпочтение.

Теперь по поводу ночных выстрелов. Егерь заявил, что слышал выстрел без десяти двенадцать, но предполагает, что стреляли браконьеры. Вполне вероятно, что браконьеры находились где-то поблизости. С другой стороны, утверждение леди Мэри, что она слышала выстрел примерно в три утра, не слишком хорошо вяжется с заявлением врача, который считает, что к моменту его приезда в Риддлсдейл в половине пятого Кэткорт был уже мертв в течение трех-четырех часов. Также необходимо помнить, что, по мнению доктора Торпа, погибший после ранения умер не сразу, а еще некоторое время жил. Если принять это во внимание, то момент смерти приходится отнести к периоду между одиннадцатью вечера и полночью. В таком случае это был скорее всего тот самый выстрел, который слышал егерь. И тогда остаются вопросы по поводу выстрела, разбудившего леди Мэри Уимзи. Хотя, если согласиться с версией о браконьерах, не исключена любая возможность.

Затем речь шла о теле погибшего, которое обнаружил герцог Денверский в три утра перед дверью в маленькую оранжерею у крытого колодца. Согласно медицинскому освидетельствованию почти не вызывает сомнений, что выстрел произошел в кустах на расстоянии семи минут ходьбы от особняка, а затем труп отволокли с того места к дому. Смерть определенно наступила в результате ранения в легкие. Присяжным предстоит решить, было ли это самоубийством или стрелял другой человек.

И далее — произвел ли он выстрел случайно, в порядке самозащиты, или по злому умыслу с целью лишить жизни. В отношении самоубийства необходимо оценить характер жертвы и обстоятельства трагедии. Покойный был молодым мужчиной в расцвете сил и явно состоятельным. Он сделал достойную военную карьеру, и его ценили друзья. Герцог Денверский относился к нему настолько хорошо, что согласился на помолвку с ним своей сестры. Были свидетельства — хотя, возможно, не вполне очевидные, — что помолвленные прекрасно друг к другу относились.

Герцог утверждает, что в среду вечером покойный объявил о своем намерении разорвать помолвку. Согласны ли присяжные, что тот мог, не сказав ни слова своей избраннице, не написав никаких объяснений, выскочить из дома и застрелиться? И еще: они должны оценить обвинения герцога в отношении жертвы. Герцог обвинил его в шулерстве. В обществе, к которому принадлежат участники данного расследования, такое обвинение страшнее обвинения в убийстве или адюльтере. Не исключено, что простое предположение такого греха — неважно: обоснованное или нет — могло заставить джентльмена с ранимой натурой покончить с собой.

Но был ли покойный человеком достойным? Он получил образование во Франции. А французские представления о чести в корне отличаются от британских. Коронер по юридическим делам общается с французами и просит незнакомых с ними присяжных учитывать разницу в

стандартах. К сожалению, содержащее детали обвинения письмо присяжным не представлено. Присяжные также могут задаться вопросом: не естественнее ли для самоубийцы выстрелить в голову? Как покойный завладел револьвером? И наконец: кто притащил труп к дому, зачем взял на себя этот труд, рискуя погасить в раненом последнюю искру жизни (буквально), вместо того чтобы разбудить домочадцев и вызвать помощь?

Если самоубийство исключается, остается несчастный случай, непредумышленное убийство или убийство. Если принять первое за основную версию и посчитать, что покойный или другое лицо взяли с некоей целью револьвер герцога Денверского — посмотреть, почистить, пострелять — и в это время произошел нечаянный выстрел, — остается вердикт «убийство по неосторожности». В таком случае как присяжные объяснят поведение того человека — кто бы он ни был, — который притащил труп к двери?

Далее коронер перешел к разъяснению, как закон определяет понятие «непредумышленное убийство». Он напомнил, что любые слова — как значимые, так и лишённые смысла — не являются достаточным оправданием убийства кого бы то ни было, конфликт должен быть внезапным и непреднамеренным. Не считают ли они, например, что герцог вышел из дома, желая вернуть гостя и убедить лечь спать в доме, а тот ответил кулаками или угрозами? Герцог, имея при себе револьвер, выстрелил в целях самообороны, и в таком случае получается, что произошло непредумышленное убийство. Тогда возникает вопрос: зачем герцог последовал за гостем со смертельным оружием в руке? И это предположение противоречит показаниям самого герцога.

И последнее: присяжные должны решить, достаточно ли свидетельств злого умысла, чтобы вынести вердикт о преднамеренном убийстве; имел ли кто-нибудь мотив, средства и возможность убить жертву; можно ли объяснить поведение этого человека другими предположениями; не является ли оно подозрительным или скрытым; не пытается ли он утаить относящиеся к делу улики или (тут коронер, глядя поверх головы герцога, заговорил с большим напором) сфабриковать такие, которые бы запутали следствие. Этого было бы достаточно для определения окончательной презумпции вины некоей стороны и вынесения вердикта о виновности этой стороны в совершении преднамеренного убийства.

Коронер также добавил, что при рассмотрении вопроса в данном ключе они должны исходить из собственного разума — человек, притащивший труп к двери оранжереи, сделал это в попытке оказания помощи или же с целью столкнуть тело в садовый колодец, который, как явствует из слов инспектора Крейкса, находится рядом с тем местом, где обнаружили покойного. Если присяжные сочтут, что жертву убили, но на основании имеющихся улик не будут готовы обвинить определенное лицо, то могут вынести обвинительный вердикт против неизвестного или неизвестных. Но если они считают доказанной чью-то вину в этом убийстве, то не должны допустить, чтобы чувство уважения к кому-либо мешало им исполнить свой долг.

Руководствуясь этими простыми советами, присяжные коротко посоветовались и без проволочек вынесли обвинительный вердикт против герцога Денверского в преднамеренном убийстве.

Глава 2

Зеленоглазый кот

Привет, гончий пес!
По следу скользит твой нос.
Д. Уайт-Мелвилл. Пей, щенок, пей...

Некоторые считают завтрак самой приятной трапезой дня. Другие, не столь крепкие, — худшей, а воскресный завтрак из всей недели наихудшим. Судя по лицам собравшихся за столом в Риддлсдейл-лодже, завтрак вовсе не шел им на пользу — не способствовал укреплению ни физических, ни духовных сил. Лишь достопочтенный Фредди Арбатнот не был ни зол, ни

обескуражен — молчал и увлеченно пытался выковырять из копченой сельди весь скелет целиком. Появление такой неблагородной рыбы на завтраке герцогини свидетельствовало о беспорядке в хозяйстве.

Герцогиня Денверская разливала кофе. Это была одна из самых неудобных для остальных ее привычек: опоздавшие на завтрак болезненно сознавали свою нерадивость. Женщина с длинной шеей и прямой спиной, она приучала к дисциплине свои волосы и детей: никогда не злилась, не терялась и не показывала своего гнева, отчего он ощущался еще сильнее.

Полковник Марчбэнкс с женой сидели рядом. В них не было ничего особо прекрасного, кроме равной взаимной привязанности. Миссис Марчбэнкс не злилась, хотя в присутствии герцогини испытывала неудобство, поскольку не могла выразить ей своего сочувствия. Если человека жалеешь, то называешь его бедняжкой или бедной. А поскольку назвать герцогиню бедняжкой совершенно невозможно, то и пожалеть ее толком нельзя. Это выводило миссис Марчбэнкс из равновесия, а полковник пребывал в замешательстве и сердился. В замешательстве — потому что не знал, о чем разговаривать в доме, где хозяина арестовали по обвинению в убийстве. А злился на повисшее над столом уныние, ибо сезон охоты не должны портить никакие неприятные инциденты.

Миссис Петтигрю-Робинсон не просто злилась, а была в ярости. Еще девочкой она приняла напечатанный на школьной тетради девиз: «Quocunque honesta»⁴. Она искренне полагала, что не следует забивать себе голову тем, что портит настроение. И в среднем возрасте так же старательно избегала газетных статей под заголовками вроде: «Нападение на школьного учителя в Крикльвуде», «Смерть в пабе», «75 фунтов за поцелуй» или «Она называла его родственником мужа». Миссис Петтигрю-Робинсон всегда говорила, что нет ничего хорошего в том, чтобы узнавать о таких вещах.

Она жалела, что согласилась приехать в Риддлсдейл-лодж. Леди Мэри она никогда не любила: считала неприятным образцом современных независимых молодых женщин. И помнила очень недостойный случай связи с большевиком, когда во время войны леди Мэри работала в Лондоне санитаркой. Миссис Петтигрю-Робинсон несколько не интересовал капитан Кэткарт: ей не нравились молодые мужчины подобной навязчивой красоты, — но поскольку муж изъявил желание погостить в Риддлсдейле, ей следовало находиться рядом. И она не виновата в таком печальном результате.

Сам же мистер Петтигрю-Робинсон злился, поскольку детектив из Скотленд-Ярда, когда осматривал дом и округу в поисках следов, отказался от его помощи. Будучи старше и обладая опытом в подобных делах (мистер Петтигрю-Робинсон служил мировым судьей графства), он вызвался помочь. Ему не только отказали, но в грубой форме попросили выйти из оранжереи, где он пытался реконструировать события с точки зрения леди Мэри.

Неприятные чувства в компании не были бы такими острыми, если бы не присутствие детектива. Тихий молодой мужчина в твидовом костюме сидел рядом с солиситором⁵ Мерблсом и ел карри. Он приехал из Лондона в пятницу, раскритиковал местную полицию и резко разошелся во мнениях с инспектором Крейксом. Следственную информацию он держал в тайне, а ведь если подать ее открыто, арест герцога Денверского можно было бы предотвратить. Детектив бесцеремонно обошелся с несчастными гостями, пообещав проверить каждого, и устроил компании жуткий день. А в довершение всего объявил себя близким другом лорда Питера Уимзи, на этом основании поселился в домике егеря и заявился на завтрак в особняк.

Мистер Мерблс был уже в годах и страдал от капризов желудка. Он поспешно приехал вечером в четверг и нашел, что расследование ведется не так, как следует, а его клиент непроходимо упрям в своих показаниях. Он всеми силами пытался связаться с королевским адвокатом Импи Биггсом, но тот, не оставив координат, куда-то исчез на выходные. Мерблс жевал маленький сухой тост, и ему невольно понравился детектив, который называл его «сэр» и предлагал масло.

⁴ Добродетель превыше всего (*лат.*)

⁵ В Великобритании представитель одной из адвокатских профессий; ведет дела в судах графств, подготавливает материалы для барристеров; вести дела в высших судах права не имеет.

— В церковь кто-нибудь собирается? — спросила герцогиня.

— Мы с Теодором хотели бы, если это не доставит слишком много хлопот, — ответила миссис Петтигрю-Робинсон. — Хотя мы можем пойти и пешком, ведь церковь не *слишком* далеко.

— В добрых двух с половиной милях, — уточнил полковник Марчбэнкс.

Мистер Петтигрю-Робинсон кинул на него благодарный взгляд.

— Разумеется, вы отправитесь на машине, — пообещала герцогиня. — Я тоже поеду.

— Вот как? — удивился достопочтенный Фредди. — Не боитесь, что станете там объектом всеобщего внимания?

— Право же, Фредди, — усмехнулась герцогиня, — какое мне до этого дело?

— Ну как же, говорят, что здесь живут только социалисты и методисты...

— Методисты в нашу церковь не ходят, — заметила миссис Петтигрю-Робинсон. — Методистов там не будет.

— Полагаете? — не согласился Фредди. — Еще как придут, если решат, что там будет на что посмотреть. Для них это интереснее, чем похороны.

— В этом деле надо руководствоваться долгом, а не стремлением к приватности, — сказала миссис Петтигрю-Робинсон. — Особенно в наше время, когда люди настолько безвольны. — Она покосилась на Фредди.

— О, миссис П., — мило улыбнулся тот, — не обращайтесь на меня внимания. Все, что я хотел сказать: если эти господа поведут себя непотребно, не вините меня.

— Кому может прийти в голову вас винить, Фредди? — удивилась герцогиня.

— Не меня, так мою манеру изъясняться.

— А вы что думаете по этому поводу? — обратилась ее светлость к мистеру Мерблсу.

— Полагаю, — ответил солиситор, осторожно помешивая кофе, — хотя ваше намерение прекрасно и делает вам честь, мистер Арбатнот все-таки прав в своем мнении, что это может привлечь к вам... э-э-э... некоторое ненужное внимание. Я сам всегда считал себя искренним христианином, но думаю, что вера не требует, чтобы мы выставлялись напоказ в таких незавидных обстоятельствах.

При этих словах Паркер вспомнил изречение лорда Мельбурна⁶.

— В конце концов, — вмешалась миссис Марчбэнкс, — Хелен права: какое это имеет значение? Нам всем нечего стыдиться. Совершенно очевидно, что произошла глупейшая ошибка, и я не понимаю: если кому-то хочется в церковь, почему бы не сходить?

— Согласен, дорогая, согласен, — тепло кивнул полковник. — Мы должны прислушиваться только к себе. Давай так и поступим, а перед проповедью уйдем. Покажем им всем, что не верим, будто старина Денвер наломал дров.

— Ты не забыл, дорогой, — перебила его жена, — что я обещала Мэри остаться с ней? Бедная девочка...

— Конечно, конечно! Как глупо с моей стороны, — кивнул полковник. — Как она?

— Всю прошлую ночь не могла найти себе места, — ответила герцогиня.

— Может, сегодня утром хоть немного поспит. Какой удар для нее!

— Который еще может оказаться для нее благом, — заметила миссис Петтигрю-Робинсон.

— Дорогая! — одернул ее муж.

— Интересно, когда мы что-нибудь услышим от сэра Импи? — поспешно спросил полковник Марчбэнкс.

— В самом деле, — протянул Мерблс. — Я рассчитываю на его влияние на герцога.

— Разумеется, — поддержала его миссис Петтигрю-Робинсон. — Герцог должен объясниться ради всеобщего блага: сказать, что делал на улице в такое время, — а если откажется, это обязательно нужно расследовать. Ведь именно для этого предназначены детективы. Не так ли?

— Таково их неблагодарное занятие, — подтвердил Паркер. Он долго молчал, и окружающие вздрогнули от его неожиданной реплики.

⁶ Премьер-министр Великобритании. «Дело совсем уж скверно, если религии позволено вмешиваться в личную жизнь».

— Вот именно, — согласилась миссис Марчбэнкс. — Надеюсь, мистер Паркер, что со временем вы все проясните. Возможно, у вас уже есть на примете настоящий убий... то есть подозреваемый, но вы не хотите об этом говорить.

— Не совсем так, — покачал головой Паркер. — Но я сделаю все, что от меня зависит. И кроме того, — он улыбнулся, — я рассчитываю на помощь.

— Чью? — поинтересовался мистер Петтигрю-Робинсон.

— Брата его светлости.

— Питера? — переспросила герцогиня. — Мистера Паркера, должно быть, забавляет семейный сыщик-любитель.

— Ничего подобного, — возразил Паркер. — Уимзи, если бы не его лень, был бы одним из лучших детективов в Англии. Но мы никак не можем с ним связаться.

— Я отправил ему в Аяччо телеграмму до востребования, — сообщил Мерблс. — Но понятия не имею, собирался ли он туда заезжать. Он не говорил, когда собирается вернуться в Англию.

— Перелетная птица, — бесцеремонно заявил Фредди. — Сегодня здесь, завтра там. Но теперь ему надлежит быть дома. Если что-то не так с герцогом, глава семьи он. И, пока не дозреет молодежь, должен всем заправлять.

Его слова были встречены напряженным молчанием. И в это время в тишине явственно раздался стук вставляемой в стойку для зонтов трости.

— Это еще кто? — удивилась герцогиня.

Дверь легко распахнулась.

— Доброе утро всей честной компании! — весело поздоровался вошедший. — Здравствуй, Хелен. Полковник, вы с прошлого сентября должны мне полкроны. Доброе утро миссис Марчбэнкс, доброе утро, миссис П. Мистер Мерблс, как вам нравится эта отвра... несносная погода? Фредди, не трудитесь вставать, мне претит мысль, что я доставляю вам неудобство. Паркер, старина, вы тот самый человек, на которого можно положиться, такой же верный помощник, как патентованное притирание. Вы уже закончили завтрак? Я хотел подняться раньше, но так храпел, что у Бантера не хватило духу меня разбудить. Чуть было не заявился к вам вчера ночью, но мы бы прибыли не раньше двух. Вы бы вряд ли обрадовались такому гостю. Что-то хотели спросить, полковник? Самолетом. «Викторией» из Парижа в Лондон. Из Северо-Западного округа в Норталлerton. Остаток пути — невозможные дороги, и перед самым Риддлсдейлом прокол колеса. Отвратительнейшая кровать в «Лорд-ин-Глори». Надеялся, что хоть здесь застану кусок колбасы. Неужели? Воскресное утро в английской семье — и никакой колбасы? Господи, куда катится мир? Может, вы мне скажете, полковник? Ну так что, Хелен, Джеральд в самом деле вляпался? Не надо было спускать с него глаз. Он всегда норовил угодить в какие-нибудь неприятности. Это что такое? Карри? Спасибо, старина. Только кладите побольше. Я три дня был в дороге. Фредди, передайте тост. Большое спасибо. Миссис Марчбэнкс, вы что-то сказали? Корсика — презабавнейшее место. Черноглазые парни с кинжалами за поясом и веселые симпатичные девушки. В одном местечке старина Бантер закрутил продолжительный роман с дочерью хозяйки гостиницы. Кто бы мог подумать, что этот негодяй такой влюбчивый. Боже, как я голоден! Хелен, я хотел привезти из Парижа красивого крепдешина, но не успел купить — прослышал, что Паркер отбивает по части кровавых пятен мой хлеб. Мы тут же собрались — и вперед.

Миссис Петтигрю-Робинсон поднялась из-за стола.

— Теодор, думаю, нам пора собираться в церковь.

— Я вызову машину, — сказала герцогиня. — Питер, чрезвычайно рада тебя видеть. Ты не оставил адреса, и это было очень неудобно. Жаль, что ты не успел повидаться с Джеральдом.

— Все в порядке, — весело ответил лорд Питер. — Знаешь, а это довольно удачная мысль — совершать преступления в кругу семьи. Появляется гораздо больше возможностей. А вот Полли мне жаль. Как она?

— Ее сегодня лучше не тревожить, — решительно заявила герцогиня.

— И в мыслях этого не было. Уверен, она выдержит. Сегодня у нас с Паркером кровавый пир: он мне покажет эти чертовы следы. Не волнуйся, Хелен: это не ругательство, а фигура речи. Надеюсь, их не смыли?

— Нет, — ответил Паркер. — Большинство из них я накрыл цветочными горшками.

— Тогда перейдем к делу, — предложил лорд Питер. — Рассказывай.

После ухода верных приверженцев церковных служб атмосфера стала менее напряженной. Миссис Марчбэнкс протопала по лестнице сказать Мэри, что приехал лорд Питер, а полковник закурил длинную сигару. Фредди встал, потянулся, пододвинул кожаное кресло к камину и сел, положив ноги на решетку. Паркер обогнул его и налил себе еще одну чашку кофе.

— Полагаю, ты познакомился с материалами.

— Да, прочитал протоколы дознания, — кивнул лорд Питер. — Такое впечатление — если позволите так выразиться, — что свидетели главным образом поливали друг друга грязью.

— Постыдное чтиво, — добавил Мерблс. — Позор. Коронер вел себя неподобающе. Не в его компетенции делать подобные выводы. Чего еще ждать, если присяжные сплошь деревенщины. А какие всплывали подробности! Жаль, я не мог оказаться здесь раньше...

— Боюсь, Уимзи, это отчасти моя вина, — покаялся Паркер. — У Крейкса на меня зуб. Начальник полиции в Степли связался с нами через его голову. Когда пришло сообщение, я бросился к начальнику и попросил это дело. Решил, что, если возникнут сложности и недопонимание, ты тут же поможешь мне, как никто другой. У меня до этого было назначено несколько коротких встреч по делу о подлоге, которое я веду, туда-сюда, и в результате успел только на ночной экспресс. Когда я появился здесь в пятницу, Крейкс с коронером уже вовсю спелись и назначили дознание на сегодняшнее утро, что само по себе смехотворно. Они устроили так, чтобы их чертовы улики были представлены как можно драматичнее. Я же успел познакомиться с обстановкой только поверхностно. Да и то все было истоптано следами Крейкса и его дуболомов-помощников из местной полиции. Поэтому ничего не мог предложить присяжным.

— Взбодрись, — успокоил его Уимзи. — Я тебя нисколько не виню. Кроме того, это все добавит погоне азарта.

— Положение таково, — вмешался Фредди, — что уважаемый коронер нас недолюбливает. Мы для него ветренные аристократы и распутные французы. Жаль, Питер, что вы разминулись с Лидией Кэткарт. Она вернулась в Голдерс-Грин и увезла тело.

— Не страшно, — ответил Уимзи. — Не думаю, что на трупе оставались какие-то тайны.

— Ничего особенного, — подтвердил Паркер. — Если полагаться на медицинскую экспертизу, жертве прострелили легкие. И это все.

— Только учтите, — предупредил Фредди, — он не сам в себя стрелял. Я промолчал, не желая противоречить старине Денверу, но все рассуждения о том, что Кэткарт настолько расстроился, что решил покинуть этот мир, полная чушь.

— Почему вы так считаете? — поинтересовался Питер.

— Мы вместе поднимались наверх, в спальни. Я был не в настроении — изрядно потерял в акциях, утром все время мазал, проиграл спор с полковником по поводу числа подушечек на лапах кухонного кота. И прямо заявил Кэткарту, что наш мир безнадежно глуп, или что-то в этом роде. Нисколько, возразил он. Наш мир прекрасен. На следующий день он собирался согласовать с Мэри дату бракосочетания, после чего они бы уехали жить в Париж, где лучше знают толк в сексе. Я буркнул какую-то ерунду, и он, насвистывая, оставил меня.

Паркер мрачно посмотрел на него. Полковник Марчбэнкс кашлянул.

— Что спрашивать с таких, как Кэткарт? Ничего. Французское воспитание, сами понимаете. Совсем не то, что прямолинейный англичанин. Взлет — падение, туда-сюда — жалко парня. Что ж, Питер, надеюсь, вы с мистером Паркером разберетесь в ситуации. Негоже, чтобы старина Денвер сидел в тюрьме: неподходящее для него место. Да и дичи много в этом году. Полагаю, мистер Паркер, вы пойдете в инспекционный обход? Не покатай ли нам шары на бильярде, Фредди?

— Отчего же не покатай? Только дайте мне сотню очков форы.

— Чепуха, — добродушно рассмеялся ветеран. — Вы прекрасный игрок.

Когда мистер Мерблс удалился, Уимзи и Паркер переглянулись поверх остатков завтрака.

— Питер, — начал детектив, — не знаю, правильно ли я поступил, заявившись сюда. Если ты считаешь...

— Будет тебе, старина, — перебил его товарищ. — Хватит деликатничать. Станем работать над этим делом, как над любым другим. Всплывет что-нибудь неприятное, я предпочитаю, чтобы

свидетелем стал ты, а не кто-то другой. Интересная загадка в своем роде, и я собираюсь хорошенько потрудиться.

— Если ты уверен, тогда все в порядке...

— Вот что, дорогой: если бы тебя здесь не оказалось, я бы сам за тобой послал. А теперь к делу. Я, разумеется, исхожу из предположения, что старина Джеральд не убивал.

— Конечно, не убивал, — согласился Паркер.

— Нет-нет, — покачал головой Уимзи. — Это не твоя роль. Никаких непродуманных выводов, никакого доверия. Твоя задача — остужать мои надежды холодной водой и подвергать сомнению мои заключения.

— Договорились. С чего хочешь начать?

— Давай начнем со спальни Кэткарта, — подумав, предложил Уимзи.

Комната покойного оказалась умеренных размеров, с расположенным над центральным входом единственным окном. Кровать стояла справа, туалетный столик — перед окном, слева — камин, перед ним кресло и маленький письменный стол.

— Все как было, — заметил Паркер. — Крейкс придает этому большое значение.

— Прекрасно. Джеральд заявил, что, когда он обвинил Кэткарта в шулерстве, тот так подпрыгнул, что чуть не перевернул стол. Вот этот письменный стол. Следовательно, Кэткарт сидел в кресле и, оттолкнув стол, смял этот ковер. Пока все сходится. Теперь: чем он занимался за столом? Чем угодно, только не читал. Книги нигде нет. А ведь мы знаем, что он второпях выскочил из комнаты и больше сюда не вернулся. Может, писал? Тоже нет. Промокательная бумага кристально чистая.

— Он мог писать карандашом, — предположил детектив.

— Согласен, губитель моих теорий, мог. И засунул лист в карман, когда явился Джеральд, потому что здесь никакого листа нет. Но и в карман не засовывал, поскольку на теле его не нашли. Следовательно, он не писал.

— Если не забросил бумагу куда-нибудь еще, — не сдавался Паркер. — Я не всю территорию обошел. Примитивный расчет показывает, если услышанный Хардро выстрел в одиннадцать пятьдесят — *тот самый*, что у нас неучтенных полтора часа.

— Хорошо. Давай так — нет никаких свидетельств того, что Кэткарт писал. Что это нам дает? Ну, следовательно...

Лорд Питер достал лупу, внимательно осмотрел поверхность кресла и только после этого в него сел.

— Ничего полезного, — заключил он. — Ясно одно: Кэткарт сидел там, где теперь сижу я. Он ничего не писал. Он... Ты уверен, что в комнате ничего не трогали?

— Абсолютно.

— Тогда он также и не курил.

— Почему нет? Когда пришел Денвер, он мог выбросить остаток сигары или окурок сигареты в огонь камина.

— Только не сигареты, — покачал головой Питер. — Иначе мы обнаружили бы где-нибудь следы: на полу, на решетке. Легкий пепел разлетается по сторонам. Другое дело сигара: он мог курить сигару, не оставляя следов, — но думаю, что и этого не было.

— Почему?

— Потому что я считаю, старина, что в словах Джеральда есть элемент правды. Разнервничавшийся человек не станет утонченно наслаждаться сигарой перед сном и следить, куда падает пепел. Хотя, с другой стороны, если Фредди прав и Кэткарт был спокоен и доволен жизнью, его поведение могло быть именно таким.

— Тебе не кажется, что мистер Арбатнот все это сочинил? — задумчиво спросил Паркер. — Хотя на меня он не произвел такого впечатления. Чтобы такое сочинить, требуется воображение и недоброжелательность. По-моему, эти качества за ним не водятся.

— Согласен, — кивнул лорд Питер. — Я знаю Фредди всю свою жизнь, он мухи не обидит. И к тому же у него не хватит мозгов сочинить такой рассказ. Тревожит другое: у Джеральда тоже недостаточно воображения, чтобы сочинить такую драму, как в театре «Адельфи» — изобразить настоящие страсти между собой и Кэткартом.

— Хотя, с другой стороны, если мы на секунду представим, что это он стрелял в Кэткарта, придется согласиться, что у него был мотив. Если все настолько усложняется — это стимул для обострения воображения. И еще: приведенная история выдает неопытного рассказчика.

— Господи, ты топчешь все мои открытия. Ладно. Я ранен, но не сломлен. Кэткарт сидел здесь...

— Так утверждает твой брат.

— Будь ты неладен! Я говорю, что сидел. По крайней мере, кто-то сидел и оставил на подушке вдавненный отпечаток своего сидалища.

— Отпечаток мог остаться с более раннего времени дня.

— Вздор! В доме целый день никого не было. Не перегибай со своим саддукейским подходом, Чарлз. Я утверждаю, что здесь сидел Кэткарт. И вот пожалуйста. — Лорд Питер наклонился к решетке. — Здесь кусочки сгоревшей бумаги!

— Видел. Вчера я пришел в восторг, когда их обнаружил, но нашел точно такие же в других комнатах. Это растопка. В спальнях часто разжигают огонь днем, когда хозяев нет дома, а потом еще, за час до ужина. Из прислуги здесь только повар, горничная и Флеминг — маловато, чтобы обслуживать такую большую компанию.

Лорд Питер поднял обгоревшие кусочки.

— Нечего возразить, — грустно согласился он. — И эти фрагменты «Морнинг пост» лишнее тому подтверждение. Остается предположить, что Кэткарт сидел здесь в минорном настроении и абсолютно ничего не делал. Боюсь, это нас никуда не ведет.

Он встал и подошел к туалетному столику.

— Хорошие туалетные приборы из черепашьего панциря. И одеколон «Бэзер дю суар» тоже очень приятен. Не знал такого. Надо обратить внимание Бантера. Очень милый маникюрный набор. Я сам люблю чистоту и аккуратность. Но Кэткарт был из тех людей, которые явно *чересчур* увлечены уходом за собой. Бедолага! В итоге он будет похоронен в Голдерс-Грин. Я видел его всего раз или два. Он старался создать впечатление, что знает все обо всем. Я удивился выбору Мэри, хотя понимаю, что чертовски мало ее знаю. Когда грянула война, она только окончила школу и жила в парижском доме. Вернулась, когда я уже поступил на военную службу. Ухаживала за ранеными, занималась общественной работой, так что мы почти не виделись. Она тогда увлекалась теориями, как сделать мир правильным, и нам не о чем было разговаривать. За ней ухаживал некий пацифист — как я понимаю, отменный красавец. Затем я заболел, потом получил отставку от Барбары, и мне больше не хотелось тревожиться о сердечных делах других, а после с головой погрузился в алмазное дело Аттенбери, и вот результат: я очень мало знаю свою сестру. Но похоже, что ее вкусы в отношении мужчин изменились. Мать говорила, что в Кэткарте было обаяние. Это, как я понимаю, означает, что он привлекал женщин. Ни один мужчина не объяснит, как это удастся другому мужчине. Но мама обычно всегда права. Что там с документами жертвы?

— Их здесь очень мало, — ответил Паркер. — Есть чековая книжка отделения «Кокса» на Чаринг-Кросс, но она новая и мало что дает. Держал там небольшие суммы для удобства, когда приезжал в Англию. Тратил на себя — расплачивался за отели, с портным.

— Больше никаких банковских книжек?

— Полагаю, все его важные документы в Париже. У него там квартира где-то у реки. С парижской полицией мы на связи. Еще у него есть комната в Олбани. Я просил ее закрыть до моего приезда. Хотел прокатиться туда завтра.

— Да, это правильно. Как насчет бумажника?

— Бумажник нашли. В нем около тридцати фунтов в разных купюрах, карточка виноторговца и счет за бриджи для верховой езды.

— Никакой корреспонденции?

— Ни строки.

— Ни строки... — повторил Уимзи. — Как я понимаю, он был из тех, кто не хранит писем. Инстинкт самосохранения.

— Да. Кстати, я спрашивал слуг по поводу его писем. Те подтвердили, что он получал их изрядное количество, но никогда не оставлял. Сколько писал сам, они не знают, поскольку Кэткарт бросал их в почтовый мешок, который относили на почту и вскрывали только там, или отдавал в руки почтальону, если тот приходил. Но складывается впечатление, что писал он не особо много.

Горничная утверждает, что в мусорной корзине не находила ничего, что свидетельствовало бы об обратном.

— На редкость ценные сведения. Постой! Вот его вечная ручка. Очень красивая, в золотом корпусе. Смотри, совершенно пустая! Правда, не представляю, какой из этого следует вывод. Кстати, нет ни одного карандаша. Это мне подсказывает, что ты ошибся, предположив, что он писал письма карандашом.

— Я ничего не предполагал, — мягко возразил Паркер.

Лорд Питер отошел от туалетного столика, взглянул на содержимое шкафа и перевернул пару-тройку книг на прикроватной полке.

— «Харчевня королевы «Гусиные лапы», «Аметистовый перстень»⁷, «Южный ветер»⁸ (Наш юный друг очень верно придерживался типажа.), «Хроника кадета Кутра»⁹ (Только этого не хватало!), «Манон Леско»¹⁰. Хм! Есть еще что-нибудь в этой комнате, на что мне стоит взглянуть?

— Пожалуй, нет. Куда хочешь направиться дальше?

— Вниз. Постой, чьи здесь еще комнаты? Эта, помнится, Джеральда. Хелен сейчас в церкви. Вот и заглянем. Пыль здесь, конечно, вытирали и сделали ее непригодной для осмотра.

— Боюсь, что так. Но я не смог бы выставить герцогиню из ее собственной спальни.

— Разумеется. Вот окно, из которого кричал Джеральд. На каминной решетке, конечно, ничего нет — огонь с тех пор разводили. Интересно, куда Джеральд подевал то письмо — я имею в виду от Фриборна.

— Никому не удалось вытянуть из него ни слова по этому поводу, — произнес Паркер. — Старый мистер Мерблс пытался выяснить, но ничего не добился. Герцог настаивает, что он его просто уничтожил. Мерблс считает, что это абсурд. И это справедливо. Если герцог хотел выдвинуть обвинения против жениха сестры, ему бы потребовались доказательства своих утверждений. Или он, как один из тех римских братьев, хотел просто провозгласить: «Как глава семьи, я запрещаю ваш брак, и этого достаточно»?

— Джеральд добрый, приличный, порядочный, хорошо воспитанный выпускник привилегированной школы — и невозможный осел. Но не думаю, что у него настолько средневековые повадки.

— Но если письмо у него, почему бы его не предъявить?

— А действительно, почему? Письма от однокурсников и друзей из Египта, как правило, не компромат.

— А нельзя ли предположить, — осторожно начал Паркер, — что в письме содержится... упоминание о давнишней... э-э-э... любовной связи твоего брата... и он не хотел, чтобы о ней узнала герцогиня.

Лорд Питер помолчал, рассматривая ряд обуви, и наконец ответил.

— Это дельная мысль. Бывали интрижки, хоть и незначительные, но Хелен раздула бы из этого пожар по максимуму. — Лорд Питер присвистнул. — И все же, когда дело пахнет виселицей...

— Неужели, Уимзи, ты полагаешь, что твой брат допускает возможность виселицы?

— Думаю, Мерблс ему достаточно недвусмысленно это объяснил.

— Так-то оно так. Но неужели он и впрямь считает — пускай исключительно в воображении, — что английского пэра можно повесить на основании косвенных улик?

Лорд Питер задумался над этим вопросом.

— Воображение не самая сильная сторона Джеральда, — признал он наконец. — По-моему, пэров всегда именно вешали... Им же не отрубали голову на площади Тауэр-хилл или что-то в этом роде?

— Я это выясню, — пообещал Паркер. — Но графа Феррерса совершенно точно повесили в 1760 году.

— Неужели? Что ж, как сказал старый язычник о Евангелии, «это было давно, и будем надеяться — неправда».

⁷ Романы А. Франса.

⁸ Роман Н. Дугласа.

⁹ Роман А. Эрмана.

¹⁰ Роман А. Прево, известного как аббат Прево.

— Правда, — подтвердил Паркер. — А потом его вскрыли и анатомировали. Но эту часть процедуры больше не соблюдают.

— Мы обязательно расскажем об этом Джеральду, — заявил лорд Питер, — и убедим его отнестись к делу серьезно. В каких сапогах он ходил в среду вечером?

— Вон в тех, — показал Паркер, — но эти идиоты их почистили.

— Вижу. Ага! Добротные тяжелые высокие сапоги со шнуровкой. Способствуют приливу крови к голове.

— Еще на нем были бриджи. Вот эти.

— Весьма тщательный выбор наряда для простой прогулки по саду. Однако, как ты наверняка собираешься заметить, ночь была сырой. Надо спросить у Хелен, не мучился ли Джеральд бессонницей.

— Я спрашивал. Она ответила, что обычно — нет, но иногда у него болели зубы, и он не мог уснуть.

— Но зубная боль не гонит человека на улицу в холодную ночь. Ладно, пойдем вниз.

Они миновали бильярдную, где в этот момент полковник очень красиво закатил шар, и вошли в пристроенную к ней небольшую оранжерею.

Лорд Питер мрачно обвел взглядом хризантемы и ящики с цветочными луковицами.

— Чертовы цветы выглядят отменно здоровыми. Получается, ты каждый день позволял садовнику копошиться здесь, чтобы их поливать?

— Позволял, — подтвердил Паркер извиняющимся тоном. — Но дал строгие инструкции ходить только по циновкам.

— Хорошо. Убирай их, и приступим к работе.

Держа перед глазами лупу, Уимзи внимательно осмотрел пол.

— Полагаю, все ходили этим путем?

— Да, — ответил Паркер. — Я опознал большинство следов. Люди входили и выходили. Вот это герцог. Шел с улицы. Перешагнул тело. (Паркер открыл внешнюю дверь и поднял циновки, чтобы показать окрашенную кровью утопанную гравийную тропинку). Возле тела он опустился на колени. Вот отпечатки коленей, вот — ступней. Затем направился через оранжерею в дом, оставляя внутри следы черной грязи и гальки.

Лорд Питер осторожно присел на корточки над отпечатками и внимательно рассмотрел.

— Повезло, что здесь такой податливый гравий.

— Да. Это единственный подобный участок. Садовник объяснил: здесь так растоптано и грязно потому, что он регулярно ходит к бадье наполнять лейки. Бадью постоянно пополняют из колодца, а потом воду переносят в лейках. В этом году здесь особенно топко, поэтому несколько недель назад положили новый гравий.

— Жаль, не распространили свое благое намерение на всю дорожку, — проворчал лорд Питер, неустойчиво балансируя на куске мешковины. — Пока все подтверждает слова старины Джеральда. Что за слон наступал сбоку от ящика? Кто таков?

— А, это констебль. Навскидку больше центнера весом. Он нам неинтересен. Вот резиновая подошва Крейкса, с характерным рисунком. Он тут везде наследил. Вот смазанные отпечатки домашних тапочек Арбатнота, а калоши — мистера Петтигрю-Робинсона. О них мы можем забыть. Но вот через порог ступила женская нога в крепкой обуви. Полагаю, леди Мэри. Вот опять у края колодца. Подошла поглядеть на тело.

— Да, — кивнул лорд Питер, — и вернулась, подцепив на сапожок несколько красных камешков. Все правильно.

На внешней стене оранжереи висели полки для мелких растений, а под ними — огороженный рядом горшков с крупными хризантемами — располагался унылый клочок влажной земли, где беспорядочно торчали вытянутые жилистые кактусы и стелились папоротники.

— Что тебя заинтересовало? — спросил Паркер, видя, как его друг вглядывается в зеленый уголок.

Лорд Питер извлек свой длинный нос из промежутка между двумя горшками и спросил:

— Кто и что сюда ставил?

Паркер поспешил к другу. Среди кактусов виднелся ясный отпечаток некоего длинного предмета с четкими углами, который когда-то стоял вне поля зрения за горшками.

— Хорошо еще, что садовник Джеральда не из тех добросовестных идиотов, которые даже кактус не могут оставить на зиму в покое, — проговорил лорд Питер. — Упорно поднимают поникшие головки до тех пор, пока несчастное растение не превратится в красного дикобраза. Измерь.

Паркер измерил.

— Два с половиной фута на шесть дюймов, — сказал он. — Приличного веса: вдавилось в землю и поломало растение. Что это было? Поддон от чего-то?

— Не похоже, — возразил лорд Питер. — Земля вдавлена сильнее с дальнего края. Такое впечатление, что здесь стояло что-то громоздкое и прислоненное к стеклу. Если хочешь знать мое мнение, это был чемодан.

— Чемодан? — удивился лорд Паркер. — Зачем сюда ставить чемодан?

— И в самом деле, зачем? Можно предположить, что он простоял здесь недолго. Днем его бы заметили. Но кто-то вполне мог быстро сунуть чемодан сюда, если его с ним застучали — скажем, в три часа утра, — чтобы спрятать с глаз.

— В таком случае, когда же его забрали?

— Почти сразу, надо думать. До рассвета. Иначе его не проглядел бы даже инспектор Крейкс.

— Полагаю, это не чемоданчик врача?

— Нет, если только он не полный дурак. С какой стати оставлять медицинский чемодан в грязном сыром месте, когда по всем законам здравого смысла и удобства его следовало бы разместить рядом с телом? Если не брать в расчет садовника и Крейкса, в среду вечером что-то здесь спрятать могли только Джеральд, Кэткарт или, скажем, Мэри. И никто другой.

— Да, — согласился Паркер. — Но здесь был еще один человек.

— Кто?

— Назовем его Неизвестной Личностью.

— Кого?

Вместо ответа Паркер гордо шагнул к циновке, аккуратно уложенной на деревянные рамки, и с видом епископа, снимающего покрывало с памятника, продемонстрировал V-образную линию следов.

— Не принадлежат никому, кого я видел или о ком слышал.

— Ура! — воскликнул лорд Питер. — «Следы ведут на косогор, отчетливо видны...»¹¹

— Не радуйся раньше времени, — заметил Паркер. — Скорее подходят другие строки: «Следы пересекают мост... а дальше чистый снег»¹².

— Великий поэт Вордсворт, — кивнул лорд Питер. — Очень часто в этом убеждаюсь. И так. Следы мужчины с ногами десятого размера, со стертymi каблуками и заплатой на левой внутренней стороне подошвы появляются с твердой части тропинки, где отпечатков не видно, и ведут к телу — сюда, где лужа крови. Весьма странно, тебе не кажется? Нет? Похоже, нет. А под телом следов не было? Невозможно определить — сплошное месиво. Неизвестный подошел довольно близко, вот его глубоко вдавленный след. Возможно, он хотел бросить Кэткарта в колодец, но тут услышал шум, встрепенулся, развернулся — и убежал на цыпочках в кусты.

— Да, — кивнул Паркер. — Следы выводят к одной из заросших травой лесных тропинок и там обрываются.

— Ага! Ну, мы позже по ним пройдемся. Так, а откуда же они начинаются?

Друзья проследовали по дорожке дальше от дома. Кроме участка у оранжереи, гравий везде был старым, утоптаным и твердым, и отпечатков там почти не осталось, тем более что в последние дни шли дожди, но Паркер заверил Уимзи, что там были явные признаки волочения и следы крови.

— Следы какого типа — смазанные?

— Да, в основном смазанные. К тому же смещенное покрытие на всем пути. А вот здесь нечто странное.

¹¹ 12 У. Вордсворт «Люси Грей». Пер. Игн. Ивановского.

¹² Там же.

На границе с травянистым участком виднелся четкий отпечаток глубоко вдавленной в землю мужской ладони. Пальцы указывали в сторону дома. Гравий на дорожке был взрыт двумя длинными бороздами, трава на границе с тропинкой перепачкана кровью, вырвана и примята.

— Мне это не нравится, — заметил лорд Питер.

— Да, жутковато смотрится, — согласился Паркер.

— Бедняга! Здесь он из последних сил пытался упираться. Это объясняет кровь у двери в оранжерею. Но каким надо быть исчадием ада, чтобы тащить тело, в котором еще теплится жизнь?

Через несколько ярдов тропинка сливалась с главной подъездной аллеей, вдоль которой росли деревья, дальше от дороги переходящие в густую чащу. В точке пересечения Паркер обратил внимание лорда Уимзи еще на некоторые малозаметные следы, а еще ярдов через двадцать друзья свернули в сторону чащи. Одно из деревьев когда-то давно упало, образовав небольшую полянку, теперь аккуратно накрытую закрепленным брезентом. В воздухе стоял густой запах грибов, плесени и гниющих листьев.

— Место трагедии, — коротко пояснил Паркер, отворачивая брезент.

Лорд Питер печально опустил взгляд. В пальто и сером шарфе, с узким, продолговатым лицом, он походил на большого меланхолического аиста. Тут жертва упала, корчась от боли, смахнув телом в сторону опавшие листья и оставив углубление во влажной земле. Темное пятно указывало место, где в почву впиталось много крови. И эта же кровь придавала желтым тополиным листьям не по-осеннему ржавый окрас.

— Здесь нашли платок и револьвер, — сообщил Паркер. — Я пытался обнаружить отпечатки пальцев, но дождь и грязь все уничтожили.

Уимзи вытащил свою лупу, улегся на живот и пустился в персональный ознакомительный тур по местности, неспешно ползая из стороны в сторону. Паркер молча следовал за ним.

— Какое-то время он ходил взад-вперед. Не курил. Что-то обдумывал или кого-то ждал. А это что такое? Ага! Снова нога десятого размера, обладатель которой пробирався сюда сквозь деревья с дальней стороны от дороги. Никаких следов борьбы, что очень странно. Кэткарта застрелили с близкого расстояния. Так?

— Да. Выстрел опалил на его груди рубашку.

— Так почему же он спокойно стоял и ничего не предпринимал для своего спасения?

— Полагаю, — предположил Паркер, — он назначил с Десятым Размером встречу. И тот человек, не вызывая подозрений, подошел к нему вплотную.

— Значит, беседа поначалу складывалась дружеским образом — по крайней мере, со стороны Кэткарта. Загвоздка с револьвером. Откуда у Десятого Размера револьвер Джеральда?

— Дверь в оранжерею оставалась незапертой, — неуверенно произнес Паркер.

— Об этом не знал никто, кроме Джеральда и Флеминга, — возразил лорд Питер. — И что же, ты хочешь сказать, что Десятый Размер явился сюда, потом сбегал в кабинет, взял револьвер, вернулся и застрелил Кэткарта? На мой взгляд, просто нелепость. Уж если решил пострелять, надо вооружиться заранее.

— Более вероятно, что это Кэткарт принес револьвер с собой, — согласился Паркер.

— В таком случае почему отсутствуют следы борьбы?

— Может быть, Кэткарт застрелился? — предположил детектив.

— Тогда зачем Десятый Размер перетащил его на видное место, а затем сбегал?

— Стоп. А если предположить следующее. У Десятого Размера с Кэткартом была назначена встреча — допустим, с целью шантажа. Он каким-то образом сообщил жертве о своих намерениях между девятью сорока пятью и пятнадцатью минутами одиннадцатого. Это объясняет изменение в поведении Кэткарта и подтверждает, что и Арбатнот, и герцог говорили правду. После ссоры с твоим братом Кэткарт стремительно убегает. Расхаживает туда-сюда в ожидании Десятого Размера, тот приходит и ругается с ним. Кэткарт предлагает деньги, Десятый Размер требует больше. Кэткарт отвечает, что у него столько нет. Оппонент грозит, что в таком случае не будет молчать, на что Кэткарт говорит: «В таком случае можете убираться к дьяволу! А я буду вам попутчиком». И стреляется из револьвера, который предусмотрительно захватил с собой. Десятого Размера охватывает чувство раскаяния. Он замечает, что Кэткарт еще жив, и то несет, то волочит его к дому. Он меньше и слабее Кэткарта, и для него это тяжкий труд. Они добираются до

оранжереи, когда раненый, потеряв много крови, испускает дух. Десятый Размер понимает, что оказался в трудном положении: три часа утра, он один над трупом — это как-то надо объяснить. Бросает тело и поспешно ретируется. Появляется герцог Денверский и натывается на труп. Живописная сцена.

— Неплохо, — похвалил лорд Питер. — Вполне достойно. Однако когда, по-твоему, это случилось? Джеральд обнаружил труп в три утра. Врач, прибывший в половине пятого, утверждает, что Кэткарт был мертв в течение нескольких часов. Ну ладно. Тогда как насчет выстрела, который моя сестра слышала в три часа?

— Сразу оговорюсь, старина: не хочу показаться грубым по отношению к твоей сестре. Скажу так: по-моему, стрелял браконьер.

— Конечно, браконьер, — согласился лорд Питер. — Во всех смыслах этого слова. Что же, Паркер, тогда все сходится. Давай примем это объяснение как временное. Наша первейшая задача — найти Десятый Размер, поскольку он может свидетельствовать, что Кэткарт совершил самоубийство, а это — если иметь в виду дальнейшую судьбу моего брата — единственное, что имеет значение. Но ради удовлетворения самолюбия мне хотелось бы понять вот что: чем именно Десятый Размер шантажировал Кэткарта? Чей чемодан стоял у оранжереи? Что Джеральд делал в саду в три часа утра?

— Давай начнем с того, что определим, откуда явился этот Десятый Размер, — предложил Паркер.

— Ого! — воскликнул Уимзи, когда они вернулись на тропу. — Да тут настоящий клад! Смотри, Паркер!

Из грязи и облетевших листьев он поднял маленький блестящий предмет, и тот вспыхнул в его пальцах белыми и зелеными искрами.

Это был амулет из тех, какие женщины носят на браслетах — миниатюрный бриллиантовый кот с яркими изумрудными глазами.

Глава 3

Пятна грязи и крови

Конечно, на свете есть немало хорошего в своем роде, но дайте мне кровь... Мы говорим: «Вот оно! Это кровь!» Вот так в действительности обстоят дела. Давайте посмотрим в глаза фактам. Это не вызывает сомнений... Кровь, знаете ли, нам необходима.

*Ч. Диккенс. Дэвид Копперфильд*¹³

— До сих пор, — начал лорд Питер, пока они в поисках следов джентльмена с ногой десятого размера с трудом продирались сквозь неглубокий лес, — я считал, что услужливые преступники, которые помечают свой путь личными безделушками (развешивают на гнилых грибах, как в нашем случае), — это досужие выдумки детективных авторов, которым так удобнее, но, оказывается, мне еще нужно многому учиться в моей работе.

— Ты ведь ею не так давно занимаешься, — заметил Паркер. — К тому же нам доподлинно неизвестно, что бриллиантовую кошку обронил именно преступник. Она могла принадлежать кому-то из вашей семьи и много дней пролежать там, где мы ее нашли. Может, это вещьца хозяина усадьбы, который сейчас в Штатах, или кого-нибудь из прошлых постояльцев, потерявшего ее несколько лет назад. О! Эта сломанная ветка, возможно, наш союзник — думаю, так и есть.

¹³ Пер. И. Введенского

— Я спрошу у родных, — пообещал лорд Питер. — И надо выяснить в деревне, не искал ли кто потерянное украшение в виде кота. Первоклассные камешки. Такими не разбрасываются просто так. Что-то я других следов не вижу.

— Есть. Вот тут он запнулся о корень.

— Так ему и надо, — буркнул Уимзи, распрямляя спину. — Вот что я скажу: человеческое тело не очень-то подходит для службы ищейкой. Было бы намного практичнее ходить на четырех ногах или иметь глаза на коленях.

— Телеологической¹⁴ точке зрения на сотворение человека присуще много трудностей, — заметил Паркер. — О, мы уже дошли до забора парка.

— А вот и то место, где он перелез, — добавил лорд Питер, указывая на верхушку ограждения со сломанными пиками. — Вон вмятина, где он приземлился на каблучки. А дальше — где упал вперед на ладони и колени. Гм... не подставишь мне спину, дружище? Спасибо. Проломлено давно. За заборами надо следить, господин Монтень, проживающий сейчас в Штатах. Но Десятый Размер все равно порвал пальто о пику — на острие остался кусочек клетчатой ткани. На нашу удачу. Так, тут с другой стороны глубокая сырая яма, в которую я сейчас загремлю.

Грохот и шорох дали знать, что его светлость осуществил данное намерение. Внезапно покинутый Паркер огляделся и, увидев, что он всего лишь в сотне ярдов от ворот, бросился к ним, где его чинно выпустил появившийся в этот момент из домика егерь Хардро.

— Кстати, — обратился к нему Паркер, — вы в итоге обнаружили в среду ночью следы браконьеров?

— Нет, — ответил тот. — Никаких мертвых кролей. Сдается мне, госпожа напутала насчет времени выстрела — тот, который я слышал, и прикончил капитана.

— Не исключено, — согласился Паркер. — Вы, случайно, не знаете, когда вон там на заборе сломали пики?

— С месяц, а то и два, назад. Их должны были починить, но работник захворал.

— Как я понимаю, ворота на ночь запираются?

— Знамо дело.

— И если кому-нибудь надо пройти на территорию, придется разбудить вас?

— Так и есть, сэр.

— Не видели, чтобы в прошлую среду с наружной стороны ограды болтались подозрительные личности?

— Нет, сэр. Может, жене кто на глаза попадался? Эй, мать, поди сюда!

Из двери показалась вызванная таким образом миссис Хардро. К ее юбке жался маленький мальчик.

— В среду? — переспросила она. — Нет, никаких бездельников не видала. Место здесь на отшибе, так что я поглядываю за всякими бродягами. В среду, в среду... Хотя да, Джон, появлялся в тот день паренек с мотоциклеткой.

— Молодой человек с мотоциклом?

— Истинно так, сэр. Сказал, что проколол колесо, и попросил ведро воды.

— И это все?

— Еще спросил, как называется наше место и чей это большой дом.

— Вы ему сказали, что здесь проживает герцог Денверский?

— Да, сэр. Он еще заметил, что многие джентльмены, наверное, ходят на охоту.

— Он не сказал, куда направляется?

— Из Вейрдейла в Кумберленд.

— Он долго здесь пробыл?

— С полчаса. Затем завел свою таратайку и потрясся в сторону Кингс-Фентона.

Она указала направо, где посередине дороги размахивал руками лорд Питер.

— Каким человеком он вам показался?

¹⁴ Телеология — учение, приписывающее процессам и явлениям природы цели, которые или устанавливаются Богом, или являются внутренними причинами природы.

— Да человек как человек. — Как и большинство свидетелей, миссис Хардро нельзя было назвать щедрой на описания. По ее словам, молодой и высокий. Не блондин, не брюнет, что-то среднее, в длинном пальто, какие надевают мотоциклисты, с поясом.

— Джентльмен?

Миссис Хардро колебалась, и Паркер мысленно отнес незнакомца к разряду «не совсем».

— Вы, случайно, не заметили номер мотоцикла?

Она не заметила, но добавила, что мотоцикл был с коляской.

Лорд Питер жестикулировал все интенсивнее, и Паркер поспешил к нему.

— Шевелись быстрее, старый трепач! — нетерпеливо воскликнул Уимзи. — Здесь такая дивная яма.

Из ямы этой,
Когда лобзал деревья нежный ветер,
Не шелестя листвою, — из ямы этой,
Наш друг всходил на стены Трои, верно,
И отер каблуки о грязную траву¹⁵.

Только взгляни на мои брюки!

— С этой стороны перелезть через забор вовсе не просто, — констатировал Паркер.

— Еще бы. Он сперва стоял в яме, потом задрал ногу вот сюда, на нижнюю перекладину, где выломана пика. Взялся за верхнюю и подтянулся. Наш Десятый Размер, должно быть, исключительного роста, силы и ловкости. Я бы оттуда закинуть ногу не сумел, не говоря уже о том, чтобы дотянуться до верха. Во мне пять футов девять дюймов. А ты бы смог?

В Паркере было шесть футов, но он сумел лишь дотронуться до верха.

— В лучшие дни смог бы, — оправдался он. — Но потребовался бы соответствующий стимул и мотивация.

— На этом давай пока остановимся и сделаем вывод, что Десятый Размер исключительного роста и силы.

— Немного досадно, что до этого мы пришли к выводу, что он редкий коротышка и слабак.

— О да, — кивнул Питер, — это ты очень точно выразился: немного досадно.

— Хорошо, что сейчас все прояснилось. Полагаю, у него не было сообщника, чтобы подставить спину или подсадить.

— Разве что тот был безногим или имел какое-то невидимое средство опоры. — Питер указал на единственный отпечаток пары заплатанных подошв десятого размера. — Кстати, каким образом он безошибочно вышел в темноте к тому месту в заборе, где выломаны пики? Похоже, этот человек из местных или заранее разведал обстановку.

— В ответ на твои слова я расскажу, о чем так увлекательно «трепался» с миссис Хардро.

— Хм... — промывчал Уимзи, когда Паркер закончил. — Нужно навести справки в Риддлсдейле и Кингс-Фентоне. А пока что мы узнали, откуда пришел Десятый Размер. Теперь надо выяснить, куда он скрылся после того, как притащил тело Кэткарта к колодцу.

— Следы ведут к заказнику, — сказал Паркер. — А дальше я их потерял. Там настоящий ковер из опавших листьев папоротника.

— Понятно, но у нас нет необходимости снова изображать ищеек. Человек сюда вошел и, если предположить, что он не прячется здесь до сих пор, как-то вышел. Не через ворота — иначе его заметил бы егеря. И не тем же путем, каким появился, иначе оставил бы там обратные следы. Следовательно, он покинул территорию в каком-то другом месте. Давай-ка прогуляемся вдоль забора.

— Тогда пойдем налево, — предложил Паркер. — Заповедник в ту сторону, а он явно ушел через него.

— Справедливо, о мой король. И, поскольку здесь не церковь, нет ничего зазорного в направлении против движения солнца. Кстати, о церкви: скоро вернется Хелен. Давай поторопимся, старина.

¹⁵ Обыграны строки из пьесы У. Шекспира «Венецианский купец».

Они пересекли въезд на территорию, миновали егерский домик, а далее, сойдя с дороги, двинулись с внешней стороны забора по открытой травяной луговине. И вскоре нашли то, что искали: на металлической пике забора выше головы сиротливо висела полоска ткани. Уимзи, опираясь на Паркера, полез за ним почти в лирическом восхищении.

— Вот же, вот! — кричал он. — Пояс от «Барберри»! Какие могут быть осторожности? Тут следы человека, спасавшего свою жизнь, удиравшего со всех ног. Он порвал пальто, совершая отчаянные прыжки на забор — один, другой, третий! С третьей попытки у него получилось уцепиться за пики и вскарабкаться наверх. Вот следы на заборе! В трещине кровь — он поранил руки. А затем он спрыгнул, отцепив пальто, но оставив пояс болтаться...

— Хорошо бы, ты тоже спрыгнул, — буркнул Паркер. — Не ровен час, сломаешь мне шею.

Лорд Питер послушно спрыгнул и встал рядом, теребя пальцами пояс. Его большие серые глаза беспрестанно скользили по полю. Внезапно он сжал Паркеру руку и живо зашагал к невысокому сооружению в деревенском стиле у дальней стены ограды. И там повел себя как терьер на охоте: нос вперед, кончик языка прикушен. Перепрыгнул ограду, повернулся к Паркеру и спросил:

— Ты читал «Песнь последнего менестреля»?¹⁶

— Большую часть выучил наизусть в школе, — ответил Паркер. — А что?

— В ней есть один персонаж, гоблин-паж, который в самые неподходящие моменты кричит: «Нашел! Нашел! Нашел!» Я всегда считал его жутко надоедливым. А теперь понимаю его чувства. Смотри сюда!

Неподалеку от ограды были следы мотоцикла с коляской — на узкой грязной тропинке, идущей под прямым углом к главной дороге.

— Отлично, — похвалил Паркер. — Новая покрышка «Данлоп» на переднем колесе, на заднем старая. На колесе коляски резина «Гайтер». Приметней не придумать. Следы ведут от дороги и возвращаются обратно на дорогу. Парень откатил мотоцикл сюда на случай, если мимо пройдет человек пытливого ума и решит его стянуть или срисовать номер. На своих двоих пошел к пролому в заборе, который присмотрел днем, и перелез на территорию. После истории с Кэткартом испугался и кратчайшим путем рванул через заказник к своей машине. Так-так.

Паркер сел на ограду и, вытащив записную книжку, стал заносить в нее уже известные приметы искомого человека.

— Для старины Джерри расклад становится немного благоприятнее. — Лорд Питер оперся о стену и стал старательно насвистывать то место «Страстей по Матфею» Баха, где упоминаются дочери Сиона.

— Интересно, — проворчал Фредди Арбатнот, — какой идиот придумал воскресные дни.

Он с противным лязганьем ворошил уголь в камине библиотеки и разбудил полковника Марчбэнкса, который промямлил:

— А? Воистину так, — и тут же снова уснул.

— Вам ли жаловаться, Фредди, — заметил лорд Питер, который уже некоторое время был занят тем, что чрезвычайно раздражающим образом по очереди открывал и закрывал все ящики письменного стола и вяло щелкал туда-сюда шпингалетом французского окна. — Представьте, как тоскливо старине Джерри. Надо бы черкнуть ему строчку-другую.

Он вернулся к столу и взял лист бумаги.

— Вы не в курсе: этой комнатой часто пользовались, чтобы писать письма?

— Понятия не имею, — ответил почтенный Фредди. — Сам я никогда их не пишу. Какой в этом смысл, если можно послать телеграмму? Вынуждаешь людей писать ответ, вот и все. Но Денвер, по-моему, мог писать где угодно, в том числе и здесь, а день-другой назад я видел, как полковник возился с пером и чернилами. Правда, полковник? (Тот что-то буркнул, отвечая на обращение к себе, как собака, водящая во сне хвостом.) А что случилось? Чернила закончились?

— Я просто поинтересовался, — спокойно ответил лорд Питер. Он поддел канцелярским ножом верхний лист из стопки промокательной бумаги и поднес к свету. — Ну что, агент

¹⁶ Повествовательная поэма в шести песнях В. Скотта.

Промокашка, весьма неплохо. Пять баллов за внимательность, продолжайте наблюдение. Вот подпись Джерри, а вот и полковника. А этот крупный почерк с растянутыми буквами принадлежит даме, насколько я могу судить. — Он снова посмотрел на лист, покачал головой, сложил его и убрал в записную книжку. — Похоже, ничего важного. Но как знать. Все-таки синица в руках. Пусть пока побудет у меня. Семейная ищейка взяла след, а это чертовски возбуждает...

Полковник фыркнул.

Воскресенье продолжалось. Паркер уехал на машине в Кингс-Фентон с заданием заглянуть по дороге в Риддлсдейл и поинтересоваться там насчет зеленоглазого кота и молодого человека на мотоцикле с коляской. Герцогиня прилегла. Миссис Петтигрю-Робинсон вытащила мужа на короткую прогулку. Миссис Марчбэнкс где-то наверху наслаждалась общностью мыслей с супругом.

Перо Питера тихо шуршало по бумаге, но вдруг резко замерло, возобновило свой бег и остановилось окончательно. Уимзи опустил худой подбородок на руки и посмотрел в окно, где зашелестел мелкими каплями внезапный дождик. Время от времени к стеклу прилипал мягкий осенний лист. Полковник храпел, огонь потрескивал в камине, почтенный Фредди напевал что-то себе под нос и постукивал пальцами по подлокотникам кресла. Стрелки часов лениво двигались к пяти — времени чаепития и выхода герцогини.

— Как там Мэри? — спросил лорд Питер, когда та появилась, внезапно вступив в ответ огня.

— Тревожусь за нее, — ответила герцогиня. — Дает волю нервам в очень странной манере. Совсем на нее не похоже. Почти не подпускает к себе. Я снова послала за доктором Торпом.

— Ей бы лучше встать и спуститься сюда, — заметил Уимзи. — Пережевывать одно и то же в голове не дело. Умные разговоры Фредди ее бы взбодрили.

— Ты забываешь, что бедная девочка была помолвлена с Кэткартом, — напомнила герцогиня. — Не все такие бесчувственные, как ты.

— Будут еще письма, ваша милость? — спросил лакей, появившись с почтовым мешком.

— Вы уже идете? — Уимзи поднял на него глаза. — Вижу, вижу. Будет еще одно, если не откажетесь минуту подождать. Хотел бы я писать в таком же темпе, как это делают люди в кино, — добавил он, торопливо водя пером по бумаге и одновременно бормоча: — «Дорогая Лириан! Ваш отец убил мистера Уильяма Снукса. И если вы не перешлете мне с посыльным тысячу фунтов, я все открою вашему мужу. Искренне ваш граф Дигглсбрейк». Вот так. Сразу чувствуется стиль. И все это одним росчерком пера. Держите, Флеминг.

Письмо было адресовано ее светлости вдовствующей герцогине Денверской.

Из газеты «Морнинг пост» от понедельника 19 ноября:

БРОШЕННЫЙ МОТОЦИКЛ

Необычную находку совершил вчера скотовод. Он обычно поит животных в одном и том же пруду, который находится в двенадцати милях от Рипли, немного в стороне от дороги. На этот раз он заметил, что одно из животных не может выйти из воды. Поспешив на выручку, скотовод обнаружил, что оно застряло в мотоцикле, брошенном в пруд. С помощью двух работников он вытащил из воды машину. Мотоцикл оказался марки «Дуглас», с темно-серой боковой коляской. Номера были предусмотрительно сняты. Этот пруд отличается значительной глубиной, и машина целиком скрывалась под водой. Тем не менее представляется вероятным, что она пролежала там не дольше недели, поскольку по воскресеньям и понедельникам этот водоем используется для мытья скота. В настоящее время полиция ищет владельца мотоцикла. Покрышка его переднего колеса — новый «данлоп», на покрышке коляски заплатка. Мотоцикл модели 1914 года и сильно изношен.

— Вот это нечто интересное, — задумчиво проговорил лорд Питер. Сверившись с расписанием и выяснив, когда следующий поезд на Рипли, он попросил машину и добавил: — Пошлите ко мне Бантера.

Сей джентльмен явился, когда господин уже натягивал пальто.

— Что там за история с номерами в газете за прошлый четверг? — поинтересовался его светлость.

Бантер, словно фокусник, извлек откуда-то вырезку.

ТАЙНА НОМЕРНОГО ЗНАКА

Сегодня в шесть часов утра преподобного Натаниеля Фулиса из церкви Апостола Симона Зилота, Норт-Феллкот, остановили за езду на мотоцикле без номеров. Священник, когда ему объяснили суть претензий, выглядел пораженным. Он рассказал, что в четыре утра его срочно вызвали для совершения обряда соборования умирающего прихожанина, жившего в шести милях. Он поспешил к нему на мотоцикле, который на время таинства доверчиво оставил на обочине. Фулис покинул дом умирающего в половине шестого, не заметив ничего необычного. Его прекрасно знают в Норт-Феллкоте и окрестностях и не сомневаются, что он стал жертвой нелепого розыгрыша. Норт-Феллкот — небольшая деревня, которая находится в паре миль от Рипли.

— Я еду в Рипли, Бантер, — сказал лорд Питер.

— Хорошо, милорд. Хотите, чтобы я присоединился к вам?

— Нет. Но хочу знать, кто исполняет обязанности горничной моей сестры.

— Эллен, милорд. Домработница.

— В таком случае я желаю, чтобы вы проявили по отношению к ней всю вашу способность красноречия.

— Будет сделано, милорд.

— Это ведь она чинит одежду сестры, чистит юбки и все прочее?

— Полагаю, да.

— Не имеет никакого значения, что она может вообразить себе по этому поводу.

— Я бы и не стал намекать женщине на что-то непристойное, милорд. Это ударяет им в голову, если позволите так выразиться.

— Когда мистер Паркер уехал в город?

— В шесть утра, милорд.

Обстоятельства благоприветствовали Бантеру: он столкнулся с Эллен, когда та спускалась по задней лестнице с охапкой одежды. Сверху груды сорвались кожаные перчатки. Бантер подобрал их и с извинениями последовал за молодой женщиной в помещение для прислуги.

— Сюда, — сказала она, укладывая ношу на стол. — Буду работать здесь, как я их поняла. Истерики — вот как это называется: притворяются, что голова болит так, что нет сил впустить человека забрать одежду в чистку. Но если рядом никого нет, выбирают из постели и бродят по всему дому. Согласитесь, это разве головная боль? Готова спорить, вы не понимаете их так, как я. Тут каждую минуту на части разваливаешься — то голова кругом, то ноги не держат. А ну как в доме пожар случится — я просто упаду и буду лежать. Кошмар-то какой! Вот от этого у людей морщины и появляются.

— Не заметил у вас никаких морщин, — возразил Бантер. — Но возможно, недостаточно хорошо к вам присматривался. — Последовала немая сцена, во время которой Бантер присмотрелся достаточно хорошо, стоя близко. — Нет, — заявил он решительно. — Уверен, что не разглядел бы никаких морщин даже в большой микроскоп, который его светлость держит в городе.

— Ишь ты, а еще лорд, — пробормотала Эллен, доставая из шкафа губку и бутылку с бензином. — И для чего же его светлости такая штуковина?

— Чтобы использовать в нашем хобби, мисс Эллен: криминальных расследованиях. Бывает, что нужно сильно увеличить что-нибудь мелкое — например, рукописный текст в случаях фальсификации. Так можно установить, не стирали ли слова, не меняли ли буквы, не пользовались ли другими чернилами. Или изучить корни волос, чтобы выяснить, клок выдрали или он выпал

сам. Бывают проблемы с пятнами крови — приходится определять, чья кровь: человека или животного, — а может, просто разлитый портвейн.

— Да неужто правда, — Эллен расстелила на столе твидовую юбку и открыла бутылочку с бензином, — что вы с лордом Питером все это можете разузнать?

— Мы, разумеется, не химики, — ответил Бантер, — но у его светлости достаточно познаний, чтобы заподозрить неладное. Тогда мы отправляем материал к самым видным джентльменам-экспертам. (Бантер галантно перехватил руку Эллен, когда та собиралась поднести к юбке пропитанную бензином губку). Возьмем хотя бы пятно на кайме этой юбки в самом низу бокового шва. Предположим, произошло убийство, и особа, которая носит эту юбку, попала под подозрение. Тогда мне необходимо изучить данное пятно. (Бантер достал из кармана лупу.) Можно провести по краю влажным носовым платком. (Свои слова он сопровождал действием.) И убедиться, что цвет именно красный. Теперь выворачиваем юбку наизнанку, дабы выяснить, пропитало ли пятно одежду насквозь. Тут мне потребуются ножницы. (Он извлек миниатюрные ножницы из кармана.) И срезаем маленький кусочек с внутренней стороны шва. Вот так. Кладем в коробочку (та волшебным образом появилась из внутреннего кармана). Заклеиваем герметично с обеих сторон, сверху пишем: «С юбки леди Мэри Уимзи», — и ставим дату. Теперь мне надлежит отправить материал аналитику в Лондон. Он посмотрит в свой микроскоп и объявит, что на юбке кровь кролика. Возможно, даже выяснит, сколько дней назад она попала сюда, на этом и делу конец. — Бантер беззаботно убрал ножницы и коробочку с содержимым в карман.

— Ну и попадет пальцем в небо, — фыркнула Эллен, кокетливо встряхивая головой. — Потому что тут птичья кровь, а не кроличья. Так сказала мне госпожа. Не быстрее ли просто пойти и спросить у самого человека, чем возиться со всякими дурацкими микроскопами и остальными штуками?

— Я сказал «кровь кролика» просто для примера, — защищался Бантер. — Удивительно, как она умудрилась посадить пятно в таком месте. Должно быть, частенько опускается на колени.

— Так и есть. Пролила много крови невинных птичек. Бедные создания! Некоторые не слишком-то аккуратны, когда выходят «побродить с ружьцом». Не то что его светлость или бедняга капитан. Мистер Арбатнот иной раз так увлечется, что сам себя не помнит. Понятно, потом все ужасно грязное. А отчистить пятна очень непросто, если оставить слишком надолго. Мне, конечно, было не до чистки, когда убили беднягу капитана. А потом началось дознание: тоже испереживалась, — и его милость забрали в тюрьму, да так грубо! Меня это очень расстроило. Наверное, я слишком чувствительная. В общем, мы все были в полном шоке еще день или два. А дальше ее светлость закрылась и не велела прикасаться к ее вещам. «Даже не открывай дверь в мою гардеробную. Ты же знаешь, как она скрипит, моей голове и нервам этого не выдержать!» Я ответила, что просто хочу почистить юбки ее светлости. «Забирай мои юбки, — заявила на это ее светлость, — и иди куда-нибудь, Эллен. Я закричу, если буду видеть, как ты здесь суетишься. Ты действуешь мне на нервы». Я не видела смысла продолжать. Особенно после того, что мне сказали. Приятно быть госпожой, а свою балованность называть расстроенными нервами. Я тоже рвала себе душу из-за Берта — моего молодого человека, которого убили на войне: выплакала все глаза, — но мне было бы стыдно так себя вести. И, кроме того, строго между нами: леди Мэри не так уж увлекалась этим капитаном. Не ценила его, как следовало бы. Я однажды это сказала кухарке, и та со мной согласилась. Он умел достойно держаться, этот капитан. Вел себя всегда как джентльмен. Не говорил ничего неприличного. Приятно было ему услужить. Такой красивый мужчина!

— То есть вы хотите сказать, что леди Мэри расстроилась несколько сильнее, чем вы от нее ожидали? — переспросил Бантер.

— Сказать по правде, мистер Бантер, я думаю, что это просто характер такой. Она хотела выйти замуж и уйти из дома. Да пропади оно пропадом, это пятно! Сильно как въелось, засохшая дрянь! Ее светлость и герцог никогда не ладили. Когда во время войны он уехал в Лондон, леди Мэри прекрасно проводила время: ухаживала за ранеными офицерами и общалась с сомнительными личностями, чего его светлость никак бы не одобрил. Даже случилась любовная история с каким-то, как сказала кухарка, неблагородным парнем. По-моему, он был из тех странных русских, которые хотят нас всех взорвать. Будто мало людей погибло на войне! Его светлость устроил жуткий шум, перестал давать деньги и вернул ее в дом. И с тех пор она мечтает

с кем-нибудь отсюда убежать. Сама не знает, чего хочет. Честно говоря, я от нее устала. Герцога жалко. Мне понятно, о чем он думает. Бедный господин! А теперь его арестовывают за убийство и сажают в тюрьму, словно какого-нибудь бродягу. Уму непостижимо!

Эллен с шумом выдохнула, оставила губку и распрямилась.

— Тяжелая работа тереть. Все болит.

— Позвольте, я помогу, — предложил Бантер, забирая у нее горячую воду, бутылку с бензином и губку. Он перевернул юбку на другую сторону и спросил: — У вас есть щетка, чтобы счистить эту грязь?

— Я смотрю, вы слепы как летучая мышь, — хихикнула Эллен. — Все перед вами.

— Ах да, — кивнул верный оруженосец лорда Питера. — Но я предпочитаю жесточе. Сбегайте и принесите другую, будьте хорошей девочкой. Если вы дадите мне что-то более жесткое, то останетесь довольны.

— Нахал! — притворно возмутилась Эллен, но, уступая восхищенному блеску в глазах собеседника, добавила: — Пойду возьму из коридора. Та жесткая, как битый кирпич.

Как только она ушла, Бантер достал из кармана перочинный нож и еще две коробочки, в мгновение ока соскреб грязь в двух местах юбки и подписал два ярлыка: «Гравийная крошка с юбки леди Мэри примерно в шести дюймах от края подола» и «Белый песок с края юбки леди Мэри».

Бантер добавил дату и едва успел спрятать коробочки, как Эллен вернулась со щеткой. Процесс чистки в сопровождении бессвязного разговора продолжался еще некоторое время. Третье пятно Бантер осмотрел критическим взглядом.

— Вот те раз! Ее светлость пыталась стереть его сама!

— Что? — удивилась Эллен, уставившись на размазанную и побелевшую отметину с одного края. Та выглядела достаточно жирной. — Я им не занималась; значит, точно она! Что бы это значило? А ведь притворялась такой больной, что голову не может оторвать от подушки! Хитрюга — вот она кто!

— Может, она пыталась его отчистить до болезни? — предположил Бантер.

— Разве что в период между убийством капитана и расследованием, — согласилась Эллен. — Но вряд ли это было подходящее время, чтобы начинать учиться домашней работе. Она ничем таким не занималась, хоть когда-то и ухаживала за ранеными. Никогда не думала, что это ей что-нибудь дало.

— Она пользовалась мылом, — заметил Бантер, энергично протирая бензином ткань. — Ее светлость могла подогреть в своей спальне воду?

— Зачем ей это, мистер Бантер? — удивилась Эллен. — Уж не думаете ли вы, что она держит там чайник? Утренний чай приношу ей я. Благородные дамы не любят кипятить воду.

— Не любят, — согласился Бантер. — А почему бы не принести горячую воду из ванной? — Он еще внимательнее осмотрел пятно. — Неумело. Очень неумело. До конца не доведено. Дама энергичная, но безрукая.

Последнее замечание было адресовано бутылке с бензином, поскольку Эллен в это время, высунув голову из окна, разговаривала с егерем.

Суперинтендант полиции в Рипли принял лорда Питера сначала холодно, а затем со смешанным чувством профессионала к детективу-любителю и официального лица к сыну герцога.

— Я приехал к вам, — пояснил Уимзи, — поскольку ваш подход к таким делам намного эффективнее моего любительского. И, полагаю, ваша отлаженная организация плотно занимается этим случаем.

— Естественно, — ответил суперинтендант. — Хотя совсем непросто, не зная номера, отследить неизвестный мотоцикл. Вспомните убийство в Борнмуте. — Он печально покачал головой и принял вид «только между нами». — Мы сначала не связывали преступника с делом о номерных знаках. — Суперинтендант сбился на чересчур непринужденный тон, который дал понять лорду Питеру, что именно его замечания впервые установили эту связь в мозгу официального лица в последние полчаса. — Разумеется, если бы мотоцикл без номеров заметили в Рипли, то немедленно остановили бы, а с номерами Фулиса езда была надежной как... Английский банк! — завершил он фразой всплеском остроумия.

— Священник потрепал себе нервы, — кивнул Уимзи. — Бедолага. Да еще так рано утром. Полагаю, все это приняли за розыгрыш?

— Не без этого, — признал суперинтендант. — Но, выслушав вас, мы приложим все силы, чтобы найти неизвестного. Думаю, его светлость не слишком расстроится, узнав, что этот неизвестный обнаружен. Положитесь на нас. И если мы найдем его или номера...

— Спаси и благослови нас Господь! — неожиданно живо отреагировал лорд Питер. — Не думаю, что вам стоит тратить время на поиски номеров. Он свинтил номер священника уж точно не для того, чтобы афишировать в округе собственный. По номеру можно узнать его фамилию и адрес. Но пока он у него за пазухой, вы в тупике. Простите, суперинтендант, что навязываю свое мнение, но мне больно думать, что вы потратите усилия напрасно: будете прочесывать пруды и переворачивать груды мусора в поисках номерных знаков, которых там нет. Лучше прошерстите железнодорожные станции — ищите молодого человека ростом шесть футов один или два дюйма, в обуви десятого размера, в пальто от «Барберри» с потерянными ремешками, с глубокими царапинами на руках. Вот мой адрес. Я буду очень признателен, если вы дадите мне знать, как идут дела. Неприятная для моего брата ситуация. Он чувствительный человек, очень переживает. Кстати, я птица перелетная: сегодня здесь, завтра там, — так что телеграфируйте о новостях в два адреса: в Риддлсдейл и в Лондон, на Пикадилли, сто десять «а». Окажетесь в столице, буду рад вас видеть. А сейчас извините и разрешите откланяться — много дел.

Возвратившись в Риддлсдейл, лорд Питер застал за чайным столом нового гостя. При его появлении тот поднялся во весь свой величественный рост и протянул красивую выразительную руку, способную принести удачу любому актеру. Актером он не был, но в драматические моменты считал свою руку полезной. Великолепная фигура, подвижность головы, прекрасная мимика. Черты лица безукоризненны, глаза жестоки. Вдовствующая герцогиня однажды заметила: «Сэр Импи Биггс — самый симпатичный в Англии мужчина, но ни одна женщина не оценила бы его и в два пенса». Холостяк тридцати восьми лет, он отличался учтивым красноречием, но был объектом для безжалостного препарирования враждебными наблюдателями. Его неожиданным увлечением стало разведение канареек. Кроме их пения, он не воспринимал никакой музыки, разве что красоту речей на заседаниях суда.

Гость ответил на приветствие Уимзи гулким, красивым, полностью подвластным ему голосом. Трагическая ирония, колкое презрение и беспощадное возмущение — вот те чувства, которыми сэр Импи Биггс влиял на присяжных и судей. Он преследовал убийц невинных, защищал оклеветанных и, пробуждая умы, держался как кремень. Уимзи заверил гостя, что рад его приходу, но голосом необычно сухим и прерывающимся.

— Вы сейчас от Джерри? — спросил он и повернулся к Флемингу: — Поджарьте свежие тосты, пожалуйста. Как он? Бодрится? Не знаю другого человека, который, как Джерри, умеет находить выход из любой ситуации. Я и сам люблю приобретать новый опыт, знаете ли. Ненавижу только, когда мне затыкают рот, а другие идиоты портят мое дело. Нет-нет, я не про Мерблса или вас, Биггс. Имею в виду только себя, то есть человека, который был бы мной, если бы я был Джерри. Вы следите за моей мыслью?

— Я только что попросила сэра Импи, — вступила в разговор герцогиня, — чтобы он убедил Джеральда признаться, что тот делал в саду в три утра. Будь я тогда в Риддлсдейле, ничего подобного не случилось бы. Мы все, разумеется, понимаем, что Джеральд не совершил ничего дурного, но нельзя надеяться, что присяжные воспримут это так же. Низшие сословия очень предвзяты. Это абсурдно с его стороны, но сам Джеральд не понимает, что ему необходимо открыться. У него нет выбора.

— Я сделаю все возможное, герцогиня, чтобы его убедить, — пообещал сэр Импи. — Но наберитесь терпения. Сами знаете: законники любят небольшие тайны. Если все начнут говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, нам всем придется уйти в отставку и податься в работный дом.

— Смерть капитана Кэткарта очень загадочна, — заметила герцогиня. — Но если принять во внимание то, что о нем всплыло, — для сестры моего мужа это удача.

— Полагаю, Биггс, вам не удастся убедить присяжных, что смерть капитана наступила вследствие кары небесной, — заметил лорд Питер, — как наказание за попытку втереться в наше семейство посредством брака.

— Бывают и куда более нелепые вердикты, — холодно парировал Биггс. — Вы удивитесь, но присяжных можно убедить в чем угодно, если постараться. Помню, однажды на выездной сессии суда в Ливерпуле...

Пока он предавался воспоминаниям, лорд Питер рассматривал его точеный профиль на фоне огня. Адвокат напоминал ему Дельфийского возничего, был таким же красивым и общительным.

Только после ужина сэра Импи открыл свои мысли Уимзи. Герцогиня отправилась в постель, а двое мужчин остались в библиотеке одни. Прислуживал Бантер, и лорд Питер в строгом костюме был весь вечер необыкновенно сумбурным и оживленным, но теперь взял сигару, выбрал самое большое кресло и замолчал.

Сэр Импи Биггс с полчаса мерил шагами комнату и курил. А затем решительно подошел к лорду Питеру, порывисто включил настольную лампу так, чтобы она светила в лицо собеседнику, и сказал:

— Так вот, Уимзи, я хочу знать все, что знаете вы.

— Да неужели? — Питер поднялся, отключил лампу, перенес на боковой столик и, улыбнувшись спросил: — Это называется «не оказывать давление на свидетеля»?

— Мне все равно, как это называется. Только бы вы проснулись. — Биггс остался невозмутимым.

Лорд Питер вынул изо рта сигару, склонив голову, посмотрел на нее, аккуратно повертел и, решив, что пепел продержится на листьях еще минуту-другую, молча продолжил курить, пока падение пепла не стало неотвратимым. Затем снова вынул сигару изо рта, стряхнул пепел точно в центр пепельницы и начал повествование, опуская только тему чемодана и полученную Бантером от Эллен информацию.

Сэр Импи слушал, как раздраженно отметил Питер, с выражением, уместным на перекрестном допросе, иногда перебивая пронизательными уточнениями. Сделал для себя несколько пометок, а когда Уимзи завершил рассказ, задумчиво постучал пальцами по записной книжке.

— Думаю, у нас есть шансы выиграть это дело, — наконец заключил он. — Даже если полиция не найдет вашего таинственного господина. Конечно, молчание Денвера — досадное осложнение. — Адвокат на мгновение прикрыл глаза. — Так вы сказали, что направили полицию на поиски этого типа?

— Да.

— Разве вы не дурного мнения о полиции?

— Не в этой области. Это их поле деятельности; у них имеются все возможности, и они хорошо выполняют работу.

— Иными словами, вы рассчитываете, что неизвестный найдется?

— Надеюсь.

— И в какую сторону, по-вашему, это повлияет на дело?

— По-моему...

— Послушайте, Уимзи, — начал адвокат, — вы умный человек. Не надо изображать из себя сельского полицейского. Вы на самом деле пытаетесь найти этого человека?

— Разумеется.

— Как вам угодно, конечно, но мои руки уже достаточно связаны. Вам не приходило в голову, что его, возможно, лучше не искать?

Уимзи посмотрел на законника с таким откровенным изумлением, что буквально обезоружил его.

— Запомните одно, — сказал тот серьезным тоном. — Если уж полиция вцепится в какой-то вещдок или человека, вы больше не сможете полагаться на мою, или мистера Мерблса, или чью-либо еще профессиональную осмотрительность. Все будет вытащено на свет, поверьте, абсолютно все, обывателям на потеху. На данный момент Денвера обвиняют в убийстве, а он категорически отказывается мне в самой малой помощи.

— Джерри ведет себя как осел: не понимает...

— Неужели вы думаете, — перебил Биггс, — что я не пытался до него достучаться? Он твердит одно и то же: «Меня не могут повесить. Я его не убивал, но считаю его смерть удачей. Никого не

касается, что я делал в саду». И я вас спрашиваю, Уимзи: разумная ли это позиция в положении Денвера?

Питер пробормотал что-то вроде: «Ему всегда не хватало здравого смысла».

— Кто-нибудь сообщил Денверу насчет того, другого человека?

— Как я понимаю, во время расследования было сказано что-то расплывчатое насчет следов.

— Этот парень из Скотленд-Ярда — ваш близкий друг?

— Да.

— Тем лучше. Может придержать язык за зубами.

— Послушайте, Биггс, все это очень загадочно и впечатляюще, но почему мне не следует ловить того типа, если я могу это сделать?

— Отвечу на один вопрос другим. — Сэр Импи чуть подался вперед. — Почему Денвер его покрывает?

Сэр Импи всегда гордился тем, что никакой свидетель не способен дать в его присутствии ложные показания так, чтобы он этого не заметил. Задавая свой вопрос, он внимательно следил за подвижными губами и нервными руками Уимзи, а когда секундой позже поднял взгляд, глаза собеседника были непроницаемыми, хотя тот и пытался изобразить удивленное просветление. Но слишком поздно: адвокат заметил легкую разгладившуюся морщинку в уголке губ и расслабившиеся пальцы. Первой реакцией было облегчение.

— Боже милостивый! — воскликнул Питер. — Я об этом не подумал. Какие же вы, адвокаты, дотошные! Если так, то я должен быть поосторожнее. А то вечно бегу впереди паровоза. Моя мать говорит...

— Вы хитрый бес, Уимзи, — перебил его законник. — Впрочем, я тоже могу ошибаться. Ищите своего типа любыми средствами. Хочу спросить последнее: кого покрываете вы?

— Вот что, Биггс, — ответил сэр Питер, — вам платят не за то, чтобы вы задавали здесь подобные вопросы. Дождитесь момента, когда окажетесь в суде. Ваша задача наилучшим образом воспользоваться предоставляемой нами информацией, а не устраивать нам полицейский допрос с пристрастием. Предположим, это я убил Кэткарта...

— Вы не убивали.

— Знаю, что не убивал. Но если бы убил, не стал бы подставляться под ваши вопросы, которые вы задаете подобным тоном. В качестве одолжения прямо отвечу: я не знаю, кто отправил на тот свет капитана. Когда выясню, скажу.

— Скажете?

— Скажу. Но только тогда, когда буду знать точно. Вы, законники, такой народ, что из самой мелкой улики способны раздуть дело и отправить человека на виселицу по первому подозрению.

— Вот как? — хмыкнул Биггс. — Тем не менее буду откровенен: с моей точки зрения, у стороны обвинения ничего не выйдет.

— Нет доказательств, да? Во всяком случае, клянусь, моего брата не повесят из-за отсутствия на суде показаний с моей стороны.

— Разумеется, — согласился Биггс и про себя добавил: «Ты же надеешься, что до этого не дойдет».

В широкую каминную трубу упали капли дождя и зашипели на поленьях.

Отель «Грейвен»

Стрэнд

Вторник

Дорогой Уимзи!

Я обещал сообщать, как идут дела, но успехов поразительно мало. По дороге я сидел рядом с миссис Петтигрю-Робинсон, открывал и закрывал ей окно, присматривал за ее вещами. Она упомянула, что когда в четверг утром твоя сестра будила дом, то первым делом отправилась к комнате мистера Арбатнота, что показалось ей странным. Но, если вдуматься, это вполне естественно, так как его комната располагается прямо напротив верхней лестничной площадки. Мистер Арбатнот постучал к Петтигрю-Робинсонам, и мистер П. немедленно побежал вниз. Миссис П. увидела леди Мэри. Казалось, что силы вот-вот покинут ее, и миссис П. попыталась ее поддержать. Твоя

сестра ее оттолкнула: грубо, как выразилась миссис П., — «в совершенно дикарской манере» отвергла предложение помощи, убежала в свою комнату и там заперлась. Миссис Петтигрю-Робинсон прислушалась у двери: по ее словам, чтобы убедиться, что все в порядке, — но услышав, как леди Мэри внутри расхаживает и стучит дверцами шкафов, решила, что внизу больше шансов приобщиться к событию, и удалилась.

Если бы этот эпизод рассказала мне миссис Марчбэнкс, я счел бы, что он достоин внимания, но у меня неизгладимое чувство, что, даже лежа на смертном одре, я вынужден буду встать и запереть дверь на ключ, чтобы в комнату не пробралась миссис Петтигрю-Робинсон. Миссис П. уверена, что у леди Мэри все это время ничего не было в руках. Твоя сестра была одета — как сказано и в материалах расследования — в длинное пальто поверх пижамы (по выражению миссис П. — спальный костюм), крепкие сапоги и шерстяную кепку. И оставалась в этой одежде во время последующего визита врача.

Еще одна небольшая странная деталь: миссис Петтигрю-Робинсон (которая, как ты помнишь, с двух часов бодрствовала) уверена, что непосредственно перед тем, как леди Мэри постучала к Арбатноту, она слышала, как где-то в коридоре хлопнула дверь. Я не знаю, важно ли это. Возможно, эпизод не имеет значения, так что я просто упоминаю. Время в городе прошло впустую. Избранник твоей сестры был образцом благоразумия. Его комната в Олбани — пустыня с точки зрения сыска. Никаких бумаг, кроме нескольких английских счетов, квитанций и приглашений. Я связался с некоторыми из тех, кто его приглашал, но с большинством из них он встречался в клубе или вместе служил в армии, и они ничего не могли рассказать о его личной жизни. Он известен в нескольких ночных клубах. Я обошел их вчера вечером, или, точнее, уже сегодняшним утром. Общий вердикт: щедрый, но неприступный. Кстати, его любимая игра — покер. Никаких намеков на шулерство. Выигрывал постоянно, но не впечатляющие суммы.

Думаю, полезную нам информацию нужно искать в Париже. Я написал в Сюрте¹⁷ и в банк «Лионский кредит» с просьбой проинформировать о его документах, особенно счете и чековой книжке.

От вчерашней и сегодняшней работы я просто с ног валюсь. Сразу с поезда отплясывать всю ночь напролет — сомнительное удовольствие. Если я тебе не нужен, дождись бумаг тут или съезжу в Париж сам.

Здесьняя библиотека Кэткарта состоит из нескольких обычных современных французских романов и экземпляра «Манон» с гравюрами того сорта, что в каталогах называют любопытными. Видимо, он вел жизнь не только здесь.

Тебя может заинтересовать оплаченный счет косметолога с Бонд-стрит. Я наведалься к этой даме, и она сообщила, что Кэткарт, когда бывал в Англии, приходил регулярно, каждую неделю.

В Кингс-Фентоне в воскресенье я потерпел неудачу, но уже рассказывал об этом. Вряд ли наш тип туда доехал. Я вот думаю, не прошмыгнул ли он через болото... Стоит ли вообще там искать, как ты думаешь? Легче найти иголку в стоге сена. Касательно бриллиантового кота — дело очень странное. Полагаю, от владельца дома ты не получал насчет него никаких сведений? Десятому Размеру он как-то не особо подходит в качестве украшения. И сам понимаешь: если его потерял кто-то из местных, в деревне должны были об этом слышать. Ладно, до встречи.

Твой Паркер

¹⁷ Французская полиция

Глава 4

И дочь его Испуг¹⁸

...женщины также смутились и побледнели.

*Дж. Беньян. Путешествие Пилигрима в Небесную страну*¹⁹

В среду утром Бантер подал письмо Паркера лорду Питеру в постель. Дом опустел — почти все уехали в Норталертон для участия в судебном разбирательстве. Мероприятие, разумеется, чисто формальное, но выглядело правильным, что семья должна собраться на нем в полном составе. И действительно, вдовствующая герцогиня присутствовала там: немедленно поспешила к сыну и героически поселилась в меблированных комнатах, — но младшая герцогиня считала, что свекровь скорее деятельна, чем блещет чувством собственного достоинства. Никто не представлял, на что она способна, если ее предоставить самой себе. Она могла бы даже дать интервью газетному репортеру. К тому же в критические моменты жизни рядом с джентльменом должна быть жена, а не мать. Леди Мэри болеет, ее нельзя упрекнуть, а если Питер остался валяться в пижаме и курить сигареты, когда его единственный брат подвергается публичному унижению, то от него ничего другого и не ожидалось. Питер весь в свою мать. Как эта эксцентричная черта стала приметой семьи, ее светлость догадывается: вдовствующая герцогиня из знатного хэмпширского рода, но в корнях семейного древа присутствует иностранная кровь. Однако свой собственный долг ее светлости ясен, и она его исполнит.

Разбуженный лорд Питер выглядел весьма измученным, словно во сне бежал по следу. Бантер заботливо закутал его в блестящий восточный халат и поставил на колени поднос.

— Бантер, — начал господин, — ваш *café au lait*²⁰ — единственный приятный момент в этом ужасном доме.

— Спасибо, милорд. Сегодня утром снова промозгло, но без дождя.

Лорд Питер хмурился над письмом.

— В газетах что-нибудь есть?

— Ничего срочного. На следующей неделе торги в Нортберри-холле — библиотека мистера Флитуайта, «Исповедь влюбленного»²¹ Кэкстона...

— Какой смысл мне об этом сообщать, если мы засели здесь неизвестно насколько. Господи, как бы я хотел целиком отдаться книгам и больше никогда не касаться преступлений! Вы отправили образцы Лаббоку?

— Да, милорд, — ответил Бантер. Доктор Лаббок был одним из тех «джентльменов-экспертов», о которых он упоминал горничной.

— Нужны факты, — проговорил Питер. — Факты. В детстве я ненавидел факты. Представлял их мерзкими, несговорчивыми шишками.

— Вы правы, милорд. Моя старая матушка говорит...

— Ваша матушка, Бантер? Вот уж не думал, что вас родила мать! Всегда считал, что вы появились на свет, так сказать, готовым. Извините за дьявольскую бестактность. Прошу прощения.

— Не стоит, милорд. Моя мать живет в Кенте, неподалеку от Мейдстоуна. Ей семьдесят пять лет, и для своего возраста, если позволите так выразиться, она исключительно активная женщина. Я один из семи ее детей.

— Не верю, Бантер. Мне ли не знать: вы уникальны. Но я вас перебил. Вы собирались рассказать, что ваша мать говорит о фактах.

— Она говорит, что факты похожи на коров. Если уверенно смотреть им в морду, они убегают прочь. Моя мать, милорд, исключительно храбрая женщина.

¹⁸ Цитата из «Путешествия Пилигрима в Небесную страну» Дж. Беньяна. Пер. Ю. Засецкой.

¹⁹ Пер. Ю. Засецкой.

²⁰ Кофе с молоком (*фр.*).

²¹ Поэма английского поэта Дж. Гауэра.

Питер импульсивно хотел пожать ему руку, но Бантер был слишком вышколен, чтобы это заметить. Он уже правил бритву. Внезапно лорд Питер резко соскочил с кровати и поспешил через лестничную площадку в ванную. Там, достаточно ожив, он возвысил голос и запел:

— «Духи гор, лесов и вод, все в хоровод! Утихло море...» — Затем, проникнувшись перселлийским настроением, продолжил: — «Я напрасно пытаюсь от болезни любви улететь...»²²

В этом необычном состоянии духа он налил в ванну несколько галлонов холодной воды и принялся яростно растираться губкой. Промокнув себя полотенцем, он вывалился из ванной и с такой силой ударился голенью о стоявший на площадке дубовый сундук, что у того подскочила крышка и с протестующим стуком снова захлопнулась.

Сэр Питер остановился, высказал сундуку что-то нелестное и осторожно потер ладонью ногу. И тут его осенило. Он положил полотенца, мыло, губку, мочалку, щетку и прочие принадлежности и тихо поднял крышку сундука.

Неизвестно, рассчитывал ли он, подобно героине «Нортенгерского аббатства»²³, найти там нечто ужасное, но, как и она, не обнаружил ничего более зловещего, чем аккуратно свернутые на дне простыни и покрывала. Неудовлетворенный, он осторожно приподнял верхнее и некоторое время рассматривал в свете лестничного окна. Он уже собирался вернуть его на место, тихонько насвистывая себе под нос, как вдруг услышал чей-то вздох и, вздрогнув, поднял глаза.

Рядом с ним стояла его сестра. Питер не слышал, как она подошла и встала поблизости, в пеньюаре, сложив руки на груди. Зрачки ее голубых глаз настолько расширились, что глаза казались почти черными, кожа по цвету напоминала ее пепельно-светлые волосы. Уимзи смотрел на нее поверх простыни, которую держал в руках, и тут ее страх передался ему, внезапно наложив на их лица магическую печать кровного родства.

Понимая, что должен немедленно взять себя в руки, секунду-другую Питер глазел на сестру как баран на новые ворота, затем бросил простыню в сундук и поднялся.

— Привет, Полли, привет, дружок. Где же ты все время прячешься? Впервые с тобой столкнулся. Боюсь, тебе пришлось совсем не сладко. — Питер обнял сестру и почувствовал, как та вздрогнула. — В чем дело? Что не так? Да, Мэри, мы редко видимся, но я же твой брат! У тебя неприятности? Не могу ли я как-то...

— Неприятности? — повторила она. — Идиот ты, Питер. Разве тебе не известно, что убил мой жених и моего брата посадили в тюрьму? Вполне достаточно, чтобы считать, что в жизни что-то не так. — Она рассмеялась, а Питер внезапно подумал, что сестра говорит словно героиня кроваво-мелодраматического романа. — Ладно, Питер, — продолжила она обыденным тоном. — Все хорошо, вот только с головой беда. Сама не знаю, что делаю. Что ты тут затеял? Так гремишь, что я вышла. Мне показалось, хлопнула дверь.

— Ложись-ка лучше обратно в постель, — посоветовал брат. — Замерзнешь. Не понимаю, почему женщины носят такие тонкие пижамы в этом холодном климате? Ни о чем не волнуйся. Я заскочу к тебе позже, и мы приятно поболтаем, как в старые времена. Договорились?

— Не сегодня, Питер. Я сама не своя. (Опять что-то из сентиментальной литературы, подумал брат.) Джеральда судят сегодня?

— Не то чтобы судят — формальности. — Питер мягко подталкивал сестру к ее комнате. — Старый сын судья выслушивает обвинения, затем вскакивает старина Мерблс и требует свидетельских показаний, данных строго официально, поскольку обязан проинструктировать адвоката, ну вот того Бигги, ты его знаешь. Далее зачитывают показания, на основании которых был произведен арест, а Мерблс заявляет, что старина Джеральд оставляет за собой право на защиту. И так до выездной сессии большой коллегии присяжных. Сплошная ерунда. Коллегия, вероятно, соберется в начале следующего месяца. К тому времени ты должна прийти в себя.

Мэри поежилась.

— Нет и нет! Неужели обязательно меня туда тащить? Не могу переживать все это заново. Я больна. Я ужасно себя чувствую. Нет, не входи! Обойдусь без твоей помощи. Вызови ко мне Эллен, вот колокольчик. Хотя нет, уходи! Убирайся прочь. Ты мне не нужен, Питер.

²² Слова из песни английского композитора Г. Перселла.

²³ Роман Дж. Остен.

Питер, слегка обеспокоенный, колебался у ее порога.

— Простите, милорд, но лучше не надо, — услышал он над ухом тихий голос Бантера. — Только вызовет лишнюю истерику, — добавил дворецкий, мягко уводя господина от двери. — Очень болезненно для обеих сторон и совершенно бесперспективно. Лучше дожидаться приезда ее светлости вдовствующей герцогини.

— Пожалуй, верно, — согласился Питер и повернулся собрать свои умывальные принадлежности, но Бантер ловко его опередил. Тогда, еще раз подняв крышку сундука, Уимзи задумчиво заглянул внутрь.

— Так что вы нашли на той юбке, Бантер?

— Мелкие крошки гравия, милорд, и белый песок.

— Белый песок...

За охотничьей усадьбой Риддлсдейл вдаль и вширь простиралась болотистая вересковая пустошь с холмами. Вереск был бурым и мокрым, ручейки в нем не имели определенного цвета. В шесть часов солнце еще не садилось, и лишь белесая пелена весь день ползла с востока на запад по тусклому небу. Возвращаясь с долгих и бесполезных поисков других следов человека с мотоциклом, лорд Питер озвучивал тяжкие страдания своей общительной души.

— Вот бы старина Паркер был здесь, — бормотал он, шлепая ногами по раскисшей овечьей тропе.

Он возвращался к усадьбе не напрямую, а через фермерский дом, расположенный от нее примерно в двух с половиной милях и известный под названием «Нора Грайдера». Он располагался у северной окраины деревни Риддлсдейл — одинокий аванпост на участке плодородной земли у края болота, между двумя возвышенностями с обширными зарослями вереска. Тропа вилась с холма Уэмелинг-Фелл, шла по краю неприятной топи и за полмили до фермы пересекала речушку Рид. Питер не надеялся услышать что-нибудь новое в «Норе Грайдера», но руководствовался внезапно возникшим намерением не оставлять неперевернутым ни одного камня. Сам он внутренне был убежден, что, несмотря на изыскания Паркера, мотоциклист воспользовался главной дорогой и, вероятно, проехал через Кингс-Фентон, не останавливаясь и не привлекая внимания. Но Уимзи все равно сказал себе, что должен исследовать окрестности, а «Нора Грайдера» находилась как раз в окрестностях.

Питер остановился раскурить трубку и снова упорно пошлепал по грязи. Здесь, в низине, тропу через равные промежутки отмечали крепкие белые колья, кое-где стояла плетеная изгородь. Ее назначение было очевидным: всего в нескольких ярдах слева начиналась черная трясина с редкими кочками, поросшими камышом. Попади в нее кто-нибудь тяжелее трясогозки, и быстро превратится в россыпь пузырьков на поверхности. Уимзи подобрал растоптанную банку из-под сардин и бездумно зашвырнул ее в болото. Она упала с чавкающим звуком, напоминающим поцелуй, и тут же исчезла.

Охваченный тем чувством, которое заставляет человека в депрессии думать обо всяких грустных вещах, Питер облокотился на изгородь и праздно размышлял о: 1. Тщетности человеческих желаний; 2. Непостоянстве; 3. Первой любви; 4. Упадке идеализма; 5. Последствиях Великой войны; 6. Контроле над рождаемостью и 7. Обманчивости свободы воли. Он находился в самой низшей точке своего настроения. Но тут, почувствовав, что ноги замерзли, в желудке пусто, а идти предстоит еще несколько миль, перебрался по скользким камням через ручей и оказался у ворот, сколоченных не из обычных жердей, а из крепких, неприступных брусев. На них опирался человек, он жевал соломинку и при приближении Уимзи не двинулся с места.

— Добрый вечер! — радостно поздоровался Питер, положив ладонь на задвижку. — Не правда ли, свежо?

Человек не ответил, только грузнее навалился на ворота и вздохнул. На нем было грубое пальто и гетры, покрытые навозом.

— По сезону, — продолжал Питер. — Хорошо для овец. Завивается шерсть, и все такое.

Человек вынул изо рта соломинку и сплюнул в сторону правого ботинка гостя.

— Много животных потеряли в трясине? — не отступал Питер, небрежно отпирая ворота и наваливаясь на них со своей стороны. — Я вижу, у вас крепкий забор вокруг дома. В темноте,

наверное, немного опасно. Вдруг вы заболтаетесь с приятелем во время вечерней прогулки да и налетите лбом?

Человек снова сплюнул, натянул на лоб шляпу и коротко спросил:

— Чего надо?

— Хотел нанести небольшой визит мистеру... ну, то есть владельцу этой фермы. Сельское добрососедство, и все такое... Тут скучновато, вам ли не знать. Как вы считаете, он дома?

Человек хрюкнул.

— Рад это слышать, — кивнул Питер. — Так непривычно приятно убедиться, что йоркширцы народ очень добрый и гостеприимный. Неважно, кто пришел, сразу приглашают к огню, да так приветливо. Простите, вы в курсе, что, опираясь на ворота, не дадите мне их открыть? Не сомневаюсь, исключительно по недосмотру. Вам невдомек, что, стоя таким образом, вы играете роль рычага. Какой прелестный дом! Все радостно, голо и сурово. Никаких вьюнов, роз и других городских штучек. Кто в нем живет?

Человек окинул его взглядом с ног до головы и ответил:

— Мистер Граймторп.

— Неужели? Только подумать! Вот его-то я и хотел бы повидать. Образцовый фермер. На просторах Северного Райдинга только и слышишь: «Масло Граймторпа самое лучшее. Одежду из граймторпской шерсти можно носить вечно. Свинина тает на вилке. Для ирландского рагу берите мясо только у Граймторпа. Кто его бифштексы уважает, тот горя не знает». Цель моей жизни — повидаться с мистером Граймторпом лично. А вы, как я понимаю, его верный помощник и правая рука. Бессменно встаете затемно который год и доите коров среди ароматного сена. А вечером, когда овец ряды нисходят с гор, вы загоняете их всех во двор. Потом, детей собрав у очага, рассказываете, как жили в прежние века. Замечательная жизнь, хотя зимой, наверное, немного монотонная. Разрешите пожать вашу честную руку.

То ли на человека подействовал всплеск поэзии, то ли меркнувший свет был недостаточно тускл, чтобы скрыть металлический блеск в ладони Питера, но он немного отступил от ворот.

— Большое спасибо, дружище. — Сэр Питер порывисто шагнул за ним. — Я так понимаю, что мистера Граймторпа можно найти дома?

Человек ничего не ответил, и лишь когда Уимзи уже прошел дюжину ярдов по мощенной плитками дорожке, окликнул его, не поворачивая головы:

— Мистер!

— Что, приятель? — дружелюбно отозвался Питер.

— Как бы он не натравил на вас собаку.

— Разве такое возможно? Верный пес приветствует возвращение блудного сына²⁴. Сцена семейного воссоединения. «Мой давно потерянный малыш!» Рыдания, речи, пиво для восхищенных арендаторов. Веселье у древнего костра до упаду, пир горой. Покойной ночи, милый принц²⁵, пока домой не вернутся коровы, и псы съедят Иезавель за стеною Изрееля²⁶. И пока весенние гончие не встанут на зимний след²⁷. Полагаю, они уже поужинали, — добавил он от себя.

По мере приближения к двери фермерского жилища настроение Питера повышалось. Он любил наносить подобные визиты. Хотя он и увлекался расследованиями так, как при другом воспитании и законах мог бы увлечься курением индийской травки — за их бодрящие свойства, — в моменты, когда жизнь казалась суетой и тленом, его детективный темперамент отступал на второй план. Питер ничего не ждал от посещения «Норы Грайдера» — и если бы захотел, то любую информацию мог бы получить прямо у ворот, показав угрюмому человеку несколько банкнот. Паркер, скорее всего, так бы и поступил — ему платили за следственные действия и ни за что другое. И ни природные данные, ни образование (он учился в престижной частной школе Барроу-ин-Фернс) не побудили бы его блуждать по задворкам неуправляемого воображения.

²⁴ Лк 15:11–32

²⁵ У. Шекспир «Гамлет», акт V, сцена 2. Пер. А. Кронеберга.

²⁶ 3Цар. 21:23

²⁷ Из поэмы А. Суинберна «Атланта в Каледоне».

Но лорду Питеру мир представлялся увлекательным лабиринтом побочных тем. Он был уважаемым знатоком пяти или шести языков, неплохо музицировал, разбирался в токсикологии, коллекционировал редкие издания книг, был светским человеком и по-обывательски любил сенсации. По воскресеньям в половине первого его видели гуляющим в Гайд-парке в цилиндре и сюртуке и читающим газету «Ньюс оф зе уорлд». Страсть к неизведанному толкала его к поискам неизвестных текстов в Британском музее, копанию в эмоциональных историях сборщиков налогов и рассуждениям, куда его занесет его собственным течением. И в этом смысле тема йоркширского фермера, готового спустить на случайного гостя собак, требовала личной встречи. Хотя результат был непредсказуем.

На его первый стук никто не откликнулся, и он постучал снова. За дверью возникло движение, и раздался злобный голос:

— Ну ипусти его тогда, черт его побери — и черт тебя побери!

Ругательство сопровождалось звуком: то ли что-то упало, то ли что-то нарочно швырнули.

Дверь неожиданно открыла девочка лет семи — очень темная, симпатичная. Она потирала руку, словно в это место ей угодил камень. Девочка настороженно стояла, закрывая собой проход, пока прежний голос не спросил:

— Кого там принесло?

— Добрый вечер, — поздоровался Уимзи, снимая шляпу. — Надеюсь, вы простите меня за то, что я так бесцеремонно зашел. Я живу в Риддлсдейл-лодже.

— И что с того?

Поверх головы девочки Питер заметил силуэт курившего у огромного камина крепко сбитого мужчины. Помещение освещалось только огнем в топке, хотя окна были маленькие, а на улице смеркалось. Комната, судя по всему, была большой, но сразу за дымоходом ее перегораживала надвое высокая дубовая скамья, за которой простиралась область непроглядной тьмы.

— Можно войти? — спросил Уимзи.

— Если не терпится, — нелюбезно ответил хозяин. — Закрой дверь, девка, на что уставилась? Поди к своей мамаше — пусть поучит тебя манерам.

Ситуация напоминала ту, когда горшок учит чистоте чайник. Но девочка моментально растворилась в темноте, а гость сделал шаг вперед и вежливо спросил:

— Вы мистер Граймторп?

— А если и так, что с того? Уж *мне* не приходится стыдиться за мою фамилию.

— Разумеется, — кивнул Уимзи. — И за ферму тоже. Замечательное место. Кстати, меня зовут Уимзи, лорд Питер Уимзи, брат герцога Денверского. Не хотел вас тревожить — вы ведь заняты овцами и всем прочим, — но все-таки решился заглянуть по-соседски. Уединенная местность — полезно знать тех, кто обитает рядом. Понимаете, я привык к Лондону, где люди живут скученно. Сюда, наверное, редко заходят незнакомцы?

— Вообще не заходят, — отрезал Граймторп.

— Возможно, это и к лучшему, — продолжал лорд Питер. — Больше ценится домашний круг. Часто возникает мысль, что в городе видишь слишком много чужаков. Не то что в семье, где все, что говорится и делается, исключительно приятно. Вы женаты, мистер Граймторп?

— Какого черта вам здесь нужно? — прорычал хозяин с такой яростью, что Уимзи тревожно оглянулся: не прорвались ли в дом недавно упомянутые собаки.

— Не горячитесь, — ответил Уимзи. — Просто я подумал, что та очаровательная девочка — ваша дочь.

— Если бы я думал иначе, то придушил бы сучонку вместе с матерью. Как вам такое?

Вопрос, который следовало расценивать как разговорную формальность, был таков, что естественное красноречие Питера подверглось серьезному испытанию. Он прибег к обычному мужскому выходу из положения и предложил хозяину фермы сигару, а сам подумал: «Какую же окаянную жизнь ведет с этим типом женщина!»

Фермер, отказавшись от сигары коротким «нет», надолго замолк. Уимзи, раскурив свою, задумчиво разглядывал «собеседника». Это был выдавший виды мужчина лет сорока пяти, грубый, неотесанный, с широкими рельефными плечами и короткими толстыми ногами — одним словом, бультерьер с дурным характером. Решив, что тонкие намеки такой организм не проймают, Уимзи начал напрямую.

— Сказать по правде, мистер Граймторп, я заявился без какого-либо повода. Хотя, приходя в чей-то дом, всегда полезно поводом обзавестись. Но вас повидать — это так замечательно, что и повод не нужен. Хотя, если честно, повод все-таки был: я ищу приятеля, который, как он мне сообщил, обретался где-то в округе. Боюсь, я с ним разминулся. Понимаете, я только что приехал с Корсики — интересная страна, я вам скажу, только очень далекая. Из того, что говорил мне друг, он должен был объявиться здесь с неделю назад и искать меня. Но мне, как всегда, не везет — он, не оставив карточки, лишил меня всякой уверенности. Вы его, случайно, не встречали? Высокий, с большой ступней, на мотоцикле с коляской. Может, проезжал мимо. Не знаете его?

Лицо фермера перекоилось и потемнело от бешенства.

— В какой день это было? — прорычал он.

— Речь идет о среде или ночи на четверг, — продолжал Уимзи, держа руку на своей тяжелой малайзийской трости.

— Так и знал, — прохрипел Граймторп. — Эта шлюха и все эти грязные бабы хитрости... Слушай сюда, мистер. Говоришь, он твой приятель? Так вот, в среду и четверг я был в Степли, и ты это знал. Знал? И твой дружок тоже знал. Раз я его не поймал, тем хуже для тебя. Я бы его в бараний рог согнул, как тебя через секунду! А будете здесь еще рыскать, костей не соберете!

С этими удивительными словами он кинулся на Питера, норовя вцепиться в горло, как бульдог.

— Э, так не пойдет! — воскликнул Питер, освободившись от захвата с ошеломительной для противника легкостью и заломив его запястье загадочным и чрезвычайно болезненным приемом, от чего тот моментально обмяк. — Очень неразумно, так можно и убить. Убийство — дело скверное. Следствие и все такое. Обвинитель станет задавать неприятные вопросы. А потом вам накинут на шею петлю. К тому же ваши методы весьма примитивны. Стойте спокойно, идиот, иначе сломаете себе руку. Вот так. Теперь сядьте. В один прекрасный день вы влипнете в серьезные неприятности, если будете себя вести подобным образом в ответ на вежливый вопрос.

— Убирайся из моего дома! — мрачно потребовал Граймторп.

— Непременно, — кивнул Питер. — Спасибо за вечернее развлечение. Жаль, что не сообщили новостей о моем приятеле.

Фермер вскочил, изрыгая потоки брани, и ринулся к двери с криками:

— Джейбез! Джейбез!

Лорд Питер секунду смотрел ему вслед, затем обвел глазами комнату.

— Что-то здесь нечисто, — пробормотал он. — Этот тип что-то знает. Опасный ублюдок. Интересно... — Он заглянул за скамью и внезапно наткнулся взглядом на лицо женщины — тусклое светлое пятно в плотной тени.

— Вы? — хрипло выдохнула та. — Вы? Вы сумасшедший, раз явились сюда. Быстрее! Быстрее! Он пошел за собаками.

Она уперлась ладонями в его грудь, решительно выталкивая обратно, а когда пламя из камина осветило его лицо, сдавленно вскрикнула и застыла с выражением ужаса, как у Медузы с картины Караваджо...

Предание гласит, что Медуза была красива. Эта женщина тоже. Открытый белый лоб под копной темных волос, блеск черных глаз из-под прямых бровей, широкий чувственный рот такой изумительной формы, что даже в этот напряженный момент в жилах Питера взыграла кровь всех шестнадцати поколений знати. Его руки инстинктивно сомкнулись вокруг плеч прекрасной незнакомки, но женщина сжалась и поспешно отстранилась.

— Мадам, — начал Уимзи, приходя в себя, — я не совсем...

В его голове роилась тысяча вопросов, но прежде, чем он успел облечь их в слова, за домом послышался лай.

— Бегите, бегите! — вскрикнула женщина. — Собаки! Боже, что со мной станет? Скорее, пока меня из-за вас не убили. Уходите! Имейте жалость!

— Послушайте, — попытался успокоить ее Питер. — Я могу остаться и защитить вас...

— Вы можете остаться и погубить меня. Не медлите!

Питер, послав ко всем чертям традиции привилегированной школы, подхватил трость и выскочил наружу. Злобные зверюги преследовали его по пятам, пока он бежал к выходу. Питер ударил палкой первую — собака, зарывав, отпрянула. Человек у забора по-прежнему опирался на

ворота. Позади слышался хриплый голос Граймторпа — он требовал, чтобы тот схватил беглеца. Последовала свалка из людей и псов, и Питер вдруг почувствовал, что перелетает через ворота. Он поднялся и на бегу слышал, как фермер отчитывает работника, а тот оправдывается — мол, ничего не мог поделать. Их перебранку перекрывал испуганный женский голос. Питер оглянулся через плечо. Работник, женщина и еще один человек, присоединившийся к веселью, отгоняли собак назад и как будто уговаривали Граймторпа не выпускать их с территории. Слова, судя по всему, подействовали, потому что фермер повернул прочь, а второй работник криками и ударами хлыста продолжал прогонять псов. Женщина что-то сказала, муж сердито накинулся на нее и повалил на землю.

Питер дернулся было, чтобы прийти на помощь, но его остановило твердое убеждение, что от этого будет только хуже. Он стоял и смотрел, как женщина поднялась и пошла к дому, утирая шалью кровь и грязь с лица. Фермер погрозил Питеру кулаком и последовал за ней. Джейбез увел собак, а приятель Питера снова облокотился на ворота.

Питер дождался, когда за семейством Граймторп закрылась дверь, достал платок и помахал работнику, который, проскользнув в ворота, медленно направился к нему.

— Большое спасибо, — поблагодарил Питер, вкладывая ему деньги в ладонь. — Боюсь, я невольно стал причиной скандала.

Мужчина посмотрел на него и на деньги.

— Держитесь отсюда подальше, мистер, если не хотите, чтобы ее кровь пала на вашу голову.

— Послушайте, — заговорил Уимзи, — вы, случайно, не видели в среду или около того молодого мужчину на мотоцикле?

— Нет... В среду я ездил в Степли. За техникой, за зерном.

— Ладно. Если узнаете, что кто-нибудь видел, дайте мне знать. Вот мое имя. Я живу в Риддлсдейл-лодже. Доброй ночи. И еще раз спасибо.

Человек взял визитную карточку и, не прощаясь, пошел прочь.

Лорд Питер медленно брел, подняв воротник пальто и надвинув на глаза шляпу. Этот кинематографический эпизод поколебал его способность логически думать. Он с трудом сортировал свои мысли и организовывал их в некоторое подобие порядка.

«Пункт первый, — говорил он себе. — Мистер Граймторп. Джентльмен, который ни перед чем не остановится. Дюжий. Грубый. Негостеприимный. Сатрап по характеру, ревнует свою потрясающую жену. В прошлую среду ездил в Степли покупать технику. Услужливый человек у ворот это косвенно подтвердил. Так что на данной стадии расследования можно считать это за алиби. Таинственного типа на мотоцикле с коляской не видел, *если* тот здесь вообще проезжал. Хотя надо думать, что проезжал. А если так, то мало сомнений, с какой целью. Возникает интересный момент. Зачем понадобилась коляска? С ней тут ездить неудобно. Если он приезжал за миссис Г., то — это очевидно — не забрал ее. Пошли дальше.

Пункт второй. Миссис Граймторп. Очень одинокий пункт. Господи! — Питер остановился, вспоминая драматический момент. — Давайте признаем сразу: если человек с ногой десятого размера появлялся здесь с той целью, в которой его подозревают, то у него были на это веские основания. Итак. Миссис Г. боится мужа, которому ничего не стоит по первому подозрению швырнуть ее на землю. Бог ему судья — я сделал бы все только хуже. Единственное, чем можно помочь жене такого дикаря, — держаться от нее подальше. Остается надеяться, что он ее не убьет. Одного раза достаточно. Итак, к чему я пришел?

Пункт третий. Миссис Граймторп что-то знает и кого-то знает. Она приняла меня за человека, которому никак не следовало являться в это место. Интересно, где она была, когда я разговаривал с Граймторпом? В комнате ее не было. Возможно, ее предупредила девочка? Не годится. Я сказал девочке, кто я такой. Ага! Кажется, осенило. Она посмотрела в окно и увидела человека в поношенном клетчатом пальто. Но Десятый Размер тоже ходит в поношенном клетчатом пальто. Предположим на секунду, что она приняла меня за него. Что она делает дальше? Поначалу благоразумно держится в стороне. Ей непонятно, с чего мне взбрело в дурную голову заявиться в их дом. Когда же муж побежал звать пса, она отважно рискует жизнью, чтобы поскорее выпроводить своего... своего — скажем прямо — любовника. Тут она понимает, что перед ней не любовник, а просто какой-то любопытный осел (боюсь), причем еще и упрямый. Новый поворот

неловкой ситуации. Она велит ослу выметаться из дома, чтобы спастись самому и спасти ее. Осел выметается — не слишком обходительно. Теперь надо ждать следующего акта этой увлекательной драмы. Когда? Вот что интересно знать».

Некоторое время Питер топал по грязи молча, потом заметил:

— И тем не менее, все это ничуть не проливает свет на то, что делал Десятый Размер в Риддлсдейл-лодже.

К концу своего путешествия он так и не пришел ни к каким выводам по этому поводу.

— В любом случае, — сказал он себе, — если это не будет угрожать жизни миссис Граймторп, я должен снова с ней встретиться.

Глава 5

Улица Сент-Оноре и улица Де-ла-Пэ

Думаю, это был кот.

Корабль ее величества «Пинафор»²⁸

Паркер сидел с несчастным видом в маленькой квартирке на улице Сент-Оноре. В три часа дня Париж был полон мягкого, но радостного осеннего солнца, однако окна выходили на север и помещение наводило тоску простой темной мебелью и застоялым воздухом.

Это была мужская комната — выдержанная в строгом стиле респектабельного клуба и соответствующая сухому вкусу покойного владельца. У холодного камина стояли два обитых красной кожей кресла. На каминной полке — бронзовые часы; по обе стороны — блестящие гильзы от немецких снарядов. В пепельнице из камня давно потухшая трубка. В рамках из грушевого дерева несколько превосходных гравюр и портрет маслом довольно напыщенной дамы времен Карла II. На окнах красные шторы, пол покрыт плотным турецким ковром. Напротив камина — высокий книжный шкаф красного дерева со стеклянными дверцами. Несколько томов английской и французской классики, большая подборка работ по истории и международной политике, французские романы, книги на спортивные и военные темы и известное французское издание «Декамерона»²⁹ с дополнительными иллюстрациями. У окна стоял большой секретер.

Паркер покачал головой, взял лист бумаги и принялся писать донесение. В семь он позавтракал булочками с кофе, тщательно осмотрел квартиру, допросил консьержку, переговорил с управляющим банка «Лионский кредит» и квартальным префектом полиции, но результат получился весьма плачевным.

Информация, почерпнутая из бумаг капитана Кэткарта, была таковой.

До войны Дэнис Кэткарт был, несомненно, богатым человеком: вкладывал средства в предприятия России и Германии и имел долю в процветающей виноделии Шампани. Получив в двадцать один год наследство, три года провел в Кембридже, много путешествовал, встречался с важными персонами, готовился стать дипломатом. Период с 1913 по 1918 год был интересным, тяжелым и удручающим. В начале войны Кэткарт получил офицерский чин. С помощью чековой книжки Паркер восстановил финансовую жизнь молодого британского офицера: обмундирование, лошади, вооружение, поездки, обеды и вино во время увольнений, карточные долги, плата за квартиру на улице Сент-Оноре, клубные взносы и многое другое. С скромные траты строго соответствовали доходам. Счета были аккуратно сложены и занимали целый ящик в секретере. Никаких расхождений. Но помимо этого, казалось, средства Кэткарта утекали куда-то еще. Начиная с 1913 года каждый квартал капитан снимал крупные суммы наличных, ставя на

²⁸ «Корабль ее величества «Пинафор», или Возлюбленная матроса» — комическая опера в двух действиях композитора А. Салливана и либреттиста У. Гилберта.

²⁹ Сборник новелл итальянского писателя Дж. Боккаччо.

чеках в графе «Получатель» самого себя. Иногда чаще. По поводу того, куда уходили средства, секретер хранил молчание: в бумагах не было ни расписок, ни квитанций, ни листа учета расходов.

Потрясший мировые финансы удар 1914 года отразился и в депозитной книжке Кэткарта. Поступления из Германии и России прекратились, а из Франции, где война прокатилась по винодельческим регионам и оторвала рабочих от дел, сократились до четверти прежнего объема. В первый год еще продолжали поступать существенные дивиденды от вложений во французские государственные ценные бумаги. Затем кредитный актив сократился на 20 тысяч франков, а через полгода еще на 30, после чего все быстро покатило под гору. Паркер мог представить, как в вихре повышающихся цен и обвала валют распродавались государственные облигации и таяли накопления. Доход становился все меньше, появлялось больше долговых обязательств.

Примерно к восемнадцатому году ситуация стала настолько острой, что записи демонстрировали безуспешные попытки поправить дела игрой на курсах валют. Через банк проводились покупки немецких марок, русских рублей и румынских леев. Паркер, вспомнив о собственных 12 фунтах, вложенных в подобные никчемные образцы гравировального искусства, лежавшие теперь дома в его письменном столе, сочувственно вздохнул. Он понимал, что они стоят не больше бумаги, на которой напечатаны, но его рассудительный ум не терпел даже мысли, чтобы их выкинуть. Кэткарт явно убедился, что марки и рубли — дело гиблое.

Где-то в этот же период банковская расчетная книжка Кэткарта стала демонстрировать поступления наличными — то больших, то малых сумм с разной периодичностью. В декабре 1919 года сумма достигла 35 тысяч франков. Паркер сначала предположил, что эти доходы представляют собой дивиденды от неких ценных бумаг, которые Кэткарт держал при себе, не проводя через банк. Он тщательно обыскал комнату, надеясь найти или сами облигации, или любой документ, где о них бы упоминалось, но напрасно. И был вынужден заключить, что Кэткарт либо держал их в каком-нибудь тайном месте, либо доход происходил из иного источника.

Кэткарт демобилизовался очень быстро (явно благодаря завязанным ранее знакомствам с важными государственными лицами) и долго отдыхал на Ривьере. Последующий визит в Лондон совпал с получением семисот фунтов, которые, переведенные по тогдашнему курсу во франки, составили неплохое подспорье счету. С тех пор расходы и поступления были примерно сбалансированы, выписанные на себя чеки существеннее, а начиная с 1921 года стали возвращаться доходы от вложений в виноделие.

Тщательно записав информацию, Паркер откинулся на спинку и обвел взглядом помещение. Он не в первый раз ощутил неприязнь к своей профессии, вырвавшей его из сообщества мужчин, которые относились друг к другу с доверием и уважали частную жизнь. Раскурив потухшую трубку, он продолжил писать донесение.

Информация, полученная от мсье Туржо, управляющего банка «Лионский кредит», во всем подтвердила данные расчетной книжки Кэткарта. В последнее время тот осуществлял платежи наличными, обычно банкнотами небольшого достоинства. Раз или два ненамного превысил кредит, но в течение нескольких месяцев погасил задолженность. Кэткарт, как все, страдал от сокращения доходов, но его счет никогда не доставлял банку неудобств. На последний момент положительный баланс составлял 14 тысяч франков. Мсье Кэткарт был очень приятным, но не слишком общительным человеком — и чрезвычайно корректным.

Информация, полученная от консьержа.

Он не часто видел мсье Кэткарта, но считал его очень вежливым. Уходя или приходя, тот никогда не забывал поздороваться — говорил: «*Bon jour, Bourgeois*»³⁰. Иногда к нему приходили господа в вечерних костюмах. Один был партнером в карточных играх. Мсье Бургуа никогда не видел в его комнатах женщин, кроме одного случая, когда капитан пригласил на завтрак дам, *très comme faut*³¹, которые привели с собой его *fiancée, une jolie blonde*³². Мсье Кэткарт пользовался

³⁰ Добрый день, Бургуа (фр.).

³¹ очень благопристойных (фр.)

³² невесту, очень приятную блондинку (фр.)

квартирой в качестве *pied à terre*³³, часто закрывал и уезжал на несколько недель или месяцев. Он был *un jeune homme très rangé*³⁴. Слуг не имел. В его квартире поддерживала чистоту мадам Леблан, кухня покойной жены консьержа, очень достойная женщина. Разумеется, он даст мсье ее адрес.

Информация, полученная от мадам Леблан.

Мсье Кэткарт был очаровательным молодым человеком, ей нравилось у него работать. Благородный, постоянно интересовался семьей. Мадам Леблан сильно расстроилась, узнав о его смерти накануне свадьбы с дочерью английской миледи. Она видела мадемуазель в прошлом году, когда та приезжала в Париж повидаться с Кэткартом, и считала, что молодой леди очень повезло. Немногие мужчины настолько же серьезны, как мсье Кэткарт, особенно при такой привлекательной внешности. Мадам Леблан мужчин знает и могла бы под настроение рассказать множество историй, но о мсье Кэткарте ничего подобного не слышала. Он не всегда пользовался квартирой, но ее извещал, когда намеревался приехать, и она приводила комнаты в порядок. Он и сам поддерживал чистоту и в этом отношении отличался от других англичан. Мадам Леблан встречала таких, у которых *sens dessus dessous*³⁵. Мсье Кэткарт всегда очень хорошо одевался. Регулярно мылся. Несчастный господин увлекался своим туалетом, как женщина. И вот умер! *Le pauvre garçon*³⁶. От этой трагической новости у мадам Леблан даже аппетит пропал.

Информация, полученная у господина префекта полиции.

Абсолютно никакой информации. Мсье Кэткарт никогда и ни в каком отношении не привлекал внимание полиции. Что же касается упомянутых господином Паркером денежных сумм — если господин предоставит номера купюр, будут предприняты усилия проследить их оборот.

Куда уходили деньги? Паркер мог представить только два варианта: незаконное предприятие или шантаж. Разумеется, столь привлекательный мужчина, как Кэткарт, мог иметь женщину и даже не одну, о которых не подозревал консьерж. Карточному шулеру — если Кэткарт в самом деле им являлся — грозит опасность оказаться под властью слишком много узнавшего человека. Нерегулярные поступления наличными, когда иссякли его доходы, могли быть выигрышами в казино, на курсах валют, или — если верить рассказам Денвера — в нечестной карточной игре. Паркер склонялся к версии шантажа. Это более соответствовало картине преступления, которую они с лордом Питером реконструировали в Риддлсдейле.

Но кое-что все-таки озадачивало Паркера. Зачем шантажисту понадобилось ехать на мотоцикле с коляской через йоркширские болота? Кому принадлежал зеленоглазый кот? Безделушка недешевая. Не мог ли Кэткарт предложить ее в качестве части платежа? Мысль показалась глупой: шантажист отверг бы ее с презрением, — но кот теперь был у Паркера и детективу пришло в голову, что следовало бы отнести его ювелиру на оценку. Все было неясным: роль коляски, роль кота и более всего — роль леди Мэри.

Почему она солгала на следствии? То, что она говорила неправду, не вызывало у Паркера сомнений. Он не верил ни единому слову истории о разбудившем ее втором выстреле. Что привело ее к двери в оранжерею в три часа утра? Чей чемодан был спрятан в кактусах — если там вообще стоял чемодан? Что это за длительный нервный срыв без определенных симптомов, не позволивший дать показания магистрату и ответить на вопросы брата? Не присутствовала ли леди Мэри при встрече в кустах? Но тогда они с Уимзи наверняка обнаружили бы там ее следы. Не в сговоре ли она с шантажистом? Предположение было неприятным. Не намеревалась ли помочь жениху? От герцогини Паркер знал, что леди Мэри располагает собственными средствами. Не решила ли она поддержать Кэткарта деньгами? Но в таком случае почему не сообщила все, что ей известно? Худшее из высказанных о Кэткарте предположений — что он карточный шулер — стало всеобщим достоянием, а сам он умер. Если Мэри знает правду, почему не выступила и не спасла брата?

³³ временного жилища (фр.).

³⁴ очень правильным молодым человеком (фр.)

³⁵ все вверх ногами (фр.)

³⁶ Бедный юноша! (фр.)

В этот момент Паркеру пришла в голову еще более неприятная мысль. Что, если миссис Марчбэнкс слышала в библиотеке шаги не Денвера, а кого-то другого — человека, который тоже назначил встречу с шантажистом, но был на его стороне против Кэткарта и понимал опасность их разговора? А сам Паркер — достаточно ли хорошо осмотрел лужайку между домом и зарослями, где проходила встреча? Возможно, что утром в четверг там еще были следы примятости, а потом благодаря дождю и жизненным силам трава вновь воспрянула. Все ли следы они с Питером обнаружили в лесу? Не произвела ли этот выстрел с близкого расстояния чья-то более надежная рука? И еще раз — *чей же этот зеленоглазый кот?*

Догадки, предположения — одно неприятнее другого — кололи сознание Паркера. Он взял данную ему Уимзи фотографию Кэткарта и долго с любопытством вглядывался в изображение. Смуглое симпатичное лицо, слегка вьющиеся черные волосы, большой, хорошо очерченный нос, темные с разлетом глаза, одновременно притягательные и надменные. Губы красивые, хотя чуть полноватые, с намеком на чувственность в изгибе. Подбородок с ямочкой. Паркер признал, что изображенный на фотографии человек ему не нравится — кажется слишком напыщенным. Он бы отмахнулся от такого приятеля как от байронического мерзавца. Но опыт подсказывал, что подобный тип лица способен сильно действовать на женщин, вызывая в них любовь или ненависть.

Совпадения обычно похожи на розыгрыши Провидения. И Паркер вскоре удостоился — если это выражение в данном случае уместно — познакомиться с проявлением подобного снисходительного юмора. Как правило, такие вещи случались не с ним — они были больше по части Уимзи. Детектив проделал путь с низших ступеней до уважаемой должности в Скотленд-Ярде скорее благодаря упорному труду, практичности и осторожности, чем счастливым совпадениям и умению поймать удачу за хвост. Но на этот раз Паркера явно «вел» кто-то свыше, а то, что детектив не ощутил по этому поводу особой благодарности, можно объяснить только одним из проявлений несовершенной человеческой природы.

Он закончил донесение, все аккуратно сложил в стол и заглянул в полицейский участок договориться с префектом о ключах и печатах на дверь. Вечер только начинался, и похолодало несильно. Паркер решил разогнать мрачные мысли кофе с коньяком на бульваре Сен-Мишель, а затем прогуляться по парижским магазинам. По натуре добрый семейный человек, он захотел купить что-нибудь парижское своей старшей сестре — незамужней и ведущей одинокую унылую жизнь в Барроу-ин-Фернс. Детектив знал, что она придет в восторг от тонкого кружевного нижнего белья, которого никто, кроме нее самой, не увидит. Паркер был не из тех, кто испытывает неловкость, покупая в иностранном магазине женское белье: не имел для этого достаточного воображения. Он помнил, как однажды судья поинтересовался, что такое «камисоль»³⁷, и детектив не нашел ничего смущающего в описании этого предмета одежды. И теперь намеревался найти истинно парижский магазин и спросить там камисоль. Этим он положит начало, а затем продавщица без всяких просьб покажет все остальное.

Около шести вечера Паркер шел по улице Де-ла-Пэ с небольшой коробкой под мышкой. Он потратил денег больше, чем намеревался, но приобрел массу знаний. Больше не сомневался, что такое «камисоль», и впервые в жизни осознал, что крепдешин не имеет ничего общего с крепом и, хотя очень тонок, на удивление дорог. Молодая продавщица вела себя очаровательно мило и, ни на что не намекая, сумела устроить так, что покупатель ощутил себя немного собакой. Он чувствовал, как улучшилось его французское произношение. Мимо великолепных витрин магазина по улице неспешно прогуливались толпы людей. Паркер остановился, заглядевшись на выставку украшений, словно колебался в выборе между жемчужным колье за 80 тысяч франков, алмазной подвеской и аквамаринами в платине.

И тут увидел, что, свисая из-под бирки с надписью «*Vonne fortune*»³⁸, ему по-злодейски подмигивает зеленоглазый кот. Кот смотрел на Паркера, а Паркер смотрел на кота. Это был не обычный, а особенный кот. Тонкое изогнутое тельце сверкало алмазами, платиновые лапы сведены вместе, блестящий хвост задран вверх — все выдавало чувственную радость, будто он

³⁷ Легкая укороченная комбинация

³⁸ На удачу (*фр.*).

терся о некий любимый предмет. Голова слегка склонена на одну сторону, приглашая приласкать шею. Истинное произведение искусства — художника, а не ремесленника. Паркер достал блокнот и посмотрел на изображенного в нем кота, затем на кота с витрины. Они были похожи. Удивительно похожи. Одинаковые. Паркер вошел в магазин.

— Мой бриллиантовый кот очень похож на того, что выставлен в вашей витрине, — обратился он к молодому человеку за прилавком. — Не окажете ли любезность сообщить, какова стоимость такого кота?

— Разумеется, мсье, — с готовностью ответил продавец. — Его цена пять тысяч франков. Он, как вы понимаете, сделан из самых превосходных материалов. Более того, это настоящее произведение искусства и ценится выше рыночной стоимости потраченных на него драгоценных камней.

— Это, полагаю, своеобразный талисман?

— Совершенно верно, мсье. Приносит удачу. Особенно в карточной игре. Эти небольшие предметы часто покупают женщины. У нас есть и другие талисманы, но все подобного качества и цены. Мсье может не сомневаться, что его кот высочайшей породы.

— И таких котов можно приобрести в Париже повсюду? — как бы равнодушно спросил Паркер.

— Нет, мсье, — ответил продавец. — Если вы планируете подобрать своему коту пару, советую поспешить. У господина Брике было только два десятка, а теперь, включая того, что на витрине, осталось всего три. Думаю, он больше не станет ими заниматься. Повторять одно и то же значит вульгаризировать идею. Конечно, появятся другие коты...

— Мне не нужно другого, — внезапно заинтересовался Паркер. — Я так понимаю, что подобных котов продавал только Брике. Следовательно, и мой из вашего магазина?

— Несомненно. Это один из наших котов. Сделан нашим художником, занимавшимся подобными миниатюрными зверьками.

— Полагаю, невозможно установить, кому был изначально продан этот кот?

— Если с прилавка за наличные — нет. Но если попал в наши книги — возможно, получится, если угодно мсье.

— Очень угодно, — кивнул Паркер, доставая визитку. — Я сотрудник британской полиции. Мне крайне важно узнать, кому сначала принадлежал этот зверь.

— В таком случае мне необходимо известить владельца магазина, — заявил продавец. Он ушел с визиткой в глубь помещения и вскоре возвратился с крепким мужчиной, которого представил как господина Брике.

В кабинете хозяин выложил на стол учетные книги.

— Вы должны понимать, что я могу назвать фамилии и адреса покупателей котов лишь в том случае, если мы получали плату с их счетов. Конечно, маловероятно, что такую дорогую вещь покупали за наличные. Но случается, что богатые англосаксы приобретают украшения именно так. Углубляться в прошлое дальше, чем до начала года, нет нужды — именно тогда были изготовлены эти коты. — Брике провел толстым пальцем по записям в книге. — Первая продажа состоялась девятнадцатого января.

Паркер записывал фамилии и адреса, и через полчаса господин Брике подытожил:

— Это все, мсье. Сколько у вас получилось человек?

— Тринадцать, — ответил Паркер.

— В магазине осталось три кота. Изначально их было двадцать. Следовательно, четыре штуки продали за наличные. Если хотите, сверимся с бухгалтерскими книгами.

Поиски в бухгалтерских книгах оказались более утомительными, но четырех котов обнаружить удалось. Первого продали 31 января, второго 6 февраля, третьего 17 мая и последнего 9 августа.

Паркер поднялся и рассыпался в похвалах и благодарностях, и тут ему в голову пришла мысль показать господину Брике фотографию капитана.

Хозяин магазина покачал головой.

— Уверен, он не из наших постоянных клиентов. У меня хорошая память на лица. Стараюсь запомнить всех, кто имеет у нас счет. А у этого господина необычное лицо. Но мы можем спросить моих помощников.

Большинство работников не узнали изображенного на карточке человека, и Паркер уже собирался спрятать фотографию в карман, но тут девушка, которая вернулась, продав обручальное кольцо тучному пожилому еврею, уверенно заявила:

— *Mais oui, j'ai vu, ce monsieur-là*³⁹. Он англичанин. Купил бриллиантового кота для симпатичной блондинки.

— Мадемуазель, — встрепенулся Паркер, — окажите мне любезность, расскажите все, что сможете вспомнить.

— Хорошо, — кивнула продавщица. — Такое лицо не забыть, особенно женщине. Господин купил бриллиантового кота и заплатил... ах нет, не так: вспомнила, купила дама и выложила наличные. Я еще удивилась: женщины обычно не носят таких крупных сумм. Господин тоже совершил покупку — приобрел для дамы черепаховый с бриллиантами гребень. И тут она сказала, что тоже хочет подарить ему что-то на счастье. Спросила, нет ли у нас талисмана, приносящего удачу в карточной игре. Я показала несколько пристойных для господина украшений. Но она увидела этих котов, они ей понравились, и сказала, что больше ничего не хочет и уверена, что это именно то, что ему нужно. Спросила моего совета. Я ответила, конечно, что джентльмен больше никогда не сядет без него за карточный стол. Он рассмеялся и пообещал не расставаться с котом за игрой.

— Какова из себя была эта дама? — спросил Паркер.

— Блондинка, мсье. Очень привлекательная, довольно высокая, стройная, хорошо одетая. Большая шляпка, темно-синий костюм. *Quoi encore? Voyons*⁴⁰ — она была иностранкой.

— Англичанкой?

— Не знаю. По-французски говорила очень хорошо, как француженка, но все-таки с легким акцентом.

— А на каком языке говорила с мужчиной?

— По-французски. Понимаете, мсье, мы беседовали втроем. Они постоянно обращались ко мне, и поэтому мы вели речь на французском языке. Господин говорил по-французски *à merveille*⁴¹, и только по костюму и некоторым деталям внешности я догадалась, что он англичанин. Дама говорила тоже свободно, лишь время от времени пробивался акцент. Иногда я отходила взять с витрины вещи. Тогда они разговаривали между собой, но не знаю, на каком языке.

— Мадемуазель, вы можете вспомнить, как давно это было?

— *Ah, mon Dieu, ça c'est plus difficile. Monsieur sait que les jours se suivent et se ressemblent. Voyons*⁴².

— Можно посмотреть по бухгалтерским книгам, — предложил Брик. — Когда были проданы одновременно бриллиантовый гребень и кот.

— Конечно, — поспешно согласился Паркер. — Вернемся к вам в кабинет.

Там они открыли январский том, но ничего не нашли, зато в февральском, в записях от шестого числа, прочитали:

Peigne en écaille et diamants — f 7500

*Chat en diamants (Dessin c-5) — f 5000*⁴³

— Это все решает, — мрачно заметил Паркер.

— Мсье, кажется, недоволен, — удивился хозяин магазина.

— Не могу выразить, как я благодарен за вашу доброту, но, откровенно признаюсь, из всех месяцев в году я предпочел бы любой другой.

³⁹ Да, я видела этого господина (фр.)

⁴⁰ Что еще? Ну...

⁴¹ превосходно (фр.)

⁴² Ах, боже мой, это труднее. Мсье сам знает, что дни идут друг за другом и похожи один на другой. Вот так (фр.)

⁴³ Черепаховый гребень с бриллиантами — 7500 франков.

Кот с бриллиантами (образец С-5) — 5000 франков (фр.).

Паркер настолько расстроился, что купил две юмористические газеты, чтобы успокоить чувства, и прочитал их за обедом в ресторане на углу улицы Огюст-Леопольд. Затем, вернувшись в свой скромный отель, заказал вина и сел сочинять письмо лорду Питеру. Работа шла медленно и была не по душе Паркеру. Заключительный абзац получился таким.

Я изложил все без комментариев. Сделаешь выводы сам, лучше меня. Мои умозаключения меня поставили в тупик и бесконечно встревожили. Возможно, все это полная чушь. Надеюсь, у тебя всплывет нечто такое, что позволит по-иному трактовать факты, но, чувствую, их нужно прояснить. С удовольствием сложил бы с себя полномочия, но понимаю, что другой может поспешить с выводами и все испортить. Но если ты считаешь, что так будет лучше, я могу в любой момент заболеть. А если полагаешь, что нужно продолжать копать здесь, не мог бы ты раздобыть фотографию леди Мэри Уимзи и, если возможно, выяснить насчет черепахового гребня и кота: когда именно леди Мэри была в феврале в Париже? Так ли она хорошо говорит по-французски, как ты? Дай знать, как идут у тебя дела.

Твой Паркер

Он внимательно перечитал донесение и письмо и запечатал. Затем написал сестре, аккуратно упаковал подарок и позвонил коридорному.

— Это письмо отправьте немедленно заказным, а посылку завтра общей почтой.

Затем он лег в постель и стал читать комментарии к «Посланию к Евреям», пока не уснул.

В ответ пришло письмо лорда Питера.

Дорогой Чарлз!

Не тревожь себя. Мне самому очень не нравится, как обстоят дела, но предпочитаю, чтобы нашим вопросом занимался именно ты. Как ты выражаешься, рядовому полицейскому все равно, кого арестовывать, лишь бы арестовывать — его не волнует, как он повредит человеку. Я сосредоточил все мысли на том, чтобы очистить имя Джерри — это первая цель: все, что угодно, лучше, чем петля за преступление, которое он не совершал. Пусть понесет наказание преступник, а не другой. Посему продолжаем.

Прилагаю две фотографии — все, что сумел раздобыть. Одна — в сестринской форме — неудачная, на другой почти все скрывает большая шляпа.

У меня в среду случилось маленькое приключение — расскажу при встрече. Нашел женщину, которая знает гораздо больше, чем должна, и перспективного головореза, только боюсь, что у него есть алиби. Появилась слабая зацепка насчет Десятого Размера. В Норталлертоне ничего особого не произошло, если, конечно, не считать, что Джерри под судом. Слава богу, здесь мать, и я надеюсь, что она приведет Мэри в чувство, но ей — то есть Мэри, а не матери, — хуже, чем в прошлые два дня: жутко больна и хандрит. Доктор Тингамми — тот еще осел — ничего не может поделать. Мать утверждает, что все ясно как божий день и она положит этому конец, а мне надо набраться терпения. Я просил ее разузнать насчет гребня и кота. М. кота начисто отрицает, но признает, что приобрела в Париже гребень. Где — не помнит, чек потеряла, но говорит, что он гораздо дешевле 7,5 тысяч франков. Она находилась в Париже со 2 по 20 февраля. Теперь моя главная задача связаться с Лаббоком и прояснить вопрос с тем белым песком.

Выездные сессии суда состоятся в последней неделе ноября — фактически в конце следующей недели. Это немного напрягает, но не особенно. Они не имеют права судить Джерри. Важна исключительно большая коллегия присяжных, которая утвердит проект обвинительного акта, и тогда мы получим столько времени, сколько нужно. Возникнет куча проблем. Заседания парламента, и все такое. Старина Биггс за своим непроницаемо-мраморным фасадом не на шутку встревожен. Судить пэров — та еще головная боль. Такое случается примерно раз в шестьдесят лет, и процедура — ровесница королеве Елизавете. Придется назначать лорда-распорядителя, да мало ли что еще. И нужно ясно отдавать себе отчет, что это только ради данного случая, поскольку где-то во времена Ричарда II лорд-распорядитель был настолько важной шишкой, что заправлял практически всем. Когда на трон взошел Генрих IV и судебная служба оказалась под властью короны, он с радостью прибрал все к рукам, и теперь лорда-распорядителя выбирают лишь по случаю коронации или таких представлений, как с Джерри. Король делает вид, что не знает, что такое должностное лицо отсутствует, и немало удивляется, когда требуется подобрать кандидатуру для выполнения подобных функций. Ты это знал? Я — нет. Меня просветил Бигги.

Взбодрись! Представь, что все эти люди не имеют ко мне отношения. Мать передает тебе самые добрые пожелания и надеется, что скоро увидит. Бантер передает что-то правильное и уважительное, только забыл, что именно.

*Твой соратник по сыску
П.У.*

Можно сразу сказать, что никакого убедительного опознания по фотографиям от свидетелей добиться не удалось.

Глава 6

Противоречивая Мэри

Я пытаюсь взять в общественной жизни то, что каждый мужчина получает от матери.

*Леди Астор*⁴⁴

В день открытия Йоркских выездных судебных сессий большая коллегия присяжных утвердила проект обвинительного акта в совершении убийства Джеральдом, герцогом Денверским. Герцог предстал перед судом, и судья открыл миру то, о чем газеты всей страны уже кричали две недели подряд: он судья общегражданских исков, присяжные из народа, а потому не могут судить английского пэра, — но тем не менее добавил, что считает своим долгом обо всем известить лорда-канцлера (который уже больше десяти дней вел согласования с Королевской галереей, подыскивая лордов для формирования специального комитета). Было отдано соответствующее распоряжение, и знатного заключенного увезли.

⁴⁴ Нэнси Астор (1879–1964) — первая женщина — депутат палаты общин британского парламента.

Прошло немного времени, и хмурым лондонским днем Чарлз Паркер позвонил в квартиру на втором этаже по улице Пикадилли. Дверь открыл Бантер и, с любезной улыбкой сообщив, что лорд Питер на несколько минут вышел, но вскоре будет, пригласил войти и дожждаться.

— Мы прибыли только нынешним утром, — добавил дворецкий, — и не все еще уладили. Поэтому просим нас извинить. Не угодно ли выпить чаю?

Паркер предложение принял и с удовольствием устроился в углу большого мягкого дивана. После неудобной французской мебели казалось облегчением ощутить упругость пружин под собой, подушку под головой, и вдохнуть аромат превосходных сигарет Уимзи. Что подразумевал Бантер, когда сказал, что не все еще уладили, он гадать не стал. Трепещущий огонь отражался в безупречном, без единого пятнышка, черном кабинетном рояле. Кожанные переплеты редких изданий Питера тускло светились на фоне темных с бледно-желтыми просветами стен. В вазах стояли темно-лимонные хризантемы. На столе, словно хозяин квартиры никуда не уезжал, лежали последние номера газет.

За чаем Паркер достал из нагрудного кармана фотографии леди Мэри и Дэниса Кэткарта, прислонил к чайнику и стал разглядывать, переводя с одной на другую взгляд, будто стараясь обнаружить смысл в слегка неестественном, смущенном виде людей. И снова, постукивая карандашом по каждому пункту, сверился со своими парижскими записями.

— Черт! — выругался он, глядя на изображение леди Мэри. — Черт! Черт! Черт...

Вереница мыслей оказалась чрезвычайно интересной. Образ за образом — и каждый богат на предположения — теснились в его голове. В Париже правильно мыслить невозможно, настолько там неудобно и к тому же в домах центральное отопление. Здесь же, где было распутано столько загадок, живой огонь. Кэткарт, наверное, тоже любил сидеть перед огнем. И конечно, думал, как решить свои проблемы. Вот так и кошки, глядя на огонь, размышляют о своей кошачьей жизни. Странно, что это не приходило Паркеру в голову раньше. Когда зеленоглазый кот сидел перед огнем, то погружался в насыщенную бархатную черноту, полную смыслов, которые были самыми главными. Мыслить так — счастье, потому что иначе можно превысить скоростной порог и черная трясина закрутится слишком быстро. Но теперь он действительно обрел формулу, которую нужно сохранить. Связь очевидна: близкая, ясная, понятная.

— Кот от стеклодува бомбоустойчив, — громко и отчетливо произнес Паркер.

— Рад слышать, — отозвался лорд Питер с дружелюбной улыбкой. — Вздремнул, старина?

— Я... что? — Паркер поднял голову. — Привет! Что значит «вздремнул»? Попытался ухватить очень важную цепь мыслей, но благодаря тебе упустил. Что же это было? Кот... кот... кот... — лихорадочно пытался вернуться на след детектив.

— Ты сказал, что кот от стеклодува бомбоустойчив, — подсказал лорд Питер. — Превосходное слово. Мозг рвет на части. Только я не понимаю, что ты этим хотел сказать.

— Бомбоустойчив? — Паркер слегка покраснел. — Возможно, ты прав: я немного вздремнул. Понимаешь, мне показалось, что я нашел ко всему ключ. Придал определяющее значение этой фразе. Даже теперь... нет, теперь, когда я об этом думаю, цепочка мыслей рассыпается. Жаль. Мне казалось, все абсолютно прозрачно.

— Не бери в голову, — успокоил его лорд Питер. — Только что вернулся?

— Пересек Ла-Манш прошлой ночью. Есть новости?

— Много.

— Хорошие?

— Нет.

Взгляд Паркера скользнул по фотографиям.

— Не верю, — отрешенно проговорил он. — Будь я проклят, если поверю из этого хоть единому слову.

— Единому слову из чего?

— Что бы это ни было.

— Придется поверить, Чарлз, — мягко проговорил приятель, набивая трубку короткими решительными нажимами пальцев. — Я не утверждаю, что Мэри застрелила Кэткарта, — нажим, нажим, — но она лжет, — нажим, — лжет снова и снова. — Нажим, нажим. — Она знает, кто это сделал. — Нажим. — Была к этому готова, — нажим, — а теперь притворяется и говорит неправду,

чтобы выгородить некоего человека. Надо заставить ее заговорить. — Лорд Питер чиркнул спичкой и серией коротких сердитых пыхов раскурил трубку.

— Если ты считаешь, — начал Паркер с жаром, — что эта женщина, — он указал на фотографию, — приложила руку к убийству Кэткарта, я не буду требовать улики. Пропади все пропадом, Уимзи, — она твоя сестра!

— А Джеральд — мой брат, — едва слышно заметил лорд Питер. — Ты же не станешь утверждать, что мне нравится наше занятие. Но мы лучше справимся с задачей, если будем сохранять хладнокровие.

— Прости, ради бога, — извинился Паркер. — Не понимаю, как у меня вырвалось. — Прости, старина. Самое лучшее, что мы можем сделать, — посмотреть в лицо фактам, какими бы неприятными они ни казались. Не стану отрицать: некоторые из них страшнее горгульи.

— Мать приехала в Риддлсдейл в пятницу, сразу поднялась наверх и занялась Мэри, пока я слонялся в холле, дразнил кота и досаждал сам себе, — начал рассказ Уимзи. — Появился старина доктор Торп. Я устроился на лестнице на сундуке. Прозвенел колокольчик. Явилась Эллен. Мать и доктор Торп перехватили ее у комнаты Мэри и долго о чем-то спорили. Затем мать бросилась по коридору так, что стучали каблуки и в ушах сердито отплясывали серьги. Я прокрался за ними к двери ванной, но ничего не разглядел, поскольку они закрылись. Зато услышал, как мать сказала: «Что я говорила?» — и Эллен ответила: «Боже, кто бы мог подумать, ваша светлость!» Мать снова: «Если бы я надеялась, что в случае чего вы спасете меня от отравления мышьяком или сурьмой — вы знаете, о чем я говорю: о снадобье, при помощи которого вполне симпатичный мужчина с нелепой бородкой избавился от жены и тещи (которая была намного привлекательней своей дочери)⁴⁵, — то лежала бы теперь вскрытая на столе доктора Спилсбери⁴⁶. Отвратительная, незавидная работа — изучать людей, как бедных подопытных кроликов».

Уимзи прервался перевести дыхание, и Паркер, несмотря на горькие чувства, невольно рассмеялся.

— За точность слов не ручаюсь, — продолжал лорд Питер, — но смысл такой. Ты же знаешь стиль моей матери. Доктор Торп пытался сохранить внешнее достоинство, но мать, раскудахтавшись словно наседка, сверкнула на него глазами. «В мои дни мы называли такие состояния истерикой и озорством. Не позволяли девушкам нас дурачить. А вы называете это неврозом, или мнимым желанием, или рефлексом, пестуете и доводите несчастное создание до реальной болезни. Вы смешны и способны позаботиться о себе не лучше, чем малые дети. Хотя в трущобах обитает множество подростков, заботящихся о целых семьях. В одном таком парне больше здравого смысла, чем в вас вместе взятых. Я очень сердита на Мэри за ее поведение, и нечего ее жалеть».

Уимзи помолчал и добавил:

— Мне кажется, зачастую в материнских словах много дельного.

Паркер кивнул.

— Потом я спросил у матери, что происходит. Она ответила, что Мэри не сказала ей ничего ни о себе, ни о своем недуге, только потребовала оставить в покое. Торп, рассуждая о нервном срыве, заявил, что не в состоянии объяснить природу болезненных припадков Мэри и почему у нее скачет температура. Мать выслушала и попросила измерить температуру Мэри сейчас. Он послушался, но посреди процесса мать отозвала его к туалетному столику, однако, будучи воробьем стреляным, не сводила глаз с зеркала и, вовремя обернувшись, застучала Мэри, которая прижимала градусник к горячей грелке. Это и служило причиной таких огромных скачков.

— Надо же так всех надуть! — воскликнул Паркер.

— Вот и Торп клюнул. Мать высказалась по этому поводу так: если эта старая ворона дожила до седых волос, но не может распознать такой древний трюк, то и нечего строить из себя почтенного семейного врача. А затем спросила горничную о приступах: когда они случаются, как

⁴⁵ Герцогиня, вероятно, имела в виду дело Эдварда Уильяма Причарда, осужденного за убийство своей жены и тещи. — *Примеч. автора*

⁴⁶ Бернард Спилсбери (1877–1947) — известный ученый-патологоанатом; внес заметный вклад в развитие судебно-медицинской экспертизы.

часто, до еды или после и прочее. Оказалось — как правило, после завтрака, а иногда в другое время. Мать призналась, что поначалу не могла догадаться, что к чему, — обшарила всю комнату в поисках бутылки или чего-нибудь подобного, — и наконец, поинтересовалась, кто убирает постель: решила, Мэри может что-нибудь прятать под матрасом. Эллен ответила, что обычно убирает она, пока Мэри принимает ванну. «В какое время?» — спросила мать. «Прямо перед своим завтраком», — проблеяла девица. «Господь тебе судья, простофиля! — бросила мать. — Что же ты раньше не сказала?»

Они отправились в ванную и там, на полке, среди пузырьков с солями, жидкими мазями, слабительным, зубными щетками, обнаружили семейную бутылку с ипекакуаной — на три четверти пустую! Это такая настойка из рвотного корня. Мать сказала... впрочем, я уже говорил, что она сказала. Кстати, как пишется «ипекакуана»?

Паркер показал.

— Черт! А я решил, что подловил тебя, что, прежде чем ответить, тебе придется куда-нибудь сходить, полазить по справочникам. Ни один нормальный человек не держит в голове, как пишется «ипекакуана». Ты правильно говоришь: можно сразу понять, по какой линии в семье передается детективный инстинкт.

— Я ничего подобного не говорил...

— Знаю. А почему? Разве таланты моей матери не заслуживают хотя бы частичного признания? Кстати, я ей это сказал, и она ответила вот такими памятливыми словами: «Мой дорогой сын, можешь называть это как угодно длинно, но я старомодная женщина и зову это материнской мудростью — качеством, настолько у мужчин редким, что, если им кто-нибудь обладает, о нем следует написать книгу и назвать Шерлоком Холмсом». Кроме того, я ей сказал (разумеется, наедине): все это хорошо, но я не могу поверить, чтобы Мэри взяла на себя труд такое проделать только для того, чтобы своей болезнью произвести на нас впечатление. Не такой она человек. Мать посмотрела на меня пристально, как сова, и привела несколько примеров истерии в мире, последним из которых стал случай с горничной, которая разбрасывала по комнатам парафин, чтобы люди подумали, что в доме завелись привидения. И заключила: если новомодные доктора съехали с катушек, чтобы напридумывать подсознание, kleптоманию, комплексы и хитроумные состояния, чтобы объяснить, почему люди совершают неприглядные поступки, найдутся такие, кто начнет извлекать из этого выгоду.

— Уимзи! — взволновался Паркер. — Она имела в виду, что подозревает что-то?

— Старина, — ответил лорд Питер, — если о Мэри можно что-то узнать, сложив два и два, матери это известно. Я рассказал, что нам удалось выяснить, она выслушала на свой известный тебе смешливый манер, наклонив голову — и, как обычно, не отвечая прямо, заявила: «Вот если бы Мэри меня послушала и не занималась медицинской чепухой в Добровольной организации — только учти, я ничего не имею против Добровольной организации в целом, но ее тогдашняя глупая начальница была величайшим на земле снобом, — то могла бы совершить много полезного при разумном поведении, на которое вполне способна. Но она рвалась в Лондон — величайшая на свете глупость. Я не перестану утверждать, что все это вина того смехотворного клуба. А чего еще ждать от места, где едят всякую дрянь, собираются в выкрашенном в красный цвет подвале, орут во все горло, не носят вечернего платья, а только советские джемперы, и отращивают бакенбарды. Как бы то ни было, я сказала старому дуралею доктору, что нужно говорить по этому поводу; лучшего объяснения им самим никогда не придумать». На самом деле, знаешь, — добавил лорд Питер, — мне кажется, если кто начнет любопытничать, мать обрушится на них, как тонна кирпича.

— Сам-то ты что думаешь? — спросил Паркер.

— Я еще не дошел до самого неприятного, — ответил лорд Питер. — Узнал это совсем недавно, и, должен признать, новость меня сильно расстроила. Вчера я получил письмо от Лаббока. В нем говорится, что он желает со мной повидаться. Направляясь утром сюда, я завернул к нему. Если помнишь, я послал ему пятно, которое Бантер вырезал для меня с юбки Мэри. Я тогда сам бросил на него взгляд. Пятно мне не понравилось, поэтому я отправил его Лаббоку, ex

*abundantia cauteloe*⁴⁷. Должен с прискорбием сообщить: Лаббок подтвердил мои опасения. Это человеческая кровь, и, боюсь, Чарлз, кровь Кэткарта.

— Но... Похоже, я слегка потерял нить.

— Кровь попала на юбку в тот день, когда погиб Кэткарт. Тогда компания в последний раз выходила на болото. Если бы это случилось раньше, Эллен ее бы отчистила. Впоследствии Мэри отчаянно сопротивлялась попыткам служанки унести юбку и неумело пыталась отмыть пятно с мылом. Думаю, можно сделать вывод, что Мэри знала о пятне на юбке и не хотела, чтобы его обнаружили. Она сказала Эллен, что на юбке кровь куропатки, что было явной неправдой.

— Возможно, — безнадежно попытался выгородить Мэри Паркер, — она всего лишь сказала: «Наверное, капнуло с птицы» — или что-нибудь в этом духе.

— Маловероятно, — возразил лорд Питер, — чтобы кто-то, заполучив на одежду такую порцию человеческой крови, не понял, что это такое. Мэри, очевидно, угодила в лужу коленом. Пятно в поперечнике дюйма три-четыре.

Паркер угрюмо покачал головой.

— Дела обстояли так, — продолжал Питер. — В среду вечером все собрались, поужинали и отправились спать. Кроме Кэткарта, который выскочил из дома и не вернулся. Без десяти двенадцать егерь Хардро услышал выстрел, который, вероятно, прозвучал на той полянке, где — скажем так — произошел инцидент. Время совпадает с медицинским показанием — утверждением, что в четыре тридцать, когда производился осмотр трупа, Кэткарт был уже мертв часа три-четыре. Идем дальше. В три утра откуда-то появился Джерри и обнаружил тело. Именно тогда, когда он склонялся над трупом, из дома вышла Мэри: в пальто, кепи и прогулочных сапогах.

Какова ее версия? Она утверждает, что в три утра ее разбудил выстрел. Но тот выстрел, кроме нее, не слышал никто. И у нас имеются показания миссис Петтигрю-Робинсон, которая находилась в соседней комнате и лежала по своей известной привычке с широко открытым окном, с двух до трех с небольшим, когда поднялась тревога, не спала, но выстрела не слышала. По словам Мэри, звук был достаточно громким, чтобы разбудить ее на другой стороне дома. Странно, не правда ли: бодрствующий человек категорически утверждает, что не слышал звука, достаточно громкого, чтобы разбудить крепко спящую соседку? В любом случае, если это был тот самый выстрел, Кэткарт не мог быть мертв, когда его нашел мой брат. И еще: разве могло хватить времени, чтобы перетащить его из кустов к оранжерее?

— В этом мы сходимся, — проговорил Паркер с выражением неприязни на лице. — Истории о том выстреле нельзя придавать значения.

— Боюсь, наоборот, нужно, — мрачно возразил лорд Питер. — Что делает Мэри? Либо она думает, что выстрел...

— Выстрела не было.

— Знаю. Просто анализирую несоответствия в рассказе Мэри. Она утверждает, что не подняла тревогу, потому что решила, что стреляли, наверное, браконьеры. Но если бы это были браконьеры, безумие спускаться и выяснять, так это или не так. Она также объясняет: мол, подумала, что это могут быть грабители, — но как она оделась, чтобы в этом убедиться? Как бы поступили ты или я? Скорее всего надели бы халат, бесшумные тапочки, взяли бы кочергу или крепкую палку. И уж не стали бы выходить в пальто, кепи и сапогах.

— Ночь стояла сырая, — пробормотал Паркер.

— Дорогой мой, если речь идет о грабителях, выходить из дома и искать их в саду не нужно. Если вы решили, что воры проникли в дом, вы захотите неслышно за ними проследить с лестницы или из-за двери столовой. Можешь представить, чтобы современная девушка, которая в любую погоду ходит с непокрытой головой, обрядилась в кепи для охоты на вора? Ни в жизнь! Она же направилась напрямиком в оранжерею, где и наткнулась на труп, словно заранее знала, где искать.

Паркер снова покачал головой.

— Идем дальше. Она видит склонившегося над телом Кэткарта Джерри. Что она говорит? Спрашивает, что случилось? Кто лежит на земле? Нет, восклицает: «О боже! Джеральд, ты его

⁴⁷ из-за избытка осторожности (*лат.*)

убил!» И только потом: «Это Дэнис! Что произошло? Несчастный случай?» Тебе представляется это естественным?

— Нет. Такое ощущение, что она ожидала увидеть не Кэткарта, а кого-нибудь другого.

— Вот как? У меня другое впечатление: она притворилась, что не знает, чье тело. Сначала сказала: «Ты его убил». А затем, сообразив, что не должна знать, кого «его», добавила: «Это Дэнис!»

— В любом случае, если ее первые слова искренни, она не предполагала, что человек мертв.

— Не предполагала. Нужно запомнить, что смерть стала для нее неожиданностью. Прекрасно. Затем Джеральд посылает Мэри за помощью. И тут возникает небольшое обстоятельство, которое подмечаешь ты. Помнишь, что тебе сказала в поезде миссис Петтигрю-Робинсон?

— Ты о хлопнувшей двери на лестничной площадке?

— Да. А теперь я тебе расскажу о случае, который со мной приключился. Утром я в своей вечной торопливой манере летел в ванную, стукнулся о чертов старый сундук, и от удара крышка приподнялась, но тут же захлопнулась — *шлеп!* Это навело меня на определенную мысль, и я заглянул внутрь. На дне лежали свернутые простыни и что-то еще. И тут я услышал, как кто-то охнул. На меня, белая словно привидение, смотрела Мэри. Она меня напугала, но это не шло ни в какое сравнение с тем, как напугал ее я! Она ничего не сказала, закатила истерику, и я отвел ее в спальню, но успел кое-что заметить на простынях.

— Что?

— Белый песок.

— Песок?..

— Помнишь кактусы в оранжерее и то место, где кто-то ставил чемодан или что-то в этом роде?

— Помню.

— Там много такого песка. Таким обычно присыпают некоторые виды луковиц и прочие растения.

— И такой же оказался в сундуке?

— Да. Погоди секунду. После шума, который слышала миссис Петтигрю-Робинсон, Мэри разбудила Фредди, потом Петтигрю-Робинсонов, а после что сделала?

— Заперлась в своей комнате.

— Точно. А вскоре спустилась и присоединилась в оранжерее к остальным. Все запомнили, что в этот момент на ней было кепи, надетое на пижаму пальто и сапоги на босу ногу.

— Ты хочешь сказать, — медленно проговорил Паркер, — что леди Мэри уже проснулась и оделась к трем часам и что вышла к оранжерейной двери с чемоданом, рассчитывая встретиться там с убийцей своего... Черт побери, Уимзи!

— Не следует заходить настолько далеко, — ответил Питер. — Мы договорились, что она *не ожидала* обнаружить Кэткарта мертвым.

— Вот именно. Но вышла, предполагая с кем-то встретиться.

— Скажем, *pro tem*⁴⁸, с обладателем ноги десятого размера, — мягко подсказал Уимзи.

— Можно сказать и так, — согласился Паркер. — Включив фонарь и увидев склонившегося над Кэткартом герцога, она... Господи, Уимзи, я был прав! Когда воскликнула: «Ты его убил!» — Мэри решила, что перед ней тело Десятого Размера.

— Точно! — воскликнул Питер. — Какой же я глупец! Так. Затем она сказала: «Это Дэнис! Что произошло?» Это ясно. А как она тем временем поступила с чемоданом?

— Теперь мне все понятно! — вскричал Паркер. — Разглядев, что труп не Десятого Размера, Мэри решила, что Десятый Размер, должно быть, и есть убийца. Теперь ее игра заключалась в том, чтобы никто не узнал, что он там был. Она пихает чемодан за кактусы, а затем, когда идет вверх, опять вытаскивает и прячет в сундуке на лестничной площадке. В свою комнату она отнести его не могла, конечно: если бы кто-то услышал, как она поднимается, показалось бы странным, что сначала она кинулась к себе в спальню и только потом позвала остальных.

⁴⁸ на некоторое время (*лат.*).

Затем она стучит к Арбатноту и Петтигрю-Робинсонам, но остается в темноте, а те взволнованы и не особо разглядывают, что на ней надето. Сбежав от миссис П., она бросается в свою комнату, там снимает юбку, в которой опускалась на колени подле трупа Кэткарта, и остальную одежду, поспешно влезает в пижаму. Потом снова надевает кепи, которое могли запомнить, пальто, которое *навверняка* кто-то запомнил, и сапоги, которые уже, вероятно, оставили следы. Теперь можно и показаться внизу. А для коронера она сочинила историю с воров.

— Похоже на то, — кивнул Питер. — Она так отчаянно старалась сбить нас со следа Десятого Размера, что не сообразила, что подставляет брата.

— Дошло до нее во время дознания, — подхватил Паркер. — Помнишь, с какой готовностью она ухватилась за версию о самоубийстве?

— А когда поняла, что, выгораживая Десятого Размера, может отправить на виселицу брата, потеряла голову, легла в постель и вообще отказалась давать показания. Сдается мне, в моем семействе прибавление глупцов.

— Что могла поделаться бедная девочка? — спросил Паркер, почти развеселившись. — Теперь она оправдана...

— До некоторой степени. Но до выхода из чащи на свет еще долгий путь. Почему она на короткой ноге с Десятым Размером, который как минимум шантажист, если не убийца? Как на месте преступления оказался револьвер Джеральда? И зеленоглазый кот? Что Мэри известно о встрече Десятого Размера с Дэнисом Кэткартом? И если она знакома и встречалась с тем человеком, то могла в любой момент передать ему револьвер.

— Нет-нет! — возразил Паркер. — Уимзи, выкинь из головы эти ужасные мысли.

— Черт! — взорвался Питер. — Я докопаюсь до правды в этом гадком деле, даже если нам всем придется отправиться на виселицу!

В этот момент вошел Бантер и подал лорду Питеру телеграмму. Тот прочитал:

*Фигурант засветился Лондоне. Замечен вокзале Марилебон пятницу.
Подробности Скотленд-Ярде. Полицейский суперинтендант Гослинг,
Рипли*

— Хорошие новости! — сообщил Уимзи. — Мы подбираемся ближе. Побудь здесь, дружище, на случай, если что-то еще появится. Я заскочу в Ярд. Ужин тебе подадут. Скажи Бантеру, чтобы принес бутылку «Шато Икем» — вполне приличное вино. Бывай.

Он выскользнул из квартиры, и минутой позже его увозило с Пикадилли такси.

Глава 7

Клуб и пуля

Он умер, и умер от моей руки.
Это лучше, чем если бы умер я,
пусть даже при этом я негодай.

Приключения Секстона Блейка

Час за часом Паркер ждал друга. Снова и снова мысленно возвращался к риддлсдейлскому делу, сверялся с записями, что-то добавлял, заставлял усталый мозг придумывать самые фантастические версии, расхаживал по комнате, снимал с полки то одну, то другую книгу, брал на пианино несколько неумелых аккордов, листал журналы, нервничал. Наконец, выбрал том из криминологической секции шкафа и принудил себя углубиться в чтение материала о наиболее

драматичном процессе об отравлениях — деле Седдона⁴⁹. Постепенно головоломка, как обычно, захватила его. Когда настойчиво прозвучал дверной звонок, он с удивлением поднял голову и обнаружил, что уже далеко за полночь.

Паркер сначала решил, что Уимзи забыл ключ, и приготовился к шутивому приветствию, но когда дверь открылась — точно как в начале рассказа о Шерлоке Холмсе, — за ней стояла красивая молодая женщина, в чрезвычайно нервном состоянии, с копной золотистых волос, с лиловато-голубыми глазами и в растрепанной одежде. Она скинула тяжелое дорожное пальто, и под ним обнаружилось вечернее платье со светло-зелеными чулками и обильно покрытые грязью грубые башмаки.

— Его светлость еще не вернулся, миледи, — сообщил Бантер, — но здесь мистер Паркер, и мы ждем его с минуты на минуту. Вашей светлости что-нибудь подать?

— Нет-нет, — отказалось видение. — Ничего не надо. Добрый вечер, мистер Паркер. Где Питер?

— Его вызвали, леди Мэри, — ответил тот. — Не представляю, почему он до сих пор не вернулся. Присядьте.

— Куда он отправился?

— В Скотленд-Ярд. Но это было в шесть часов. Не понимаю...

Леди Мэри в отчаянии махнула рукой:

— Ясно. О, мистер Паркер, что мне делать?

Паркер молчал.

— Мне *необходимо* видеть Питера. Это вопрос жизни и смерти. Можете за ним послать?

— Но мне неизвестно, где он сейчас. Пожалуйста, леди Мэри...

— Он делает нечто ужасное, *неправильное!* — Молодая женщина с горячностью заломила руки. — Он все понял не так! Мне нужно с ним встретиться, все ему сказать. Никто не попадал в такое ужасное положение! О!

Она расхохоталась и тут же разразилась слезами.

— Леди Мэри, пожалуйста, не надо! — У Паркера возникло острое ощущение, что он выглядит глупо и смешно. — Пожалуйста, сядьте, выпейте бокал вина. От слез вам станет плохо. Начнется икота. — Паркер сомневался, что говорит то, что следует. — Бантер!

Тот был недалеко. Собственно, он стоял сразу за дверью с маленьким подносом. С уважительным: «С вашего позволения, сэр», — он шагнул к дрожащей леди Мэри и поднес к ее носу небольшой пузырек. Эффект оказался поразительным. Пациентка два-три раза энергично чихнула, села, распрямилась и набросилась на Бантера:

— Как вы смеете? Убирайтесь прочь!

— Вашей светлости лучше выпить каплю бренди, — посоветовал тот, снова затыкая вонючий пузырек, но Паркер уже успел почувствовать острый запах аммиака. — Вот «Наполеон» 1800 года. Собогадите не фыркать, миледи. Его светлость ужасно расстроится, если узнает, что хотя бы капля драгоценного напитка пропала зря. Ваша светлость ужинали по дороге? Нет? Крайне неблагоприятно предпринимать долгое путешествие на голодный желудок. Осмелюсь предложить вам омлет. Может быть, и вы, сэр, желаете перекусить — ведь уже поздно.

— На ваше усмотрение, — торопливо махнул рукой Паркер. — Леди Мэри, вам ведь лучше? Позвольте помочь вам с пальто.

Ничего волнующего больше не было сказано, пока не появился омлет и женщина удобно не устроилась на мягком диване. Она пришла в себя, и Паркер, глядя на нее, замечал, какие следы оставила на ней недавняя болезнь. Исчез блестящий цвет лица, она держалась напряженно, побледнела, под глазами появились фиолетовые круги.

— Прошу прощения, что повела себя так глупо, мистер Паркер. — Мэри глядела ему в глаза с трогательным доверием и откровенностью. — Но я ужасно расстроена и очень спешила из Риддлсдейла.

⁴⁹ Фредерик Генри Седдон — британский бизнесмен, масон, известен как убийца квартирантки Элизы Мэри Барроу, которую отравил мышьяком.

— Не стоит извинений, — бессмысленно ответил тот. — Могу я что-нибудь для вас сделать, пока нет вашего брата?

— Полагаю, вы с Питером делаете все сообща?

— Ни один из нас не знает касательно этого расследования ничего такого, что бы не сообщил другому.

— Поговорить с вами — это все равно что с ним?

— Абсолютно одно и то же. Если вы почтите меня своим доверием...

— Минуту, мистер Паркер. Я в трудном положении. Не вполне понимаю, что я должна... Можете мне сказать, насколько вы продвинулись? Что обнаружили?

Ее вопрос застал Паркера врасплох. Хотя лицо леди Мэри преследовало его воображение с начала расследования, а кипение чувств во время этого романтического интервью достигло высшей точки, профессиональный инстинкт осторожности его еще не вполне покинул. Придерживая по долгу службы при себе доказательства соучастия леди Мэри в преступлении — какова бы ни была ее роль, — он был недалек от того, чтобы выложить карты на стол.

— Боюсь, — начал он, — не вполне могу вам это сказать. Видите ли, многое из того, чем мы располагаем, пока всего лишь подозрения. Я могу случайно нанести существенный вред невинному человеку.

— Таким образом, вы определенно кого-то подозреваете?

— *Неопределенно* — более точное слово, — улыбнулся Паркер. — Но если вы располагаете чем-то, что может пролить свет на это дело, прошу вас, говорите. Возможно, мы подозреваем совершенно не того человека.

— Я бы не удивилась. — Леди Мэри коротко, нервно рассмеялась. Ее руки шарили по столу, она нащупала оранжевый конверт и принялась его складывать. — Что вы хотите знать? — внезапно спросила она другим тоном.

Паркер почувствовал нечто новое в ее окрепшем голосе: напряжение и жесткость, — открыл записную книжку и, начав задавать вопросы, ощутил, как его покидает нервозность. Привычное дело вернуло уверенность.

— Вы были в Париже в прошлом феврале?

Леди Мэри кивнула.

— Вы припоминаете, как заходили с капитаном Кэткартом... да, кстати, полагаю, вы говорите по-французски?

— Свободно.

— Так же, как ваш брат, практически без акцента?

— Точно так же. В детстве у нас постоянно были гувернантки-француженки. Мать за этим очень следила.

— Ясно. Вы помните, что шестого февраля зашли с капитаном Кэткартом в ювелирный магазин на улице Де-ла-Пэ и там купили — или он купил для вас — гребень из черепахового панциря с бриллиантами и платинового кота с бриллиантом и изумрудными глазами?

В глазах молодой женщины мелькнуло смутное понимание.

— Так это о том коте вы наводили справки в Риддлсдейле? — спросила она.

Отрицать очевидное бесполезно, и Паркер кивнул:

— Да.

— Его нашли в кустах. Так?

— Кота потеряли вы или Кэткарт?

— Если я скажу, что кот его...

— Готов поверить. Так он его?

Тяжелый вздох.

— Нет, мой.

— Когда вы его потеряли?

— В ту ночь.

— Где?

— Полагаю, в кустах. Там, где вы его нашли. Хватилась только позже.

— Это тот самый кот, которого вы купили в Париже?

— Да.

— А почему раньше заявили, что кот не ваш?

— Испугалась.

— А теперь?

— Намерена говорить правду.

Паркер снова внимательно на нее посмотрел. Леди Мэри не отвела открытого взгляда, но в позе чувствовалась напряженность, и это говорило, чего ей стоило принять такое решение.

— Прекрасно, — кивнул Паркер. — Мы будем рады, поскольку есть подозрения, что по одному или двум пунктам расследования вы правды не сказали. Так?

— Да.

— Поверьте, мне неприятно задавать вам эти вопросы. Ужасное положение, в которое попал ваш брат...

— В которое поставила его я.

— Я этого не говорил.

— Я говорю. Он попал в тюрьму из-за меня. Не отрицайте, потому что это так.

— Не терзайтесь. Еще достаточно времени, чтобы все исправить. Можно продолжать?

— Да.

— Спасибо. Это правда, леди Мэри, что вы слышали выстрел в три часа?

— Нет.

— А вообще слышали выстрел?

— Слышала.

— В какое время?

— Без десяти двенадцать.

— Что вы прятали за растениями в оранжерее?

— Я там ничего не прятала.

— А в дубовом сундуке на лестнице?

— Свою юбку.

— Вы вышли из дома — зачем? Чтобы встретиться с Кэткартом?

— Да.

— Кто был другой мужчина?

— Какой другой мужчина?

— Другой мужчина, который был в кустах. Высокий, в пальто от «Барберри».

— Никакого другого мужчины не было.

— Прошу прощения, леди Мэри, мы видели его следы по пути от кустов к оранжерее.

— Должно быть, их оставил какой-то бродяга. Я о таком ничего не знаю.

— Но у нас есть доказательства того, что он там был, что он там делал и каким образом скрылся. Ради бога, леди Мэри, ради вашего брата, скажите правду, потому что человек в «барберри» и есть тот, кто застрелил Кэткарта.

— Нет! — Женщина смертельно побледнела. — Это невозможно.

— Почему невозможно?

— Потому что Дэниса Кэткарта застрелила я.

— Вот так обстоят дела, лорд Питер, — сказал начальник Скотленд-Ярда, поднимаясь из-за стола и дружески протягивая руку. — Этого человека точно видели на вокзале Марилебон в пятницу утром. И хотя мы его, к сожалению, потеряли, я несколько не сомневаюсь, что вскоре поймаем. Задержку вызвала болезнь носильщика Моррисона, чьи показания были очень важны. Но теперь мы времени не теряем.

— Не сомневаюсь, что могу полностью на вас положиться, сэр Эндрю. — Уимзи пожал руку полицейскому. — Не отрицаю, я тоже копаю со своей стороны. И каждый из нас что-то нарыл: вы в своем уголке, я в своем, как говорится в гимне. Это же гимн? Помню, читал это в книге о миссионерах, когда был маленьким. Вы хотели в детстве заниматься миссионерством? Я хотел. Многие в свое время хотели, что очень странно, учитывая, как неблагоприятно все обернулось для большинства из нас.

— Если сами нападете на след этого человека, дайте нам знать, — попросил Эндрю Макензи. — Я никогда не отрицал вашего везения или, если угодно, здравого суждения в розыскной работе — чего нам, возможно, не хватает.

— Если поймаю этого типа, приду под ваши окна даже среди ночи и стану кричать до тех пор, пока вы не выйдете ко мне в ночной рубашке и не впустите внутрь. Кстати, о ночной рубашке, это мне напомнило, что мы ждем вас в Денвере после того, как закончится дело. Мать, разумеется, шлет вам наилучшие пожелания.

— Большое спасибо, — ответил сэр Эндрю. — Надеюсь, вы считаете, что все идет нормально. Утром у меня был с докладом Паркер, и мне показалось, что он немного расстроен.

— Он выполняет много рутинной неприятной работы, — объяснил Питер, — но, как всегда, держится стойко. Большая честь с ним сотрудничать. До скорого, шеф.

На выходе Питер осознал, что его разговор с сэром Эндрю Макензи занял пару часов и время приближается к восьми. Он попытался сообразить, где поужинать, когда к нему приблизилась энергичная молодая женщина с короткой стрижкой, в короткой клетчатой юбке, блестящем джемпере, вельветовом жакете и щегольском зеленом берете.

— Да это же лорд Питер Уимзи! — Женщина протянула руку без перчатки. — Как поживаете? Как поживает Мэри?

— Боже милостивый! — галантно отозвался Уимзи. — Мисс Тарант! Как приятно снова вас видеть! Восхитительно! Спасибо. Мэри держится не так хорошо, как хотелось бы. Тревожится по поводу этого дела с убийством. Полагаю, вы слышали, что мы оказались в положении, которое тактично называют неприятным.

— Конечно, — с готовностью кивнула мисс Тарант. — Но, как добрая социалистка, не могу не порадоваться, поскольку в этом положении пэр выглядит очень глупым, а с ним и палата лордов. Но, по правде сказать, предпочла бы, чтобы этим пэром был брат кого-нибудь еще. Мы с Мэри были хорошими подругами. А вы, конечно, занимаетесь расследованием, а не просто прозябаете в поместье и стреляете птичек? Полагаю, это вскоре изменит ситуацию.

— Очень любезно с вашей стороны, — отозвался Уимзи. — Вот если бы вы могли принудить себя простить мне несчастье моего происхождения и другие грехи, то, возможно, оказали бы мне честь где-нибудь со мной поужинать. Получится?

— О, с удовольствием! — энергично воскликнула мисс Тарант. — Но сегодня вечером я обещала прийти в клуб. Там в девять собрание. Мистер Коук, лейбористский лидер, выступит с речью о переходе армии и флота в коммунизм. Мы ожидаем арестов, но собираемся устроить большой отлов стукачей, прежде чем начнем. Поужинайте со мной там. А если захотите, я попробую провести вас на собрание. Там вас схватят и выведут на чистую воду. Предполагается, что вы враг и я не должна вам много открывать. Но мне кажется, вы враг неопасный.

— Обыкновенный капиталист, — ответил Уимзи. — В высшей степени отвратительный.

— Давайте хотя бы поужинаем. Мне не терпится послушать новости.

Питер понимал, что ужин в Советском клубе будет более чем неприятным, и уже приготовился извиняться. Но тут ему пришло в голову, что мисс Тарант может рассказать о его сестре много такого, чего он не знает. И вместо вежливого отказа вежливо согласился, последовав за девушкой, которая беспечной походкой по грязным закоулкам привела его на Джеранд-стрит, где за оранжевой дверью и окнами с пурпурными шторами располагался Советский клуб.

Данный клуб был приспособлен скорее для вольнодумства, чем для светской жизни, и имел ту странную неформальную атмосферу, которая характерна для всех организаций, созданных людьми не от мира сего. Лорд Питер не мог точно сказать, почему ему мгновенно пришли на ум армейские застолья: возможно, из-за того, что все участники выглядели объединенными общей жизненной целью, а персонал казался весьма наскоро обученным. Уимзи напомнил себе, что в подобных демократических заведениях от официантов вряд ли стоит ожидать той предупредительности, которая отличает службу Вест-Энд-клуба. Они же, в конце концов, не капиталисты. Сходство с армейскими застольями в столовом зале усиливали пыльные разговоры и забавная разнородность приборов. Мисс Тарант заняла места у хлипкого стола рядом с сервировочным окном. Питер не без труда втиснулся на стул рядом с крупным кудрявым мужчиной в бархатном пиджаке, который беседовал с худощавой бойкой женщиной в русской

кофточке, венецианских бусах, венгерской шали и с испанским гребнем, выглядевшей воплощением Объединенного фронта Интернационала.

Лорд Питер хотел доставить удовольствие своей спутнице вопросом о великом мистере Коуке, но был прерван решительным «тсс».

Мисс Тарант перегнулась через стол так, что ее золотистые локоны коснулись бровей собеседника.

— Не кричите! Это тайна.

— Тысяча извинений. — Питер понизил голос. — Кстати, вы в курсе, что ваши симпатичные бусинки плавают в супе?

— Неужели? — девушка поспешно отпрянула. — Спасибо. Краска может сойти. Надеюсь, не содержит мышьяка или чего-то эдакого. — Она снова подалась вперед и хрипло прошептала: — Женщина рядом со мной — Эрика Хит-Варбуртон, писательница.

Уимзи посмотрел на даму в русской блузке с новым чувством почтения. Немногие произведения обладали способностью вызвать краску на его щеках, но он помнил, что одной из книг мисс Эрики это удалось. Авторица энергично вещала своему спутнику:

— ...видели хоть раз искреннюю эмоцию в придаточном предложении?

— Джойс избавил нас от предрассудков синтаксиса, — согласился тот.

— Сцены, создающие эмоциональную историю, должны выражаться сериями животных визгов, — продолжала писательница.

— Формула Д. Г. Лоуренса⁵⁰, — изрек ее курчавый компаньон.

— Или даже дада⁵¹, — заключила мисс Эрика.

— Требуется новый условный алфавит. — Курчавый мужчина поставил оба локтя на стол и при этом столкнул на пол хлеб Уимзи. — Слышали, как Роберт Сноутс читает свои стихи под тамтам и свистульку?

Уимзи с трудом отвлекся от этого увлекательного обсуждения и обнаружил, что мисс Тарант что-то говорит о Мэри.

— Вашей сестры очень не хватает. Ее удивительного энтузиазма. Она так хорошо выступала на митингах. С такой неподдельной симпатией к рабочим.

— Это для меня что-то новенькое! — изумился лорд Питер. — Насколько мне известно, Мэри за всю свою жизнь пальцем о палец не ударила.

— Ничего подобного! — воскликнула девушка. — Она работала! Работала у нас. И замечательно! Почти полгода была секретарем нашего Общества пропаганды. А потом так же старательно помогала мистеру Гойлсу. Не говоря уж о том, что во время войны она была медсестрой. Я, конечно, не одобряю отношение Англии к войне, но такой труд никто легким не назовет.

— Кто такой мистер Гойлс?

— Один из наших ведущих ораторов. Очень молодой, однако правительство его по-настоящему боится. Думаю, он сегодня сюда придет. Выступал на Севере, но я слышала, что он вернулся.

— Осторожно, ваши бусы опять в тарелке, — предупредил Уимзи.

— Да? Значит, будут с ароматом барашка. Боюсь, кухня здесь не высшего качества, зато и взносы невелики. Удивительно, что Мэри не рассказывала вам о Гойлсе. Некоторое время назад они были очень дружны. Все думали, что Мэри собирается выйти за Гойлса замуж, но затем у них что-то разладилось и ваша сестра уехала из города. Вы об этом знаете?

— Что у нее был парень? Да, но моя семья не вполне это одобряла. Думаю, их не слишком устраивал этот Гойлс в качестве зятя. Родословная и все такое. Меня рядом не было; впрочем, *ко мне* Мэри никогда и не прислушивалась. Вот и все, что я понял об этой истории.

⁵⁰ Дэвид Герберт Лоуренс (1885–1930) — английский писатель, автор пьес, литературно-критических эссе, рассказов, стихов, путевых заметок.

⁵¹ Дада (или дадаизм) — авангардистское литературно-художественное течение 1916–1922 гг.; сложилось в Швейцарии.

— Еще один пример абсурдной старорежимной тирании родителей. Кто бы мог подумать, что такое возможно в послевоенные времена.

— Я бы так не сказал, — возразил Уимзи. — Моя мать замечательная женщина. Думаю, она хотела пригласить мистера Гойлса в Денвер, но мой брат топнул ногой.

— А чего еще от таких ждать? — презрительно фыркнула мисс Тарант. — Не понимаю, его-то это как касалось?

— Никак, — согласился лорд Питер. — Но он придерживается устаревших принципов отца относительно женщин и распоряжается деньгами Мэри до тех пор, пока она не выйдет замуж с его согласия. Не скажу, что это хорошая модель: модель плохая, — но какая уж есть.

— Чудовищно! — возмутилась мисс Тарант и так яростно замотала головой, что растрепались ее волосы. — Это варварство! Типичный феодализм! Но, в конце концов, что такое деньги?

— Разумеется, ничто. Но если человека воспитали в привычке их иметь, несколько странно внезапно эту привычку бросить. Как с другой привычкой — принимать ванну.

— Я не понимаю: разве это что-то меняло для Мэри? — не унималась мисс Тарант. — Ей нравилось вести простую трудовую жизнь. Однажды мы впятером два месяца жили в рабочем коттедже на восемь шиллингов в неделю. Замечательный опыт — на самой границе Нью-Фореста.

— Зимой?

— Нет. Мы решили, что начинать лучше не зимой, — но пережили девять дождливых дней, и печная труба все время дымила. Дрова мы носили прямо из леса — сырыми.

— Ясно. Эксперимент был, должно быть, необычайно интересным.

— Никогда не забуду, — кивнула мисс Тарант. — Мы чувствовали себя приближенными к земле и всему исконному. Вот если бы удалось упразднить индустриализацию! Но, боюсь, это не получится без «кровавой революции». Она, конечно, очень страшит, однако целительна и неизбежна. Выпьем кофе? Только придется нести его наверх самим. После ужина официантки кофе не разносят.

Девушка расплатилась по счету и вернулась с чашкой кофе в руке. Напиток успел расплескаться на блюдце, а пока она огибала ширму и поднималась по крутой винтовой лестнице, вылился еще больше.

На выходе из подвала они чуть не столкнулись со светловолосым молодым человеком, который искал письма в коротком ряду темных ячеек. Ничего не найдя, он сделал шаг в общую гостиную, а мисс Тарант не удержалась от радостного восклицания:

— Это же мистер Гойлс!

При виде высокой, слегка ссутуленной фигуры с растрепанными волосами и с перчаткой на правой руке Уимзи невольно хмыкнул.

— Вы нас представите?

— Сейчас я его перехвачу.

Мисс Тарант направилась через гостиную к молодому агитатору. Тот посмотрел на Уимзи и, явно отказываясь, покачал головой. Затем взглянул на часы и метнулся к выходу. Уимзи бросился за ним.

— Невероятно! — крикнула вслед побледневшая мисс Тарант. — Он сказал, что у него назначена встреча. Но не может же он пропустить собрание!

— Прошу прощения!

Питер оказался на улице вовремя, чтобы заметить, как темная фигура переходит на другую сторону мостовой. Уимзи кинулся в погоню. Мужчина бросился наутек и, казалось, нырнул в темную аллею, ведущую к Чаринг-Кросс-роуд. Уимзи поспешил следом и внезапно почти ослеп от вспышки и дыма перед лицом. Левое плечо рвануло болью, раздался оглушительный грохот, и Питера закружило волчком. Он пошатнулся и рухнул на медный каркас старой кровати.

Глава 8

Мистер Паркер делает заметки

Человека привели в зоопарк и показали жирафа.

Посмотрев на него в молчании, он сказал: «Не верю».

Сначала Паркер решил, что сошел с ума сам, затем усомнился в здравом рассудке Мэри, а когда в мозгу рассеялись облака, подумал, что она просто не говорит правду.

— Послушайте, леди Мэри, — сказал он ободряюще, но с оттенком упрека, как ребенку с не в меру разыгравшимся воображением, — вы же понимаете, что мы не можем в это поверить.

— Должны, — мрачно проговорила она. — Таковы факты: я его застрелила. Не то чтобы я сильно хотела это сделать — произошло нечто вроде несчастного случая.

Паркер поднялся и принялся расхаживать по комнате.

— Вы ставите меня в ужасное положение, леди Мэри, — начал он. — Я офицер полиции и никак не мог вообразить...

— Это не имеет значения, — отрезала она. — Вы должны меня арестовать, задержать или как это называется. Я за этим пришла. Готова без сопротивления проследовать куда положено — я правильно выражаюсь? Но сначала предпочла бы объяснить. Надо было сделать это намного раньше, но, боюсь, я потеряла голову: не сообразила, что могут обвинить Джеральда, — надеялась, все спишут на самоубийство. Могу я сделать заявление сейчас? Или нужно проехать в полицейский участок?

Паркер застонал.

— Меня же не накажут слишком сурово, если это был несчастный случай? — Голос леди Мэри дрожал.

— Разумеется, нет! Разумеется, нет! Вот если бы вы признались раньше... — Паркер внезапно прервал ходьбу и сел рядом с ней. — Невероятно! Какой-то абсурд! — Он взял руку женщины в свою. — Ничто меня не убедит. Нелепость! Совершенно на вас непохоже.

— Но несчастный случай...

— Я не об этом. О том, что вы молчали.

— Испугалась. А сейчас вам признаюсь.

— Нет! — вскричал детектив. — Вы мне лжете! Из благородных побуждений, но это того не стоит. Ни один мужчина этого не достоин. Бог с ним. Умоляю, скажите правду, не выгораживайте этого человека. Если он убил Дэниса Кэткарта...

— Нет! — Мэри вскочила на ноги и протестующе выставила руку. — Никакого другого мужчины не было. Не смейте так говорить! И даже думать! Говорю вам: я убила Кэткарта, — вы должны этому верить! Другого мужчины не было.

Паркер заставил себя собраться.

— Пожалуйста, сядьте, леди Мэри. Вы намерены сделать такое заявление?

— Да.

— Понимая, что у меня не останется иного выхода, кроме как действовать в соответствии с ним? — Детектив достал блокнот. — Продолжайте.

Мэри говорила спокойно, без всяких эмоций, только теребила перчатки, но ее признание выглядело так, словно она заучила его наизусть.

— Тринадцатого октября, в среду, в половине десятого я поднялась наверх и села писать письмо. В четверть одиннадцатого услышала, что брат с Дэнисом ссорятся в коридоре. Брат назвал Дэниса жуликом и приказал, чтобы он больше никогда не смел со мной заговаривать. Дэнис выбежал из дома. Я некоторое время прислушивалась, но он не возвращался. В половине двенадцатого я встревожилась, переоделась и пошла искать Дэниса, чтобы привести обратно: опасалась, что он совершит что-нибудь безрассудное. Спустя некоторое время я обнаружила его в кустах, просила вернуться, но он отказался. Рассказал об обвинениях брата и их ссоре. Я, конечно, пришла в ужас. Дэнис сказал, что не было смысла что-либо отрицать, раз Джеральд вознамерился его уничтожить. Он просил меня с ним убежать, выйти за него замуж и жить за границей. Я

ответила, что удивлена, если он в сложившихся обстоятельствах предлагает подобные вещи. Мы оба сильно разозлились, и я сказала: «Пошли домой, а завтра можешь уезжать первым поездом». Дэнис словно взбесился, достал револьвер, пригрозил, что положит всему конец, раз его жизнь разрушена, назвал нас кучкой лицемеров, сказал, что я никогда его не ценила и не мне его судить. Если я с ним не поеду, значит, все кончено. Семь бед, один ответ — он застрелит меня и себя. Я схватила его руку с револьвером, мы некоторое время боролись, я направила дуло прямо ему в грудь и то ли нажала на спуск, то ли механизм сработал сам, не могу сказать — все происходило очень сумбурно.

Леди Мэри помолчала. Ручка Паркера записывала слова, а лицо выдавало все большую озабоченность.

— Он был еще жив. Я помогла ему подняться, и мы с трудом поплелись к дому. В одном месте он упал...

— Почему вы не оставили его и не бросились за помощью в дом? — спросил детектив.

Мэри колебалась.

— Не пришло в голову. Все происходило словно в кошмаре. Я хотела лишь поскорее от него избавиться. Думаю, хотела, чтобы он умер.

Повисла неприятная тишина.

— Он и умер. Умер возле двери. Я вошла в оранжерею и села. Сидела долго, пытаюсь собраться с мыслями. Ненавидела его за то, что он обманщик и негодяй. Меня обвел вокруг пальца обыкновенный шулер, и я радовалась тому, что он умер. Я провела там много времени, но в голове не просветлело. И лишь когда появился брат, я поняла, что натворила и что меня могут заподозрить в убийстве. Пришла в ужас и в мгновение ока решила, что притворюсь, будто ничего не знаю: мол, услышала выстрел и вышла на звук. Вы в курсе, что я так и поступила.

— Почему, леди Мэри, вы сказали брату: «Ты его убил!»? — спросил Паркер нарочито ровным тоном.

Снова пауза.

— Ничего подобного я не говорила. Я сказала: «Джеральд, он убит», — не подразумевая ничего, кроме самоубийства.

— Но вы признали те слова во время расследования?

— Да. — Мэри комкала перчатки. — К тому времени я приняла решение придерживаться версии чьего-то незаконного проникновения на территорию усадьбы.

Зазвонил телефон, и Патрик подошел к аппарату. В трубке звучал слабый голос:

— Это Пикадилли, сто десять «а»? Говорят из больницы на Чаринг-Кросс. Сюда сегодня вечером поступил человек, который утверждает, что он лорд Питер Уимзи. С ранением в плечо и травмой головы от падения. Только что пришел в сознание. Привезен в пятнадцать минут десятого. Его жизни, судя по всему, ничто не угрожает. Но обязательно приезжайте.

— В Питера стреляли, — сообщил Паркер. — Поедете со мной в больницу на Чаринг-Кросс? Врачи утверждают, что он вне опасности, но как знать...

— О, быстрее! — воскликнула Мэри.

Захватив с собой Бантера, детектив и обвинившая себя дама выскочили на Пикадилли и, поймав на углу Гайд-парка позднее такси, с бешеной скоростью понеслись по пустым улицам.

Глава 9

Гойлс

— ...а мораль отсюда такова... — сказала Герцогиня.
Л. Кэрролл. Приключения Алисы в Стране чудес

Компания из четырех человек собралась в квартире лорда Питера то ли к позднему завтраку, то ли к раннему ланчу. Самым неунывающим из всех, несмотря на дергающее плечо и головную боль, был, несомненно, сам Уимзи. Он возлежал на диване, обложенный подушками, и пировал чаем с тостом. Домой его привезла скорая помощь, и он немедленно погрузился в целительный сон, а в девять проснулся бодрым и с ясным разумом. В результате Паркер, в спешке оторванный от завтрака и отягощенный вчерашней информацией, был отправлен в Скотленд-Ярд, где ему предстояло привести в действие механизм по отлову негодяя, напавшего на лорда Питера. «Только не говори, что он в меня стрелял, — попросил его светлость. — Скажи, что его необходимо задержать в связи с риддлсдейлским делом. Этого довольно». В одиннадцать Паркер вернулся мрачный и голодный. Он съел холодный омлет, запив его бокалом кларета.

Леди Мэри Уимзи, ссутулившись, сидела у окна. Ее коротко подстриженные золотистые волосы в лучах бледного осеннего солнца создавали легкий ореол света вокруг головы. До этого она пыталась позавтракать и теперь смотрела на Пикадилли. С утра Мэри появилась в халате лорда Питера, но теперь была в саржевой юбке и желтовато-зеленом джемпере, который привезла ей четвертая участница встречи, сосредоточенно поедающая гриль-ассорти и на пару с Паркером поглощающая содержимое графина.

Это была оживленная пожилая дама, довольно плотная, невысокого роста, с блестящими, почти темными глазами и красиво уложенными седыми волосами. По этой женщине никто бы не сказал, что она только что из долгой поездки: самая собранная из четверых, она все же не скрывала раздражения и говорила долгими тирадами. Это была вдовствующая герцогиня Денверская.

— Как же поспешно ты сорвалась вчера вечером — прямо до ужина — очень неудобно и беспокойно: бедной Хелен кусок не лез в горло, что ее чрезвычайно расстроило, а ведь она зареклась расстраиваться, каков бы ни был повод, не понимаю почему, ведь многие великие люди не чурались проявления чувств, я имею в виду не обязательно южан, но, как справедливо указывает мистер Честертон, например, Нельсон, который, разумеется, был англичанином, если не ирландцем или шотландцем, сейчас не помню, но точно жил в Соединенном Королевстве (если это название теперь что-нибудь значит; теперь говорят о каком-то Свободном государстве — смешное название, в голове сразу возникает Оранжевое свободное государство, а я уверена, им не хотелось бы этой путаницы, потому что сами они очень зеленые). Убежала, даже не взяв достойной одежды, и забрала машину, так что мне пришлось отправляться на норталлертонском в час пятнадцать — несуразное время для начала поездки — и такой убогий поезд, тащится до половины одиннадцатого. Уж если тебе приспичило в город, то почему таким бестолковым образом, без подготовки? Если бы ты сперва изучила расписание поездов, то увидела бы, что все равно придется полчаса стоять в Норталлертоне на шлагбауме, и хватило бы времени собрать чемодан — ведь намного приятней все делать с чувством, с толком, с расстановкой, даже глупости. Нелепо с твоей стороны так сюда лететь, стеснять мистера Паркера и утомлять своей болтовней, хотя, полагаю, ты ехала не к нему, а к Питеру. А ты, Питер, если шатаешься по всяким гнусным местам, где полно русских и принимающих себя всерьез сопливых социалистов, должен вести себя осторожнее, а не провоцировать их, гоняясь за ними, не распивать с ними кофе, не читать им нелепых стихов и не действовать всячески на нервы, как ты умеешь. И в любом случае, Мэри, это все зря. Я бы и сама рассказала Питеру, если он еще не знает, хотя, вероятно, знает.

Леди Мэри при этих словах посмотрела на Паркера, сильно побледнев, и тот ответил скорее ей, чем вдовствующей герцогине:

— Нет. Мы с Питером еще не успели что-либо обсудить.

— Это добило бы мои расшатанные нервы и обрушило лихорадку на мою раненую голову, — дружелюбно подтвердил пострадавший джентльмен. — Ты чуткая душа, Чарлз. Не представляю, что бы я без тебя делал. Очень жаль, что мерзкий старьевщик не поворачивался быстрее и не успел внести свой товар в помещение. На том каркасе кровати был миллион шишек. Я понимал, на что лечу, но не мог себя остановить. Хотя что такое, в сущности, старая кровать? Великий детектив, пусть и был сначала оглушен и потрясен грубым обращением вооруженных мясорубками пятнадцати убийц в масках, вскоре, благодаря крепкой конституции и здоровому образу жизни, пришел в себя. Несмотря на жестокое отравление газом, выжил в подzemелье и... что там? Телеграмма? Спасибо, Бантер.

Лорд Питер, судя по тому, как подергивались уголки его широких губ, видимо, получал от текста большое внутреннее удовлетворение. Листок он с довольным вздохом убрал в маленькую записную книжку и велел Бантеру унести поднос с завтраком и обновить на лбу прохладный компресс. Когда все было исполнено, он растянулся среди подушек и со злорадным выражением лица спросил у Паркера:

— Как провели с Мэри вчерашний вечер? Полли, ты призналась ему в убийстве?

Ничто не вызывает такого раздражения, как ситуация, когда, собираясь поделиться с человеком трагической новостью, вдруг узнаешь, что он уже в курсе всего и не придает происшедшему должного значения. Паркер внезапно вышел из себя, вскочил на ноги и без всякого смысла выкрикнул:

— О, это совершенно невыносимо! Он безнадежно неисправим!

Леди Мэри покинула свое место у окна.

— Да, призналась, — сказала она. — Это правда. Твое драгоценное расследование, Питер, подошло к концу.

В разговор, нимало не колеблясь, вмешалась вдовствующая герцогиня:

— Дорогая, ты должна позволить брату судить о его делах самому.

— Я не отрицаю и права Полли на это, — заметил Питер. — Надеюсь, у нее такое есть. Даже уверен. Но мы поймали этого парня и теперь все узнаем.

Мэри охнула и, крепко сцепив руки, сделала шаг вперед. У Паркера, наблюдавшего, как мужественно она принимает надвигающуюся катастрофу, заныло сердце. Его профессиональная натура пришла в замешательство, но человеческая всячески поддерживала изящное сопротивление женщины.

— Кого задержали? — спросил он не своим голосом.

— Гойлса, — беззаботно ответил Уимзи. — Необычайно быстрая работа. Но поскольку он не нашел ничего лучшего, как сесть на согласованный с расписанием паромов поезд до порта Фолкстон, она не вызвала трудностей.

— Неправда! — воскликнула Мэри и топнула ногой. — Ложь! Его там не было. Дэниса убила я!

«Прекрасна, — подумал Паркер. — Она прекрасна. Чертов Гойлс, что же он сделал, чтобы заслужить такую женщину?»

— Мэри, не дури! — возмутился его светлость.

— Да, — проговорила ровным голосом вдовствующая герцогиня. — Питер, я собиралась тебя попросить насчет этого Гойлса — кстати, какая же ужасная фамилия, Мэри, достаточно одного этого, дорогая, даже если против него нет ничего иного, а ведь он еще подписывается Гео Гойлс». Представляете, мистер Паркер, «Гео» это вместо «Георга», «Джорджа»; мне всегда казалось, что написано «Горгуля». Я уже почти написала тебе, Питер, дорогой, чтобы спросить, не можешь ли ты встретиться с ним в городе, потому что мне кое-что пришло на ум, когда я думала про эту ипекакуану, и я почувствовала, что дело нечисто и он как-то с этим связан.

— Да, — усмехнулся Питер. — Тебя всегда от него слегка воротило.

— Как ты можешь, Уимзи! — осуждающе проворчал Паркер, не спуская с Мэри глаз.

— Не обращайтесь внимания, — проговорила та. — А ты, Питер, если уж не способен вести себя как джентльмен...

— Пропади все пропадом! — возмутился раненый. — Некий человек без всякого повода с моей стороны всаживает мне пулю в плечо, ломает ключицу, валит вперед головой на каркас кровати с острыми шишками, а затем удирает с места преступления. Когда же я, выражаясь мягким парламентским языком, утверждаю, что от него может воротить, моя родная сестра

говорит, что я не джентльмен. Взгляни на меня! В собственном доме сижу с жуткой головной болью и не могу ничего съесть, кроме тоста с чаем, пока вы уплетаете гриль-ассорти с омлетом и все это запиваете марочным кларетом.

— Не возмущайся, глупый мальчишка! — шикнула вдовствующая герцогиня. — Самое время тебе полечиться. Мистер Паркер, будьте добры, позвоните в колокольчик.

Детектив молча подчинился. Мэри подошла и посмотрела на брата.

— Питер, почему ты сказал, что это сделал он?

— Что сделал?

— Стрелял... в тебя. — Слова прозвучали не громче шепота.

Напряженную атмосферу разрядил приход Бантера с лекарством. Лорд Питер выпил порцию и передвинул подушки так, чтобы ему измерили температуру, сосчитали пульс, могли спросить, не съест ли он на завтрак яйцо, и зажгли сигарету. Бантер удалился, а оставшиеся удобнее расселись и почувствовали себя спокойнее.

— Так вот, девочка, — начал Питер, — для начала прекрати хлюпать носом. Вчера вечером я в твоём Советском клубе случайно наткнулся на этого Гойлса. Попросил мисс Тарант нас познакомить. Но как только Гойлс услышал мое имя, сразу сделал ноги. Я рванул следом, имея в виду лишь перемолвиться с ним, но этот идиот спрятался за углом Ньюпорт-Корт, пальнул в меня и удрал. Поведение тупого осла. Я же знал, кто он таков. Его не могли не поймать.

— Питер... — начала Мэри мертвенным голосом.

— Послушай, Полли, — перебил ее брат. — Я думал о тебе. Честно. Не настаивал на том, чтобы его арестовали. Не выдвигал никаких обвинений. Я правильно говорю, Паркер? Что ты сегодня утром велел людям в Скотленд-Ярде?

— Задержать его для опроса в качестве свидетеля по риддлсдейлскому делу, — с расстановкой ответил детектив.

— Он ничего не знает, — упрямо заявила Мэри. — Его и близко там не было. В *этом* он невиновен.

— Ты так считаешь? — серьезно спросил Питер. — Если ты считаешь, что он невиновен, зачем городить ложь, пытаешься его обелить? Так не пойдет, Мэри. Ты знаешь, что он там был и что он виновен.

— Нет!

— Да! — Сестра отпрянула, но Питер схватил ее своими сильными руками. — Мэри, ты понимаешь, что творишь? Ты лжесвидетельствуешь и ставишь под угрозу жизнь Джеральда, чтобы уберечь от правосудия человека, которого подозреваешь в убийстве своего любовника и который пытался убить меня!

— О! — не выдержал муки Паркер. — Этот допрос совершенно не по правилам!

— Не обращай внимания, — бросил Уимзи. — Мэри, ты действительно полагаешь, что поступаешь правильно?

Она минуту или две беспомощно смотрела на брата. Глаз Питера умоляюще глядел из-под повязки. Ее лицо разгладилось, упрямое выражение исчезло.

— Я скажу правду.

— Умничка. — Питер протянул руку. — Извини, девочка. Я понимаю: тебе нравится этот тип, — и мы глубоко ценим твой выбор, но теперь вперед. А ты, Паркер, фиксируй.

— С Джорджем все началось несколько лет назад. Ты, Питер, был тогда на фронте, но, я полагаю, тебе все рассказали и преподнесли в самом худшем свете.

— Я бы так не сказала, дорогая, — прервала дочь вдовствующая герцогиня. — Кажется, я писала Питеру, что мы с твоим братом не вполне довольны тем, что нашли в твоём молодом человеке, — не так уж много и писала, если ты помнишь, дорогой. Он заявился в выходные без приглашения, когда в доме было полно гостей, и не заботился ни о чьем удобстве, кроме собственного. Добавлю, был беспричинно груб со старым лордом Маунтуизлом.

— Просто говорил то, что думал, — объяснила Мэри. — Милейший Маунтуизл не понимает, что современное поколение научилось обсуждать со старшими проблемы, а не просто лебезить перед ними. Когда Джордж высказал свое мнение, лорд решил, что ему дерзят.

— Если отрицают все, что человек говорит, для непосвященных это выглядит именно как дерзость, — возразила мать. — Насколько помню, я написала Питеру, что манеры мистера Гойлса лишены лоска и что ему не хватает независимости суждений.

— Не хватает независимости суждений? — изумленно повторила Мэри.

— Я так посчитала, дорогая. Живую мысль в слова облечь уметь... Кто это сказал? Папа римский или кто-то другой? Но в наши дни, чем скуднее выражаешься, тем более глубоким тебя почитают. Хотя и это не новость. Вот как у Браунинга и этих заумных метафизиков, когда не знаешь, что они имеют в виду: то ли свою любовницу, то ли традиционную церковь, — все так по-новобрачному, по-библейски, не говоря уже о душеке святом Августине — я имею в виду человека-гиппо, а не того, что занимался здесь миссионерством, хотя и тот хорош; в те дни не было ежегодных благотворительных распродаж рукоделия и чая в церковных приходах, поэтому теперь мы понимаем под миссионерством нечто иное; он-то все об этом знал — ты же помнишь про мандрагору, или это такая штука, для которой требуется большая черная собака? «Манихей» — вот нужное слово. Его так звали? Фауст? Или я путаю со стариком из оперы?

— Как бы то ни было, — продолжала Мэри, не пытаясь остановить поток сознания герцогини, — Джордж единственный, кто был мне дорог. Он и сейчас мне дорог. Просто все это казалось таким безнадежным... Да, мама, возможно, ты о нем сказала не много, зато Джеральд наговорил *много* — с три короба ужасов.

— Сказал что думал, — кивнула герцогиня. — Как водится у нынешнего поколения. Хотя непосвященным может показаться грубым.

Питер усмехнулся, но Мэри, не обратив внимания, продолжала:

— У Джорджа просто не было денег. Все, что имел, он, так или иначе, пожертвовал лейбористской партии, а работу в министерстве информации потерял — там сочли, что он слишком сочувствует иностранным социалистам. Чудовищная несправедливость. А Джеральд, полагавший, что такая обуза ему не нужна, пришел в ярость и пригрозил, что вовсе лишит меня средств, если я не прогоню Джорджа. Я прогнала, но это никак не повлияло на наши чувства. Мама вела себя чуть более порядочно — пообещала нам помочь, если Джордж получит работу. На это я ответила, что, если Джордж получит работу, помощь нам не потребуется.

— Но, дорогая, я ведь могла обидеть мистера Гойлса, предложив существовать на деньги тещи, — сказала герцогиня.

— Почему же? — ответила Мэри. — Джордж не верит в старорежимные понятия о собственности. К тому же, если бы ты дала мне деньги, они бы стали *моими*. Мы верим в равенство мужчин и женщин. Почему кормильцами семьи одни должны быть больше, чем другие?

— Не представляю, дорогая. Но не могу вообразить, чтобы бедный мистер Гойлс стал жить на незаработанный доход, если он не верит в наследуемую собственность.

— Ложный довод, — неопределенно заметила Мэри и тут же поспешно добавила: — Как бы то ни было, дальше произошло вот что. После войны Джордж заявил, что отправляется в Германию изучать социализм и вопросы лейборизма. Наши отношения зашли в тупик и, когда объявился Дэнис Кэткарт, я сказала, что выйду за него замуж.

— Почему? — спросил Питер. — Я всегда считал, что он совершенно тебе не подходит. Тори, вхожий в дипломатические круги. Заскорузлый сын. Не представляю, что у вас общего.

— Ничего. Зато ему было плевать на мои убеждения. Я заставила его пообещать, что он не станет донимать меня своими дипломатами и прочими гостями, он согласился, и я получила свободу с условием, что не скомпрометирую его. Мы собирались жить в Париже — каждый на свой лад, не вмешиваясь в дела другого. Все-таки лучше, чем, оставшись здесь, выйти замуж за человека из нашего окружения: открывать благотворительные распродажи, смотреть поло и встречаться с принцем Уэльским. Я согласилась выйти замуж за Дэниса, потому что он был мне безразличен, как, несомненно, и я ему. Мы бы просто не касались друг друга. А я хотела именно того, чтобы меня оставили в покое!

— Джерри больше не грозил лишить тебя средств? — спросил Питер.

— Нет. Он сказал, что Дэнис далеко не завидная партия — ах, зачем он выразился так вульгарно на безвкусный ранневикторианский манер, — но после Джорджа надо благодарить звезды, что не вышло хуже.

— Пометь, Чарлз, — попросил Уимзи.

— Поначалу все шло как будто хорошо, но затем мое положение стало меня все сильнее угнетать. Меня что-то тревожило в Дэнисе. Он был невероятно сдержан. Да, я хотела, чтобы меня оставили в покое, но это было нечто сверхъестественное. Он держался корректно. Даже когда приходил в ярость или его обуревала страсть, что случалось нечасто. Невероятно! Как персонаж из старых французских романов. Понимаешь, Питер, устрашающе горячая натура, но совершенно безлика.

— Чарлз, слышал? — спросил лорд Питер.

— Мм?

— Это важно. Понимаешь значение?

— Нет.

— Неважно. Продолжай, Полли.

— У тебя от меня не разболелась голова?

— Чертовски. Но мне по душе. Продолжай. Я не возвращаю росток лилии влагой страдания и росой лихорадки, ничего подобного. Я в восторге. То, что ты сказала, объясняет больше, чем все, что я накопал за неделю.

— Правда? — На лице Мэри не осталось следов враждебности. — Я думала, ты не поймешь эту часть моей истории.

— Господи, почему? — удивился Питер.

Мэри покачала головой.

— Мы с Джорджем все время переписывались, и вдруг в начале этого месяца он мне сообщил, что возвращается из Германии и получает работу в «Тандерклап» — еженедельнике социалистов с начальным жалованьем четыре фунта в неделю. Он спрашивал, не брошу ли я своих капиталистов, и все такое, не перееду ли к нему, чтобы стать честной трудовой женщиной. Он мог подыскать мне секретарскую работу в газете. Я бы печатала для него на машинке и помогала компоновать статьи. Мы бы зарабатывали шесть-семь фунтов, чего, как он считал, с лихвой бы хватало на жизнь. Я же с каждым днем все больше боялась Дэниса. И согласилась. Но понимала, что разразится гигантский скандал с Джеральдом. И стыдилась: помолвка с Дэнисом была объявлена, пошли бы жуткие сплетни, меня бы стали отговаривать. И Дэнис мог бы сильно навредить Джорджу — он такой человек. Поэтому мы решили, что лучше убежать, вступить в брак и тем самым спастись от споров.

— Разумно, — кивнул Питер. — И хорошо бы смотрелось в газетах. Представьте заголовок: «Дочь пэра выходит замуж за социалиста. Романтическое бегство в мотоциклетной коляске. Ее светлость утверждает, что шесть фунтов — это много».

— Свинья! — вспыхнула леди Мэри.

— Спасибо, принимаю. Итак, романтический Гойлс собирался похитить тебя из Риддлсдейла. Кстати, почему из Риддлсдейла? Было бы намного проще из Лондона или Денвера.

— Нет. Во-первых, у Джорджа были на Севере дела. В городе его все знают — это во-вторых. И мы в любом случае не хотели ждать.

— А еще пропал бы ореол юного Лохинвара. Но почему в такой несусветный час — три ночи?

— Вечером в среду у Джорджа было назначено собрание в Норталлертоне. Оттуда он поехал за мной: мы должны были отправиться в город и вступить там в брак по специальному разрешению. Времени было довольно — Джорджа ждали на работе только на следующий день.

— Понятно, — кивнул брат. — Теперь продолжу я, а ты меня поправь, если ошибусь. Ты поднялась к себе в среду вечером, в девять тридцать, собрала чемодан и решила нацарапать что-нибудь вроде письма, чтобы успокоить горящих друзей и родственников.

— Я написала. Но...

— Разумеется. Затем легла в постель или, по крайней мере, не раздеваясь, прилегла.

— И, как оказалось, правильно поступила.

— Согласен. Утром не пришлось тратить много времени, чтобы привести кровать в правдоподобный вид. А нам полагалось заключить, что все выглядит естественно. Кстати, Паркер, когда вчера вечером Мэри каялась в грехах, ты делал пометки?

— Да. Только сможешь ли ты разобрать мою скоропись?

— Безусловно. Мятая постель опровергает твою историю, что ты вообще не ложилась. Так?

— А я решила, что сочинила отличную историю!

— Нужна практика, — добродушно заметил брат. — В следующий раз получится лучше. Только учти: трудно долго плести безукоризненную ложь. Кстати, слышала ли ты *сама*, как Джеральд вышел в одиннадцать тридцать, о чем свидетельствовал Петтигрю-Робинсон (черт бы побрал его уши!)?

— Я как будто слышала какое-то движение, но не сильно об этом задумывалась, — ответила Мэри.

— И правильно. Я если слышу, что люди перемещаются ночью по дому, по своей деликатности вообще об этом не задумываюсь.

— Характерно для Англии, — вмешалась герцогиня. — Здесь это считается некорректным. Говорю для Питера, который везде, где можно, применяет континентальный подход. Услышал что-то в тишине — не упоминай, как разумно поступал в детстве. Ты был очень наблюдательным мальчиком, дорогой.

— И до сих пор остался, — улыбнулась Мэри с удивительным дружелюбием.

— Дурные привычки умирают трудно, — ответил Уимзи. — Продолжим. В три часа ты спустилась встретиться с Гойлсом. Зачем ему понадобилось приближаться к дому? Было бы безопаснее назначить свидание на аллее.

— Я бы не смогла выйти из ворот, не разбудив Хардро. Следовательно, требовалось где-нибудь перебраться через ограду. Я бы справилась сама, если бы не тяжелый чемодан. Так как Джорджу все равно пришлось бы перелезть, мы решили, что будет удобней, если он подойдет помочь мне нести чемодан. Ну и к тому же у двери в оранжерею мы не смогли бы разминуться. Я послала ему маленький план тропы.

— Гойлс был там, когда ты спустилась?

— Нет. По крайней мере, я его не заметила. Там лежало тело бедняги Дэниса, и над ним склонялся Джеральд. Моей первой мыслью было, что он убил Джорджа, поэтому я воскликнула: «Ты его убил!» (Питер посмотрел на Паркера и кивнул.) Затем Джеральд перевернул труп, и я увидела, что это Дэнис. И в тот же миг услышала что-то вдалеке в кустах — вроде бы трещали ветки. Тут до меня дошло: а где же Джордж? И я все ясно поняла: Дэнис наткнулся на поджидавшего у оранжереи Джорджа и напал на него. Я в этом не усомнилась: должен был напасть, — наверное, принял за грабителя. Или узнал и решил прогнать. И в драке Джордж его застрелил. Ужасно!

Питер похлопал сестру по плечу:

— Бедная девочка.

— Я не знала, что делать, — продолжала Мэри. — Времени было в обрез. Главное, чтобы никто не заподозрил, что там был посторонний. Пришлось быстро придумывать причину, почему я оказалась там сама. Для начала я спрятала чемодан за цветы. Джерри занимался трупом и не заметил: вы его знаете — никогда ничего не замечает, если не подсунуть под нос, — но я не сомневалась: если стреляли, Фредди и Марчбэнксы слышали. И сделав вид, что тоже слышала, ринулась на поиски грабителей. Неубедительная версия, но ничего лучше придумать не получилось. Джерри послал меня разбудить дом, и я, пока шла к лестнице, сочинила историю. И гордилась собой, потому что не забыла чемодан!

— Запихнула его в сундук, — подсказал Питер.

— Я ужасно испугалась, когда увидела, что ты его открыл.

— А я испытал потрясение, когда обнаружил внутри белый песок.

— Белый песок?

— Из оранжереи.

— Боже милостивый, — пробормотала Мэри.

— Продолжаем. Ты постучала к Фредди и Петтигрю-Робинсонам, а затем заперлась у себя, чтобы уничтожить прощальное письмо и снять одежду.

— Да. Возможно, проделала это не очень естественно, но боялась, что мне не поверят, если увидят, что я отправилась на охоту за грабителем в полном комплекте шелкового нижнего белья и аккуратно завязанном галстуке с золотой заколкой.

— Понимаю твои трудности.

— Все прошло хорошо, поскольку люди решили, что я хотела сбежать от миссис Петтигрю-Робинсон, кроме, разумеется, самой миссис П.

— Даже Паркер поверил, — подтвердил брат. — Так, старина?

— Так, так, — мрачно кивнул тот.

— Я совершила роковую ошибку по поводу того выстрела, — заключила леди Мэри. — Расписала в деталях, а потом выяснилось, что выстрела никто не слышал. А потом выяснилось, что все произошло в кустах и время было не то. На расследовании мне пришлось придерживаться моей версии — становилось все хуже и хуже, — а потом обвинили Джеральда. В страшном сне такое бы не привиделось. Теперь я, конечно, понимаю, каков результат моих убогих показаний.

— Отсюда рвотный корень, — предположил Питер.

— Я жутко запуталась, — призналась Мэри. — Решила: лучше вовсе замолчать, чтобы не усугублять ситуацию.

— Ты все еще считала, что это сделал Гойлс?

— Я... я не знала, что подумать. И теперь не знаю. Питер, кто мог еще это сделать?

— Скажу честно, дорогуша: если не он, то не представляю, кто еще.

— Он же убежал, — напомнила Мэри.

— Похоже, он неплохо проявляет себя в стрельбе и беге, — мрачно заметил лорд Питер.

— Если бы он не стрелял в тебя, я бы ни за что тебе не рассказала. Скорее бы умерла. Но революционные идеи и разговоры о красной России и пролитой в мятежах и восстании крови, я думаю, учат презрению к человеческой жизни.

— Мне кажется, дорогая, — вступила в разговор герцогиня, — что к собственной жизни мистер Гойлс презрения отнюдь не испытывает. Попытайся посмотреть правде в глаза. Выстрелить в человека и убежать — по нашим меркам, поступок отнюдь не героический.

— Я вот чего не понимаю, — перебил ее Уимзи. — Как револьвер Джеральда оказался в кустах?

— А мне хотелось бы знать вот что, — продолжала его мать, — был ли Дэнис в самом деле карточным шулером.

— Дэнис не дарил мне kota, — заявила Мэри. — Это выдумка.

— Но вы были с ним у ювелира на улице Де-ла-Пэ?

— Да. И провели там кучу времени. Дэнис подарил мне черепаховый гребень с бриллиантами. Но не kota.

— В таком случае мы должны отказаться от твоих вчерашних продуманных признаний, — сказал брат, просматривая с улыбкой заметки Паркера. — Неплохо, Полли. Совсем неплохо. У тебя талант к романтической литературе — я серьезно. Правда, кое-где нужно больше внимания уделять деталям. Ты не могла протащить по дорожке раненого до дома и не измазать кровью пальто. Кстати, Гойлс был знаком с Кэткартом?

— Насколько мне известно, нет.

— У нас с Паркером альтернативная теория, которая может обелить Гойлса от самой серьезной части обвинения. Скажи ей, старина, — это была твоя идея.

Детектив обрисовал теорию с вымогательством и самоубийством.

— Похоже на правду, — кивнула Мэри. — Но чисто теоретически. Джордж на это не способен. Ведь вымогательство — это очень гнусно.

— Что ж, — заключил Питер, — самое лучшее — пойти и повидаться с Гойлсом. Каков бы ни был ключ к загадкам ночи среды, он в его руках. Паркер, старина, мы близимся к концу погони.

Глава 10

Ничто не постоянно в полдень

— Увы, — сказал Хийя, — чувства, которые человек демонстрирует с безукоризненной искренностью, когда солнце высоко в небесах и вероятность тайно покинуть прекрасно оборудованный дом обворожительно отдаленна, приобретают совершенно иное значение, если о них вспоминают ночью в сыром саду накануне их исполнения.

Э. Брам. Бумажник Кай Люня

Но минет полдень — сразу ночь нагрянет.

*Дж. Донн. Лекция о тени*⁵²

Гойлса допрашивали на следующий день в полицейском участке. Присутствовал Мерблс, и Мэри настояла, чтобы ей тоже разрешили. Молодой человек сначала расшумелся, но сухие манеры солиситора произвели впечатление.

— Лорд Питер Уимзи опознал вас как человека, который вчера вечером совершил на него смертельное нападение. Проявив незаурядное великодушие, он воздержался от обвинения. Нам стало известно, что в ночь, когда был убит капитан Кэткорт, вы находились в Риддлсдейле. Вас, без сомнения, вызовут в качестве свидетеля по делу. Но вы сильно поможете правосудию, если сделаете заявление теперь. Мы просим вас помочь. Однако должен предупредить: хотя вы вправе отказаться отвечать на любой вопрос, отказ может быть вменен вам в вину.

— Это угроза, — заявил Гойлс. — Если я не стану отвечать, вы арестуете меня по подозрению в убийстве.

— Боже мой, нет, — возразил солиситор. — Мы передадим полиции имеющуюся у нас информацию, а она станет действовать так, как сочтет нужным. Никаких угроз! Это было бы в высшей степени незаконно. Лорд Питер по поводу нападения на него может, конечно, действовать по своему усмотрению.

— Это все равно угроза, — угрюмо повторил Гойлс. — Можете называть как угодно, но говорить я отказываюсь, тем более что мои ответы вас сильно разочаруют. Мэри, я вижу, ты меня сдала.

Она возмущенно вспыхнула.

— Сестра повела себя по отношению к вам чрезвычайно лояльно, — заметил лорд Питер. — Поставила себя ради вас в очень неудобное, если не сказать — опасное, положение. Вас проследили до Лондона в результате того, что вы оставили неоспоримые следы своего поспешного отступления. Случайно открыв адресованную мне на семейную фамилию телеграмму, она бросилась в город, чтобы выгородить вас любой ценой. К счастью, я уже получил в квартире копию телеграммы. Но даже после этого не был уверен в вашей личности, пока случайно не встретил в Советском клубе. Ваши энергичные усилия избежать разговора расставили все на свои места и дали повод к вашему задержанию. Я чрезвычайно благодарен вам за помощь.

Гойлс обиженно скривился.

— Как ты мог такое подумать, Джордж? — спросила Мэри.

— Неважно, что я думаю, — грубо ответил тот. — Сейчас, полагаю, ты им все рассказала. Буду краток, но станет ясно, что мне известно чертовски мало. А если кто-то не поверит, не мое дело. Я приехал туда примерно в четверть третьего и оставил мотоцикл в укромном месте.

— Где вы находились в одиннадцать пятьдесят?

⁵² Пер. Г. Кружкова

— На дороге из Норталлертона. Собрание кончилось только в десять сорок пять. Чтобы это доказать, я могу привести сотню свидетелей.

Уимзи пометил адрес, где проводилось собрание, и кивнул, чтобы Гойлс продолжал.

— Я перелез через ограду и пошел через кустарник.

— Не видели ни людей, ни трупа?

— Ни живых, ни мертвых.

— Не заметили крови или следов на дорожке?

— Нет. Фонарь я включить побоялся из опасения, что меня заметят из дома. Чтобы не сбиться с тропы, света хватало. Ко входу в оранжерею я подошел незадолго до трех и обо что-то споткнулся. По ощущениям было похоже на тело. Я встревожился — испугался, уж не Мэри ли: заболела, упала в обморок или что-нибудь в этом роде. Решился включить фонарь и увидел мертвого Кэткарта.

— Вы уверены, что он был мертв?

— Мертвее не бывает.

— Минутку, — вмешался солиситор. — Вы сказали, что это был Кэткарт. Вы знали его раньше?

— Никогда. Я имел в виду, что увидел мертвого мужчину, а потом узнал, что это Кэткарт.

— То есть узнали не потому, что были с ним знакомы?

— Позже, по фотографиям в газетах.

— Делая заявления, надо выражаться точнее. То, что вы сейчас сказали, мистер Гойлс, могло бы произвести очень неблагоприятное впечатление на полицию или присяжных.

Мерблс высморкался и поправил пенсне.

— Что было дальше? — спросил Питер.

— Мне показалось, я что-то услышал со стороны тропинки. И решив, что будет неразумно, если меня застанут рядом с трупом, смылся.

— О! — кивнул Питер с неопределенным выражением лица. — Это было очень простое решение. Девушке предоставлена возможность разобраться с неприятной находкой — трупом в саду, а ее поклонник, который собирался на ней жениться, дал деру. Как вы считали, что она могла подумать?

— Посчитал, что будет молчать ради самой себя. Но если честно, в голове все путалось. Только понимал, что вляпался в чужую историю, и если меня обнаружат рядом с убитым, это будет выглядеть очень подозрительно.

— Вы просто потеряли голову, молодой человек, — вставил Мерблс, — глупо и трусливо бежали.

— Не надо таких слов, — огрызнулся Гойлс. — Начать с того, что я оказался в нелепом и глупом положении.

— Да, — иронично заметил Питер. — Три часа ночи — жутко промозглое время. В следующий раз, когда будете планировать бракосочетание, назначайте на шесть вечера или на полночь. Вам, судя по всему, лучше удастся планирование заговоров, чем их реализация. Срывае­тесь по любому поводу. Человек вашего склада не должен таскать с собой оружие. Какого дьявола вы, несущий всякий бред пустозвон, разрядили вчера в меня свою пукалку? Вы бы оказались в очень сомнительной ситуации, если бы попали мне в голову, сердце или другой важный орган. Если вы так боитесь трупов, почему стреляете в живых? Почему, почему, почему... Вот что не дает мне покоя. Если вы сейчас говорите правду, значит, никогда не подвергались хотя бы малейшей опасности. Господи! А мы тратили силы и время, чтобы вас изловить. Идиот! Бедная Мэри! Бог знает до чего себя довела, чуть не убила, поскольку думала, что вы хотя бы бежали от того, от чего стоило бежать!

— Нужно сделать скидку на его нервный характер, — твердо заявила Мэри.

— Вы не представляете, что чувствует человек, когда за ним шпионят, ходят по пятам, изводят... — начал Гойлс.

— А мне казалось, что ваши друзья из Советского клуба радуются, если их подозревают, — перебил его Уимзи. — Ваша гордость собственной персоной должна взлетать до небес, если вас считают действительно опасным типом.

— Насмешки таких, как вы, сеют ненависть между классами! — вспыхнул Гойлс.

— Мы сейчас не об этом, — вмешался Мерблс. — Закон для всех един. А вы, молодой человек, поставили себя в очень неприятное положение. — Он коснулся звонка на столе, и в помещение вошел Паркер с констеблем. — Установите за этим человеком наблюдение. Мы не выдвигаем против него обвинение, если он не нарушит правила поведения. Но он не должен пытаться скрыться, пока риддлсдейлское дело не будет передано в суд.

— Разумеется, сэр, — ответил детектив.

— Одну минуту, — попросила Мэри. — Мистер Гойлс, вот кольцо, которое вы мне дарите. До свидания. Когда в следующий раз станете выступать и призывать народ к решительным действиям, я приду и буду вам аплодировать: вы прекрасно говорите на подобные темы, — но в другой обстановке нам лучше не встречаться.

— Естественно, — горько проговорил молодой человек. — Вы загнали меня в угол, отвернулись и насмехаетесь надо мной.

— Я могла смириться с мыслью, что вы убийца! — Голос Мэри звенел от презрения. — Но мне несносна мысль, что вы такой осел.

Прежде чем Гойлс успел ответить, озадаченный, но отнюдь не расстроенный Паркер вывел его из помещения. Мэри подошла к окну, кусая губы. Лорд Питер приблизился к ней.

— Старина Мерблс приглашает нас на ланч. Пойдешь? Будет сэр Импи Биггс.

— Не хочется с ним сегодня встречаться. Очень любезно со стороны мистера Мерблса...

— Пойдем, дорогуша. Биггс своего рода знаменитость. На него приятно смотреть, как на мраморный памятник. Он тебе все расскажет о своих канарейках.

Мэри хихикнула сквозь упрямые слезы.

— Очень мило, Питер, что ты пытаешься развлечь свою малышку. Но я буду выглядеть полной идиоткой. Для одного дня я уже довольно выставляла себя на смех.

— Вздор! Гойлс и вправду сегодня проявил себя не лучшим образом, но ведь он оказался в чрезвычайно трудном положении. Пошли!

— Надеюсь, леди Мэри согласится украсить собой мое холостяцкое жилище, — сказал, подходя, солиситор. — Ваше присутствие для меня большая честь. В моем доме лет двадцать не было ни одной дамы. Господи, двадцать лет!

— В таком случае я просто не имею права отказаться, — улыбнулась леди Мэри.

Мерблс жил в красивой анфиладе старых комнат в Степл-Инн с окнами, выходящими на строго распланированный сад с клумбами и журчащим фонтаном. Жилище хранило старомодный дух закона, которым был проникнут его хозяин. Столовую украшала мебель красного дерева, турецкий ковер и красные шторы. На буфете стояли красивое медное блюдо и серебряные графины с выгравированными вокруг горлышек надписями. В книжном шкафу теснились огромные тома в кожаных переплетах, над камином висел портрет маслом строгого судьи. Мэри внезапно ощутила благодарность к этому неброскому, весомому викторианству.

— Боюсь, нам придется немного подождать сэра Импи, — извинился Мерблс, сверившись с часами. — Он занят на процессе «Квангл и Хампер» против «Правды». Но заседание должно уже закончиться. Сэр Импи рассчитывал, что сегодня завершится весь процесс. Блестящий человек этот сэр Импи. Он защищает «Правду».

— Удивительная позиция для юриста, — заметил Питер.

— «Правда» — это газета, — уголки губ Мерблса дернулись вверх. — Она выступает против тех, кто утверждает, что одним лекарством можно лечить пятьдесят девять болезней. «Квангл и Хампер» привели в суд больных, чтобы те свидетельствовали, как им помогло лечение. А слышать, как с ними обошелся сэр Импи, — интеллектуальное наслаждение. Полюбезничав с пожилыми дамами, он попросил одну из них показать присяжным ногу. Вот это была сенсация!

— Показала? — спросил лорд Питер.

— Очень хотела, дорогой мой.

— Удивительно, как у них хватило наглости ее вызвать.

— Наглости? Что касается наглости, у «Квангл и Хампер», выражаясь языком великого Шекспира, нет собратьев во вселенной. Но с сэром Импи не пофамильярничайте. Нам очень повезло, что мы заручились его помощью. А вот и он!

Торопливые шаги на лестнице возвестили приход ученого мужа, который был все еще в парике и мантии и рассыпался в извинениях.

— Нижайше прошу прощения. Должен с сожалением сказать, что под конец все стало чрезвычайно скучным. Я сделал все возможное, но милейший старый Доусон стал глух как столб и совсем неуклюж в движениях. Как вы, Уимзи? У вас такой вид, как будто вы только что с войны. Можно выдвигать обвинение за нападение на человека?

— Куда серьезнее, — вставил Мерблс. — За попытку убийства.

— Прекрасно, прекрасно, — обрадовался сэр Импи.

— Хотя мы приняли решение отказаться от преследования, — покачал головой солиситор.

— Вот как? О, дорогой мой Уимзи, это неправильно. Юристам надо жить. Ваша сестра? Не имел удовольствия повстречаться с вами в Риддлсдейле, леди Мэри. Надеюсь, вы совершенно поправились?

— Абсолютно. Спасибо, — с напором проговорила молодая дама.

— Здравствуйтесь, мистер Паркер. Разумеется, ваше имя весьма известно. Уимзи без вас никуда. Мерблс, эти джентльмены обладают ценной информацией? Я чрезвычайно заинтересован в этом деле.

— Только не сейчас, — предупредил солиситор.

— Конечно, не сейчас, — согласился сэр Импи. — Сейчас меня не интересует ничего, кроме этого замечательного седла барашка. Извините за мой аппетит.

— Тогда начнем, — предложил Мерблс. — Боюсь, молодые люди, я слишком старомоден, чтобы принять новую манеру предварять еду коктейлем.

— И правильно! — похвалил с чувством лорд Питер. — Портит небо и нарушает пищеварение. Не английская традиция — кощунство. Пришло из Америки, результат сухого закона. Вот что происходит с людьми, которые не умеют пить. Господи, вы выставили на стол знаменитый кларет. Грех в его присутствии упоминать какой-то коктейль.

— Да, это «Лафит» семьдесят пятого года, очень редкий сорт. Я его редко достаю для людей моложе пятидесяти лет. Но вы, лорд Питер, исключение, окажете честь тому, кто вдвое старше вас.

— Спасибо, сэр, я очень ценю ваши слова. Можно начать разливать?

— Пожалуйста. Благодарю, Симпсон, мы обслужим себя сами. А после ланча я попрошу вас попробовать нечто совершенно удивительное. Мой бывший клиент недавно умер и оставил мне дюжину бутылок портвейна сорок седьмого года.

— Вот это да! — воскликнул Уимзи. — Неужели его можно пить, сэр?

— Боюсь, что нет, — ответил Мерблс. — К великому сожалению. Но я уверен, что к подобной благородной древности нужно проявить уважение.

— Будет о чем рассказать, — кивнул лорд Питер. — «Я пробовал портвейн сорок седьмого года!» Все равно что увидеть божественную Сару⁵³. Голоса не осталось, блеска не осталось, изюминки не осталось, но тем не менее классика.

— Помню Сару в ее великие дни, — сказал солиситор. — У нас, стариков, есть привилегия прекрасных воспоминаний.

— Справедливо, сэр, — согласился Уимзи. — Вы еще много успеете таких накопить.

— Но почему тот покойный джентльмен позволил замечательному вину пропустить свой срок?

— Мистер Фетерстоун был очень одиноким человеком, — ответил Мерблс. — Доподлинно сказать не могу. Возможно, был очень мудр. Слыл большим скупердяем. Никогда не покупал себе новой одежды, не веселился на праздники, не женился, жил в тех же тесных темных комнатах, которые снял, когда был не имевшим практики адвокатом. Унаследовал от отца большой доход, но весь пускал в накопления. Портвейн приобрел его отец, умерший в 1860 году, когда моему клиенту было тридцать четыре. Он, то есть сын, скончался в девяносто четыре. Он говорил, что нет ничего приятнее предвосхищения, поэтому ничего не делал, жил отшельником и только представлял, что бы мог совершить. Вел подробный дневник, день за днем отражавший выдуманную действительность, которую автор так и не решился воплотить в реальность.

⁵³ Сара Бернар (1844–1923) — французская актриса; в 1872–1880 в «Комеди Франсез»; в 1898–1922 возглавляла «Театр Сары Бернар» (Париж).

Скрупулезно описывал семейную жизнь с женщиной своей мечты. Каждое Рождество и Пасху торжественно выставлял на стол бутылку сорок седьмого года и так же торжественно по окончании скромной трапезы убирал неоткупоренной. Истинный христианин, он ждал счастья после смерти, но, как видите, земные удовольствия откладывал насколько возможно. Он умер со словами: «Все обещанное да исполнится» — даже в эту минуту нуждаясь в гарантиях. Очень одинокий человек, совсем непохожий на современное поколение с его безрассудным духом.

— Какая необычная и трогательная история, — проговорила Мэри.

— Возможно, он настраивал сердце на недостижимое, — предположил Паркер.

— Кто знает, — ответил Мерблс. — Поговаривали, что дама его мечты не всегда была лишь мечтой. Просто он не мог принудить себя сделать предложение.

— А вот я, — бросил Импи, — чем больше слушаю разбирательства в суде, тем более склонен согласиться, что этот мистер Фетерстоун выбрал лучшую участь.

— И готовы в этом отношении последовать его примеру? А, сэр Импи? — спросил, едва усмехнувшись, солиситор.

Паркер посмотрел в окно. Начинался дождь.

Портвейн сорок седьмого года оказался действительно выдохшимся. Лишь слабый призрак его прежнего пламени и аромата витал над ним. Лорд Питер несколько мгновений качал бокал.

— Вкус страсти, преодолевшей зенит и превратившейся в скуку, — сказал он с внезапной торжественностью. — Осталось смело признать, что все мертво, и отставить в сторону.

Решительным движением он выплеснул вино в огонь. На губах снова заиграла насмешливая улыбка:

Преотличные дела:

Клайва смерть прибрала.

Что нам сказать об этом человеке?

Его не будет с нами в нашем веке⁵⁴.

Какая в этом четверостишии классическая мощь и краткость! Как бы то ни было, по существу дела мы можем сообщить многое, сэр.

С помощью Паркера Питер изложил законникам всю цепочку расследования от начала до дня, когда леди Мэри послушно явилась с ее версией ночных событий.

— Мистер Гойлс во многом проиграл, что не убийца, — продолжал Уимзи. — Ему бы пошла зловещая роль полуночного преступника. Но приходится иметь дело с тем, что есть. Надо выжать из него все, что возможно, как из свидетеля.

— Поздравляю вас и мистера Паркера с тем, что вы ак далеко продвинулись, — медленно заговорил Мерблс. — И с тем, как умно вы подошли к расследованию.

— Да, можно сказать, что у нас есть определенный результат, — кивнул детектив.

— Пусть даже отрицательный, — добавил Уимзи.

— Именно! — подхватил Импи с неожиданной резкостью. — Именно отрицательный. Затруднив дело защите, что вы намерены делать дальше?

— Очень мило! — возмутился лорд Питер. — Вы это говорите после того, как мы так много раскрыли!

— Допустим, — согласился барристер. — Хотя большинство из сказанного лучше было бы замолчать.

— Черт возьми, мы хотим добиться правды!

— Вот как? — сухо переспросил Импи. — А я нет. Не отдам за правду и двух пенсов. Мне нужно дело. Для меня неважно, кто убил Кэткарта, если я сумею доказать, что это не герцог Денверский. Будет достаточно, если удастся посеять по этому поводу весомые сомнения. Но тут ко мне является клиент с рассказом о некоей ссоре, подозрительном револьвере, отказе от

⁵⁴ Стихотворение Эдмунда Клерихью Бенгли (1875–1956), английского писателя-юмориста, автора детективов, изобретателя поэтической формы «клерихью» — юмористического стихотворения о какой-либо известной персоне.

свидетельских показаний и неадекватном идиотском алиби. Я напускаю туман на присяжных, рассказывая о таинственных следах, несоответствии во времени, о загадочной молодой женщине, о сомнениях в том, что произошло: то ли разбой, то ли преступление на почве страсти. И тут вы объясняете следы, снимаете обвинения с неизвестного, раскрываете несоответствие во времени и мотивы юной дамы и таким образом возвращаете подозрения к изначальному моменту. Как вы полагаете, каков последует результат?

— Я всегда говорил, что профессиональный адвокат — самый аморальный на свете человек, а теперь в этом убедился, — проворчал Питер.

— Так-так, — вмешался Мерблс, — все это лишний раз доказывает, что нельзя почивать на лаврах. Вам надо продолжать, мой мальчик, и собрать больше улик определенного сорта. Если Кэткарта убил не Гойлс, нужно найти того, кто это сделал.

— Надо благодарить судьбу, — сказал Биггс, — что в прошлый четверг вы, леди Мэри, недостаточно хорошо себя чувствовали и не предстали перед большой коллегией присяжных (Мэри вспыхнула), и обвинение будет строить тактику на том, что выстрел прозвучал в три утра. Если возможно, не отвечайте ни на какие вопросы, и мы преподнесем им сюрприз.

— Но поверят ли ей после этого на суде? — засомневался Питер.

— Тем лучше, если не поверят. Она предстанет в качестве нашего свидетеля. Вас, леди Мэри, станут прерывать грубыми выкриками, но не надо обращать на них внимание. Это все игра. Придерживайтесь своей версии, и мы доведем дело до конца. Вам ясно? — Биггс погрозил пальцем.

— Ясно, — кивнула Мэри. — Меня освистывают, а я упрямо твержу: «Это правда». Таков смысл?

— Именно, — подтвердил адвокат. — Кстати, Денвер, полагаю, по-прежнему отказывается объяснить свои перемещения в пространстве?

— Категорически, — ответил солиситор. — В семействе Уимзи все очень упрямые. Боюсь, что эту линию расследования продолжать бесполезно. Вот если можно выяснит правду каким-нибудь иным способом, его, возможно, удастся убедить подтвердить факты.

— Таким образом, — подытожил Паркер, — у нас еще три линии, по которым нужно продолжать. Первая: надо установить алиби герцога, опираясь на внешние источники. Вторая: необходимо еще раз проанализировать улики с целью установить настоящего убийцу. И третья: на прошлое Кэткарта может пролить свет парижская полиция.

— Похоже я знаю, куда обратиться по второму пункту, — внезапно заявил Уимзи. — В «Нору Грайдера»

— Фью! — присвистнул детектив. — О ней-то я и забыл. Это ведь там живет кровожадный фермер, который спустил на тебя собак?

— Со своей замечательной женой. Как тебе понравится: он бешено ревнив и готов подозревать любого мужчину, который к ней приближается. Когда я туда заявился и упомянул, что к ним мог заглянуть мой приятель, он чрезвычайно возбудился и грозил спустить с него шкуру. Мне показалось, он понял, о ком я говорю. В моей голове засел Десятый Размер, то есть Гойлс, и я полагал, что это был он. А вдруг Кэткарт? Теперь мы знаем, что Гойлс до среды даже не приближался к округе. Следовательно, этот, как его, Граймторп не мог его видеть. Зато Кэткарт мог оказаться у «Норы» в любой день, и его могли заметить. И вот что еще ложится в канву: когда я туда пришел, миссис Граймторп приняла меня за своего знакомого и поспешила предупредить, чтобы я поскорее убирался. Я все время полагал, что она заметила из окна мое старое кепи и пальто от «Барберри» и решила, что я Гойлс. Но теперь пришел к другой мысли. Я ведь сказал открывшей дверь девочке, что из Ридллсдейл-лоджа, и если та передала мои слова матери, миссис Граймторп могла подумать, что я — Кэткарт.

— Нет-нет, Уимзи, не получается, — вступил в разговор Паркер. — К тому времени она уже должна была знать, что Кэткарт мертв.

— Ах, черт! Да, пожалуй. Если только этот старый черт муженек не скрыл от нее новость. Кстати, он именно так бы и поступил, если бы сам убил Кэткарта: не сказал бы жене ни слова и не позволил взглянуть в газету, если они вообще какую-то получают. Место там захолустное.

— Но ты ведь, кажется, сказал, что у Граймторпа имеется алиби.

— Да, но мы его не проверяли.

— Но чтобы убить капитана, он должен был знать, что в ту ночь Кэткарт явится в кусты. Откуда, по-твоему?

Питер задумался.

— Может, сам назначил ему встречу. Допустим, послал к нему гонца, — предположила Мэри.

— Верно, верно! — обрадовался брат. — Помнишь, Паркер, мы думали, что Кэткарт так или иначе получил весточку от Гойлса с уговором о встрече, но предположим, это сообщение исходило от Граймторпа, угрожавшего рассказать Джерри о похождениях капитана.

— Вы предполагаете, лорд Питер, — попытался охладить своим тоном энергичную порывистость собеседника Мерблс, — что Кэткарт, будучи помолвлен с вашей сестрой, закрутил позорную интрижку с замужней женщиной социального положения намного ниже своего?

— Прошу прощения, Полли, — извинился брат.

— Все в порядке, — ответила Мэри. — Должна признаться, это бы меня не сильно удивило. Взгляды Дэниса на брак были скорее континентальными. Он не видел в нем чего-то важного. Сказал бы, что для всего должно быть время и место.

— Один из тех непроницаемых умов, — задумчиво проговорил Питер. А Паркер, несмотря на свое продолжительное знакомство с постыдными сторонами лондонской жизни, сурово нахмурился, выражая самое сильное провинциальное неодобрение, какое можно ждать от выпускника Барроу-ин-Фернс.

— Если бы вы сумели пошатнуть алиби Граймторпа, — предположил сэра Импи, скрещивая кончики пальцев правой и левой рук, — из этого что-нибудь могло бы получиться. Как считаете, Мерблс?

— И Граймторп и работник, — ответил солиситор, — оба признали, что в среду вечером Граймторпа в «Норе Грайдера» не было. Если он не сумеет доказать, что был в Степли, следовательно, он мог быть в Риддлсдейле.

— Вот именно! — вскричал Уимзи. — Поехал в одиночестве, где-то остановился, оставил кобылу, прокрался обратно, встретился с Кэткартом, уколошил его и на следующий день возвратился домой со сказкой о сельхозтехнике.

— Или даже побывал в Степли, — добавил Паркер, — но пораньше оттуда уехал или попозже приехал, а по дороге совершил убийство. Надо очень точно проверить время.

— Ура! — обрадовался Питер. — Кажется, я возвращаюсь в Риддлсдейл.

— А я бы лучше остался здесь, — сказал детектив. — Могут поступить новости из Парижа.

— Хорошо. Но сообщи, как только что-нибудь появится. И вот еще что...

— Да?

— Тебе не приходило в голову, что в этом деле слишком много зацепок? Куча народу носится по всей округе со всякими тайнами, побегами, любовниками...

— Я тебя ненавижу, Питер! — вскинулась Мэри.

Глава 11

Мерива⁵⁵

— Ох-хо, мой друг! Ты угодил в пруд Лоба.
*Джек — победитель Великанов*⁵⁶

Лорд Питер прервал свой путь на север в Йорке, куда после выездного заседания сессии присяжных вследствие надвигающегося закрытия Норталлертонской тюрьмы перевели герцога Денверского. После внятного убеждения ему удалось получить разрешение на свидание с братом. Тот явно был не в своей тарелке, угнетенный тюремной атмосферой, но оставался по-прежнему вызывающе непокорным.

— Не повезло, старина, — начал Питер, — но ты держишь хвост пистолетом. Маховик правосудия раскручивается чертовски медленно, но это дает нам время — так что все к лучшему.

— Невозможная волокита, — откликнулся его светлость. — А еще я хочу знать, что на уме у Мерблса. Приходит и пытается меня застрашать — удивительная дерзость. Могут подумать, что он меня подозревает.

— Послушай, Джерри, — весомо произнес Питер. — Почему бы тебе не отнестись к своему алиби без излишней щепетильности? Это могло бы помочь. В конце концов, если человек не говорит, что делал на улице...

— Не мое дело что-либо доказывать, — возмутился герцог. — Это их занятие доказать, что я был на том месте и совершил убийство. Я не собираюсь объяснять, где находился. Предполагается, что я невиновен, пока не доказано обратное. Разве не так? Позор! Совершено убийство, но никто даже не пытается выявить настоящего преступника. Я дал слово чести — не говоря о клятве перед судом, — что не убивал Кэткарта (хотя свинья этого заслуживал), но на это не обратили внимания. А настоящий преступник тем временем спокойно скрылся. Если бы я был на свободе, то поднял бы по этому поводу шум.

— Так почему бы тебе все не рассказать? Не мне и не сейчас. — Питер покосился на стоявшего в пределах слышимости охранника. — А Мерблсу. У нас появилось бы, с чем работать.

— Я хочу одного: чтобы ты держался от этого дела подальше, — проворчал герцог. — Хелен и матери досталось и так. Нечего им еще страдать, потому что тебе вздумалось поиграть в Шерлока Холмса. Не высовывайся ради блага семьи. Пусть я в плачевном положении, но ни за что не позволю выставять меня на потеху публики!

— Проклятье! — воскликнул Питер с такой силой, что вздрогнул стоящий с каменным лицом охранник. — Выставляешь ты себя сам! Исключительно по своей воле! Думаешь, мне нравится, что моего брата и сестру потащили в суд, куда сбежались репортеры, что твое имя в репортажах, газетах и на каждом шагу, и все это закончится представлением в палате лордов, где заседают облаченные в красное с горностаем личности и прочие клоуны? В клубе стали странно коситься на меня, и до моих ушей доносится шепот, что «позиция Денверов очень даже сомнительна».

— Мы в тяжелом положении, — вздохнул Джеральд, — и, слава богу, в сословии пэров еще много людей, которые умеют вести себя по-джентльменски, даже если мой собственный брат не видит ничего, кроме прогнившей юридической казуистики.

Сверля друг друга сердитыми взглядами, братья внезапно ощутили поднявшуюся из неизвестных недр близость, которую часто называют семейным родством, и их непохожие черты обрели сказочный эффект общей карикатуры. Слово каждый глядел в искривленное зеркало, а голосов было не два, а один с эхом.

⁵⁵ Мерива (искушение, укорение) — место в Синайской пустыне, где Израильтяне роптали на Моисея за недостаток воды.

⁵⁶ Сказочный герой-корнуоллец эпохи короля Артура — обладатель шапки-невидимки, шапки-мудрости, сапог-скороходов и богатырского меча.

— Послушай, старина, — заговорил Питер, приходя в себя. — Мне очень жаль. Не собирался вести себя подобным образом. Не хочешь ничего говорить — не говори. Мы работаем как черти и уверены, что вскоре обнаружим нужного человека.

— Оставил бы лучше это занятие полиции, — ответил Денвер. — Знаю, ты любишь играть в сыщика, но боюсь, что не знаешь меры.

— Я не рассматриваю это дело как игру, — парировал Уимзи. — Я считаю свою работу полезной и не брошу ее. Но тем не менее — честно — понимаю твою точку зрения. Очень жаль, что ты находишь меня вызывающим раздражение типом. Видимо, тебе трудно поверить, что я способен на какие-то чувства. Но это так. И я собираюсь вытащить тебя из переделки, чего бы нам с Бантером это не стоило. Ну, пока. Охранник проснулся и вот-вот скажет: «Время, господа». Встряхнись, старина. Удачи!

Он присоединился к Бантеру у выхода.

— Бантер, — спросил он дворецкого, пока они шли по улицам старого города, — неужели я в *самом деле* способен обидеть, если этого делать не намерен?

— Не исключено, милорд, если ваша светлость простит мне мои слова. Живость ваших манер вводит в заблуждение людей с ограниченным...

— Аккуратнее, Бантер!

— Людей с ограниченным воображением, милорд.

— У благовоспитанных англичан воображения нет.

— Разумеется, нет, милорд. Я не имел в виду ничего пренебрежительного.

— О господи, репортер! Бантер, спрячьте меня скорее!

— Сюда, милорд! — Бантер увлек господина в холодную пустоту собора и торопливо зашептал: — Осмелюсь предложить... Давайте примем позу и внешний вид молящихся, если вам будет угодно меня простить.

Питер сквозь сложенные пальцы увидел, что к ним с осуждающим выражением на лице приближается церковный служитель. В этот момент в храм вошел преследовавший их репортер и вытащил из кармана блокнот. Служитель поспешно переключился на новую добычу.

— Витраж, под которым мы стоим, — начал он почтительным распевом, — носит название «Семь сестер Йорка». Говорят, что...

Господин и слуга выскользнули наружу.

Для визита в торговый город Степли лорд Питер облачился в поношенный норфолкский костюм, гетры с отворотами, старинную круглую шляпу с выгнутыми вниз полями и крепкие башмаки. В руке он держал тяжелый ясеневоый хлыст. Питер с сожалением оставил дома любимую трость — крепкую коричневую палку, размеченную для сыска дела на дюймы, со стилетом внутри и компасом на ручке, — решив, что она может настроить против него местных — мол, городской, надменный, презрительный. Наступившие последствия такой похвальной преданности своему искусству ярко иллюстрирует наблюдение Гертруды Ред⁵⁷: «Самопожертвование — это не что иное, как печальная ошибка».

Питер въехал в сонный городок в одном из двухколесных риддлсдейлских экипажей — рядом Бантер, на заднем сиденье садовник. Если был бы выбор, он отправился бы сюда в рыночный день, надеясь повстречать самого Граймторпа, но время поджимало и он не решился пожертвовать ни одним днем. Стояло слякотное, промозглое утро, собирался дождь.

— Уилкис, есть здесь приличная гостиница, где можно остановиться?

— «Герб каменщиков» имеет хорошую репутацию, милорд. «Мост и бутылка» на площади. Или «Роза и корона» на другой стороне.

— Где обычно останавливаются в базарные дни?

— Наверное, в «Розе и короне», милорд. Там хозяин Тим Уотчет — редкостный болтун. А в «Мосте и бутылке» — Грег Смит, угрюмый сердитый мужик, но держит хорошую выпивку.

⁵⁷ Персонаж немого английского драматического фильма «Дорожные столбы» (1916).

— Гм... полагаю, *наш*, Бантер, скорее соблазнится грубостью и спиртным, чем радушным хозяином. Отправимся в «Мост и бутылку», а если там ничего не вспомнят, переберемся в «Розу и корону» и попытаемся воспользоваться словоохотливостью Уотчета.

Они свернули во двор большого здания с каменным фасадом, где обнаружилась давно не обновляемая вывеска с настоящим названием: «Осажденный мост». На ней виднелись очертания крепостного моста с зубцами и бойницами. Своеобразная манера художника и послужила причиной того, что местные жители не называли заведение иначе чем «Мост и бутылка» (в соответствии с естественной ассоциацией). К принявшему лошадь сварливому конюху дружелюбно обратился сам Питер:

— Какое противное промозглое утро.

— Да-а.

— Покормите хорошенько. Я здесь некоторое время пробуду.

— Угу.

— У вас сегодня не много народу?

— Угу.

— А в рыночные дни работы хватает?

— Да-а.

— Полагаю, люди приезжают со всей округи?

— Но!

Лошадь сделала три шага вперед.

— Тпру! — приказал конюх.

Животное остановилось. Конюх отцепил постромки с оглоблей, и они, упав на землю, громко проскрипели по гравию.

— Но!

Конюх спокойно повел лошадь в стойло, повернувшись к дружелюбному гостю спиной. С таким пренебрежением к этому отпрыску знатного рода еще никто не относился.

— Очень смахивает на то, — пробормотал его светлость, — что это любимый постоялый двор фермера Граймторпа. Посмотрим, что здесь за бар. Уилкис, вы пока мне не нужны. Если хотите, пообедайте. Мы здесь некоторое время пробудем.

— Хорошо, милорд.

В баре мистер Грег Смит мрачно просматривал длинный счет. Лорд Питер попросил у него напитки для Бантера и себя. Хозяин гостиницы, посчитав это вольностью, кивнул в сторону буфетчицы. После этого роли гостей совершенно естественным образом разделились — Бантер, поблагодарив господина за полпинты, заговорил с девушкой, а лорд Питер почтил вниманием мистера Смита.

— Хороший вкус, мистер Смит, — похвалил он. — Мне порекомендовали заглянуть к вам ради хорошего пива, и я понимаю, что попал куда надо.

— Кхе... Теперь не то, что было раньше.

— По мне, лучшего не надо. Кстати, мистер Граймторп сегодня здесь?

— А?

— Мистер Граймторп сегодня утром в Степли?

— Откуда мне знать?

— Мне казалось, он всегда заворачивает к вам.

— Мм...

— Может, я перепутал название. Я знаю его как человека, который идет туда, где лучшее пиво.

— А?

— Если вы его не видали, значит, он сегодня не приехал.

— Куда?

— В Степли.

— Разве он не из здешних? Может приезжать и уезжать без моего ведома.

— О, конечно. — Уимзи замялся, но, похоже, понял, в чем ошибка. — Я имею в виду Граймторпа не из Степли, а Граймторпа из «Норы Грайдера».

— Так бы и говорили.

— Он сегодня здесь?

- Нет. Не знаю.
- Он же приезжает в рыночные дни?
- Иногда.
- Путь неблизкий. Думаю, придется ночевать.
- Хотите заночевать?
- Пожалуй, нет. Я о своем друге Граймторпе. Ему же часто приходится ночевать?
- Случается.
- Он останавливается здесь?
- Нет.

— О! — воскликнул лорд Питер и нетерпеливо подумал: «Если все местные такие же златоусты, мне и в самом деле придется тут ночевать». А вслух продолжил: — Когда он заглянет в следующий раз, скажите, что я о нем спрашивал.

— А кто вы такой? — неприязненно поинтересовался хозяин гостиницы.

— Брукс из Шеффилда, — ответил Уимзи и широко улыбнулся. — До свидания. Я буду рекомендовать ваше пиво.

Смит хмыкнул, и Питер не спеша вышел. Вскоре к нему энергичным шагом присоединился Бантер. Его губы складывались в то, что у другого человека можно было бы принять за самодовольную ухмылку.

— Ну и как? — спросил господин. — Надеюсь, молодая дама более общительна, чем этот тип?

— Я нашел юное создание очень милым, — ответил Бантер. (А Уимзи подумал: «А мною опять пренебрегли».) — Но, к сожалению, малоинформированным. Мистер Граймторп ей небезызвестен, но он здесь не останавливается. Иногда она его видит в компании человека, которого зовут Седекия Боун.

— Давайте так: вы займетесь Боуном и через пару часов доложите, что удалось выяснить, — предложил господин, — а я попытаю счастья в «Розе и короне». Встретимся в полдень под этой штукой.

«Эта штука» представляла собой высокую конструкцию из красного гранита, искусно обработанного так, чтобы изображать грубую скалу. Ее охраняли два каменных пехотинца в полевых шлемах. Из бронзовой шишки на половине высоты струился тонкий ручеек воды, на восьмиугольном основании были выбиты имена павших на войне, а четыре газовых фонаря на чугунных столбах добавляли последний штрих к общей несочетаемости элементов композиции. Бантер внимательно посмотрел на монумент, видимо, опасаясь, что через пару часов может его не признать, и почтительно удалился. Питер сделал несколько быстрых шагов в сторону «Розы и короны», и вдруг ему пришла в голову мысль.

— Бантер!

Дворецкий поспешил обратно.

— Нет, ничего. Ерунда. Я только подумал, как это можно назвать.

— Что именно, ваша светлость?

— Этот памятник, — ответил господин. — Я придумал ему название «Мерива».

— Да, милорд. Воды раздора. Очень подходит. В нем нет никакой гармонии, если мне будет позволено судить. Что-нибудь еще, милорд?

— Нет, это все.

Тимоти Уотчет из «Розы и короны» представлял Грегу Смиту разительный контраст. Это был спокойный внимательный коротышка лет пятидесяти пяти, с насмешливой искоркой в глазах и так лихо вздернутой головой, что Питер догадался о его происхождении, как только увидел.

— Доброе утро, хозяин, — радушно поздоровался он. — Когда вы в последний раз видели Пикадилли-Серкус?

— Трудно сказать, — ответил Смит. — Лет тридцать пять назад. Сколько раз я говорил жене Лизе: «Пока жив, давай свожу тебя посмотреть «Холборн Эмпайр». Но время бежит, дни похожи друг на друга, и, разрази меня гром, если я помню, сколько мне стукнуло лет.

— У вас еще много времени, — успокоил его лорд Питер.

— Надеюсь, сэр. Я не то что эти северяне — еле шевелятся. Когда я сюда приехал, от их медлительности чуть не подскакивал. А как говорят? Не сразу привыкнешь. Это разве английский?

По мне, уж лучше французики в ресторане «Шантеклер». Тут повсюду этот их диалект. Провалиться мне на этом месте, если однажды сам не завоплю: «Загребай на другую сторону дороги!» Это я-то!

— Превратиться в йоркширца вам не грозит, — успокоил его лорд Питер. — Я это понял, как только вас увидел. В вашем баре я себе сказал: «Моя нога ступила на родные камни».

— Это так, сэр. И раз вы здесь на них ступили, позвольте мне вас чем-нибудь угостить. Простите, сэр, я не мог вас где-нибудь видеть?

— Не думаю. Но это мне напомнило о цели моего визита. Вы знаете мистера Граймторпа?

— Я знаю пятерых Граймторпов. Вы о котором из них?

— О Граймторпе из «Норы Грайдера».

Живое лицо хозяина гостиницы потемнело.

— Ваш приятель, сэр?

— Не совсем. Знакомый.

— Вспомнил! — Уотчет стукнул ладонью по барной стойке. — Понял, откуда мне известно ваше лицо. Вы же живете в Риддлсдейле?

— Останавливаюсь там.

— Знаю! — торжествуя провозгласил Уотчет, нырнул под стойку и вытащил стопку газет. Он обильно оближал большой палец и перелистал страницы. — Вот! То, что требуется! Риддлсдейл!

Уотчет распахнул «Дейли миррор» примерно двухнедельной давности. На первой странице красовался заголовок во всю полосу: «Риддлсдейльская тайна». И ниже — фотография как живого Питера с подписью: «Лорд Питер Уимзи — Шерлок Холмс Уэст-Энда — тратит все свое время и силы, чтобы доказать невинность брата, герцога Денверского».

— Не сочтите за обиду, милорд, если скажу, как я горд, что вы в моем баре. Здесь все ваши дела прямо как в книге.

— Послушайте, старина, говорите тише, — попросил лорд Питер. — Если уж, как говорится, кот выскочил из мешка, как по вашему, вы сможете предоставить мне кое-какую информацию, но при этом держать язык за зубами?

— Пойдемте в заднюю комнату, — тут же предложил хозяин заведения. — Там нас никто не услышит. Возьмите бутылку на свой вкус.

— Не знаю, сколько мест мне еще предстоит посетить, — с сомнением проговорил его светлость.

— Тогда подойдет кварта старого эля. Нигде нет такого, разве что в Оксфорде. Замечательная штука, милорд.

Информация Уотчета оказалась под стать напитку. Граймторп часто заходил в «Розу и корону», особенно в рыночные дни. Дней десять назад он заглянул довольно поздно, пьяный, на взводе, с женой, которая, как всегда, казалось, его боялась. Потребовал спиртного, но Уотчет отказался его обслужить. Вспыхнул скандал, миссис Граймторп попыталась увести мужа, но тот сбил ее с ног и грязно обозвал. Уотчет позвал подручного, чтобы тот выгнал разбушевавшегося гостя, и предупредил, что больше не желает его видеть. Вокруг говорили, что скандальный характер Граймторпа в последнее время стал поистине дьявольским.

— Не сможете сказать, когда это с ним началось?

— Если поразмыслить, особенно сильно с середины прошлого месяца или чуть раньше.

— Так-так!

— Только не подумайте, милорд, я не наговариваю.

— Конечно, нет. С какой стати?

— Вот именно. А здесь бы спросили так: «С какого перепугу?»

— Скажите, — продолжал Питер, — вы не помните, чтобы Граймторп приезжал в Степли тринадцатого октября? Это была среда.

— Постойте... точно, приезжал. Я еще удивился, чего это он заявился не в рыночный день. А он сказал: за техникой, бурами — чем-то таким. Не сомневайтесь, был.

— Можете припомнить, когда он приехал?

— Сейчас... Кажется, в обед. Официантка должна помнить. Бет, дорогуша, — крикнул он в боковую дверь, — мистер Граймторп обедал у нас в среду, тринадцатого октября? Это был тот день, когда в Риддлсдейле произошло убийство.

— Граймторп из «Норы Грайдера»? — переспросила работница, сочная йоркширская девица. — Да. Поел и снова пошел спать. Я ничего не путаю — он за все дал мне чаевые два пенса.

— Чудовищно! — возмутился лорд Питер. — Послушайте, мисс Элизабет, вы уверены, что это было тринадцатого? Видите ли, я поспорил по этому поводу с приятелем и не хочу, чтобы мои деньги пропали. Вы точно помните, что он ночевал со среды на четверг? Я утверждал, что с четверга на пятницу.

— Нет, сэр, со среды на четверг. Я слышала, как на следующий день люди говорили в баре про убийство.

— Похоже на правду. А что говорил насчет него сам Граймторп?

— Тут и спрашивать нечего, — ответила девушка. — Все заметили, как он странно себя вел. Побелел, как лист бумаги, смотрел то на одну руку, то на другую, сбил волосы на лоб — совсем обезумел. Мы решили, что перебрал. Он вообще чаще пьяный, чем трезвый. За пять сотен фунтов не вышла бы за него замуж!

— Вам достанется гораздо лучшая доля. Да... спор я, судя по всему, проиграл. Кстати, когда мистер Граймторп пошел спать?

— Ближе к двум утра, — девушка покачала головой. — Дверь на улицу была заперта, и Джему пришлось спуститься и ему открыть.

— Вот как? — воскликнул Питер. — Тогда я могу попробовать сыграть на формальностях. Ведь два ночи — это уже не среда, а ближе к четвергу. Правильно, мистер Уотчет? Большое спасибо. Это все, что я хотел узнать.

Бет улыбнулась и, удивляясь щедрости странного джентльмена, такой отличной от скупердяйства Граймторпа, ушла. Питер поднялся.

— Чрезвычайно вам обязан, мистер Уотчет, — сказал он. — Теперь перемолвлюсь словом с Джемом. А вы никому ничего не рассказывайте.

— Буду нем как могила. Удачи, милорд.

Джем подтвердил слова Бет: пьяный, заляпанный грязью Граймторп пришел без десяти два четырнадцатого октября. Пробормотал, что наткнулся на какого-то Ватсона.

Затем поговорили с конюхом. Тот считал, что никто бы не сумел вывести ночью без его ведома лошадь. Ватсона он знал. Тот работал развозчиком и жил на Уиндоу-стрит. Лорд Питер отблагодарил информатора за сведения и отправился по указанному адресу.

Но рассказ о его поисках получился бы утомительным. В четверть первого он встретился с Бантером у памятника «Мерива».

— Есть успехи?

— Кое-что добыл, милорд, и должным образом записал. Расходы на пиво на себя и свидетелей составили семь шиллингов два пенни.

Лорд Питер, не говоря ни слова, выдал указанную сумму, и они направились в «Розу и корону». Там, потребовав отдельный кабинет и заказав обед, принялись составлять расписание.

ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ГРАЙМТОРПА Со среды 13 октября на четверг 14 октября

13 октября

12:30 — Прибытие в «Розу и корону».

13:00 — Обед.

15:00 — Заказывает два бура у человека по фамилии Гуч на Триммер-лейн.

16:30 — Выпивает с Гучем, чтобы закрепить сделку.

17:00 — Заглянул в дом развозчика Джона Ватсона сказать, чтобы тот доставил ему корм для собак. Того дома не оказалось. Жена Ватсона сказала, что муж будет к вечеру. Г. пообещал, что еще вернется.

17:30 — Зашел к бакалейщику Марку Долби пожаловаться на качество консервированной лососины.

17:45 — Зашел к оптику Хьюитту заплатить по счету за очки и поспорить по поводу суммы.

18:00 — Выпивает с Седекией Боуном в «Мосте и бутылке».

18:45 — Снова зашел к миссис Ватсон. Сам Ватсон еще не вернулся.
19:00 — Констебль Z15 видел, как Г. выпивал с несколькими людьми в «Свинье и свистке». Слышали, как он грозил какому-то неизвестному.
19:20 — Замечен, когда покидал «Свинью и свисток» с двумя (пока неустановленными) мужчинами.

14 октября

01:15 — Промокший, раздраженный и не совсем трезвый встречен Ватсоном примерно в миле отсюда на дороге из Риддлсдейла.
01:45 — Повар Джеймс Джонсон выпускает Г. в «Розу и корону».
09:00 — К нему заглядывает Элизабет Доббин.
09:30 — В баре «Розы и короны». Слышит об убийстве в Риддлсдейле. Ведет себя подозрительно.
10:15 — Получает по чеку в «Банке Ллойда» 129 фунтов 17 шиллингов 8 пенни.
10:30 — Расплачивается с Гучем за буры.
11:05 — Покидает «Розу и корону» и отправляется в «Нору Грайдера».

Лорд Питер несколько минут вглядывался в лист, затем указал пальцем в большой разрыв в шесть часов после девятнадцати двадцати.

— Как далеко отсюда до Риддлсдейла, Бантер?

— Примерно тринадцать с тремя четвертями миль, милорд.

— Выстрел слышали в двадцать три пятьдесят. Пешком не успеть. Ватсон объяснил, почему приехал домой только к двум утра?

— Да, милорд. Он говорит, что рассчитывал вернуться примерно к одиннадцати вечера, но его лошадь между Кингс-Фентоном и Риддлсдейлом потеряла подкову. Пришлось три с половиной мили аккуратно вести ее в Риддлсдейл, где он оказался около десяти, и стучаться к кузнецу. До закрытия просидел в трактире «Господь во славе», зашел к приятелю, где выпили еще. В двенадцать сорок отправился домой и примерно в миле отсюда на перекрестке встретил Граймторпа.

— Подробностей достаточно. Кузнец и приятель должны подтвердить. Нам только надо найти этих людей в «Свинье и свистке».

— Да, милорд. Попробую после обеда.

Обед оказался хорошим, но похоже, на этом удача сегодня их покинула: к трем часам людей не обнаружили, и след начал остывать.

Но в расследование внес свой вклад грум Уилкис. В обед он встретил человека из Кингс-Фентона, и они, естественно, заговорили о таинственном убийстве в Риддлсдейл-лодже. Знакомый сказал, что знает живущего в домике на холме Фелл старика, и тот видел, как в ночь убийства через Уэмелинг-Фелл шел какой-то мужчина.

— Меня вдруг осенило, уж не его ли светлость герцог Денверский, — пояснил Уилкис.

Знакомого старика, как выяснилось, зовут Грут, и Уилкис может запросто показать лорду Питеру и Бантеру начало тропы, которая ведет к его домику.

Прислушивался бы Питер к совету брата и уделял бы больше внимания английским видам спорта, чем инкунабулам и преступности в Лондоне, или вырос бы Бантер на болотах, а не в кентской деревне, или не пыжился бы Уилкис (а ведь он по рождению и воспитанию йоркширец, поэтому должен был бы вести себя по-другому) от сознания собственной значимости, подсказав зацепку, или обладали бы все трое здравым смыслом — это абсурдное предложение никогда бы не прозвучало и его бы не попытались реализовать ноябрьским днем в Северном Райдинге. Но Питер и Бантер, оставив двуколку без десяти четыре у начала болотной тропы и отпустив Уилкиса, принялись упорно подниматься к крошечному домику на краю холма.

Старик оказался абсолютно глух и за полчаса допроса не сильно пролил свет на обстоятельства дела. Октябрьской ночью — он считал, что это именно ночь убийства — он сидел у разведенного из торфа огня, когда, как он полагал, около полуночи из темноты вынырнул высокий мужчина. По разговору южанин, он сказал, что заблудился на болотах. Старик Грут подошел к

двери и показал на дорогу к Риддлсдейлу. Незакомец, вложив ему в ладонь шиллинг, исчез. Как он точно был одет, старик сказать не смог — только заметил на голове мягкую шляпу, плащ и вроде бы бриджи. Впоследствии он убедил себя, что это была действительно ночь убийства: переварил все в мозгу и решил, что незнакомец мог быть каким-либо молодым джентльменом из Лоджа — возможно, самим герцогом. Пришел к такому выводу в результате долгих раздумий, но дальше не продвинулся, не зная, куда и к кому обратиться.

Удовлетворившись тем, что получили, Питер и Бантер дали Груту полкроны и где-то после пяти часов вечера вышли на болота.

— Вот что, Бантер, — начал в сумерках герцог, — я аб-со-лют-но уверен, что разгадка всей этой истории находится в «Норе Грайдера».

— Вполне возможно, милорд.

Питер показал пальцем на юго-восток.

— «Нора Грайдера» там. Пойдемте.

— Очень хорошо, милорд.

Два лондонских простака, они решительными шагами направились по болотной тропе в сторону «Норы Грайдера», не замечая тихо наползавшей на них с одинокого холма в ноябрьских сумерках белой угрозы.

— Бантер!

— Я здесь, милорд.

Голос раздался где-то рядом.

— Слава богу, а то я уж решил, что вы вовсе исчезли. Уж это точно надо было предусмотреть.

— Да, милорд.

Белое марево накрыло их сзади одним броском, плотное, холодное, удушающее, отделяя друг от друга, хотя расстояние между ними было всего ярд или два.

— Я идиот, Бантер, — признался Питер.

— Вовсе нет, милорд.

— Не отходите далеко и не молчите, продолжайте говорить.

— Ладно, милорд.

Питер пошарил наугад справа и схватил компаньона за рукав.

— Что же нам теперь делать?

— Не могу сказать, никогда в такое не попадал. У этого... э-э-э... явления есть какая-нибудь особенность?

— Что бы какая-то постоянная — не думаю. Иногда движется, иногда днями стоит на месте.

Переждем ночь — может, на рассвете рассеется.

— Хорошо, сэр. Только, к сожалению, сыровато.

— Сыровато — это вы правильно заметили, — согласился, усмехнувшись, его светлость.

Бантер чихнул и вежливо извинился.

— Если мы будем двигаться на юго-восток, то непременно попадем к «Норе Грайдера», — продолжал Питер. — Нас придется пустить на ночь или предоставить сопровождающего. У меня в кармане фонарь, а пойдем мы по компасу. О черт!

— Что такое, милорд?

— У меня не та палка — без компаса. Проклятье! Мы попались!

— Разве нельзя все время идти вниз по склону, милорд?

Питер задумался. Из того, что он читал или слышал, получалось, что в тумане все равно, как идти: вниз или вверх. Но человек прячется в собственном тщеславии — ему трудно поверить в свою беспомощность. Холод пробирал до костей.

— Можно попробовать, — ответил он вяло.

— Говорят, что в тумане люди ходят кругами. — Бантер запоздало оробел.

— Только не на склоне, — возразил лорд Питер, начиная из чистого упрямства смелеть.

Бантер такого не испытывал, поэтому был неважным советчиком.

— Хуже, чем есть, не будет, — заключил господин. — Пойдемте. И будем все время кричать.

Он взял Бантера за руку, и они осторожно двинулись в стылую гущу тумана.

Сколько длился этот кошмар, ни один из них сказать не мог. Мир вокруг померк. Их пугали собственные голоса, но когда они замолкали, тишина страшила еще сильнее. Они натыкались на заросли густого вереска. Удивительно, насколько небольшие неровности почвы кажутся непреодолимыми лишенному зрения человеку. Они уже весьма слабо понимали, поднимаются или спускаются, дрожали от холода, но от страха и напряжения по лицам стекал пот.

Внезапно, как показалось — прямо впереди и всего в нескольких ярдах, взметнулся к небу жуткий протяжный крик, затем еще и еще.

— Господи, что это?

— Лошадь, милорд.

— Ну конечно. — Они помнили такие лошадиные вопли. Неподалеку от Попринджа как-то горела конюшня...

— Бедняга! — Питер невольно подался в сторону звука и выпустил руку Бантера.

— Назад, милорд! — в ужасе воскликнул тот, а затем его пронзило внезапное понимание. — Ни шагу больше, милорд! Там болото!

Резкий крик в кромешной темноте был ему ответом.

— Стойте, не подходите ближе! Меня затягивает.

И следом ужасный чавкающий звук.

Глава 12

Алиби

Оказавшись в лапах могучего дикого прожорливого зверя — не до долгих размышлений, как от него освободиться.

Э. Брам. Бумажник Кай Люня

— Прямо в трясину угодил, — сообщил из темноты ровный голос Уимзи. — Засасывает очень быстро. Не подходите, а то тоже провалитесь. Давайте еще покричим. Думаю, мы не так далеко от «Норы Грайдера».

— Если ваша светлость не будет замолкать, думаю... я смогу... до вас добраться. — Бантер пыхтел, потому что при этом пытался развязать зубами тугой узел на мотке веревки.

— Эй! — послушно завопил лорд. — На помощь! Эй! Эй!

Дворецкий, осторожно ощупывая палкой перед собой землю, двинулся на крик.

— Лучше бы вам держаться подальше, Бантер, — проворчал лорд Питер. — О чем мы только думали? — Он снова начал барахтаться, и болото под ним захлупало.

— Не надо, милорд! — взмолился Бантер. — Станете быстрее погружаться.

— Я уже ушел по бедра, — сообщил Питер.

— Я иду. Продолжайте кричать. Вот здесь уже топко.

Тщательно ощупывая почву, Бантер выбрал относительно твердый участок и воткнул туда палку.

— Эй! На помощь! — не умолкал его светлость.

Один конец веревки Бантер привязал к палке, туго перепоясался поверх плаща, лег на живот и пополз вперед с мотком в руке, напоминая готического Тесея позднего и упаднического периода. Болото колыхалось под ним, липкая жижа заливала лицо. Он искал руками островки с травой и пытался на них опираться.

— Подайте голос, милорд!

— Я здесь!

Звук был слабее и шел справа. Охотясь за кочками, Бантер слегка потерял направление.

— Быстрее не решаюсь. — Ему казалось, что он ползет целую вечность.

— Уходите, пока есть возможность, — попросил Питер. — Я уже по пояс. Черт! Неважный способ перехода в иной мир.

— Не перейдете, — отозвался Бантер. Его голос неожиданно прозвучал совсем рядом. — Давайте руки.

Несколько мучительных минут две пары рук вслепую ощупывали осклизлый ил. Затем Бантер сказал:

— Замрите! — И стал медленно шарить по кругу.

Держать при этом лицо над жижей оказалось совсем не просто. Руки скользили по липкой поверхности и вдруг наткнулись на предплечье герцога.

— Слава богу! Держитесь, милорд.

Бантер ощупал пространство впереди — плечи герцога были в опасной близости от затягивающей трясины. Он схватил Питера под мышки и потянул вверх. От этого усилия его собственные колени глубже ушли в болото. Он поспешно снова лег ровно. Без твердой опоры тонущего не вытащить, дальнейшие попытки означали неминуемую смерть. Оставалось держаться до тех пор, пока не подоспеет помощь. Или пока не покинут силы. Он даже не мог кричать — был способен только на то, чтобы не давать воде заливать рот. Напряжение плеч было невыносимым, попытка вдохнуть приводила к мучительной судороге мышц шеи.

— Милорд, вы должны продолжать кричать.

Питер крикнул. Его голос сорвался и замер.

— Бантер, старина, — наконец выдал он, — извините, что втравил вас в это.

— Перестаньте, милорд! — Дворецкий выплюнул тину, и его внезапно осенило: — Где ваша палка?

— Уронил. Должна быть где-то рядом, если не утонула.

Бантер осторожно высвободил левую руку и пошарил вокруг.

— Эй! Эй! На помощь!

Пальцы Бантера сомкнулись на палке, которая по счастливой случайности упала на крепкий островок с травой. Он подтянул ее к себе и положил поперек рук так, чтобы опереть на нее подбородок. Облегчение для шеи было настолько ощутимым, что к нему вернулось мужество. Он почувствовал, что способен бороться сколько угодно долго.

— На помощь!

Минуты казались часами.

— Что-нибудь видите?

Где-то справа показался мерцающий свет. Оба с отчаянной силой закричали разом:

— На помощь! На помощь! Эй, эй, на помощь!

Ответный крик. Свет переместился, приблизился — размытое пятно в тумане.

— Надо продолжать, — прохрипел Уимзи, и они снова закричали.

— Вы где?

— Здесь!

Тишина. Затем голос неожиданно близко:

— Тут веревка.

— Идите по ней! — закричал Бантер.

Два голоса явно спорили. Затем веревка дернулась.

— Здесь! Здесь! Мы вдвоем! Поспешите!

Опять совещание.

— Можете еще продержаться?

— Да, если недолго.

— Нужно взять плетень. Говоришь, вас двое? Сильно увязли?

— Один сильно.

— Терпите. Джем на подходе.

Всплеск объявил о приближении Джема. Снова бесконечное ожидание. Новый кусок плетня шлепнулся в болото, и веревка дернулась. Фонарь бешено заплясал. После третьего всплеска свет внезапно вынырнул из тумана, и Бантер почувствовал, что его схватили за лодыжку.

— Где другой?

— Здесь. Ушел почти по шею. У вас есть веревка?

— А как же. Джем, веревку!

Веревка зазмеилась из тумана. Бантер обвязал ее вокруг господина.

— А теперь ползи назад и помогай тянуть.

Бантер осторожно переполз по плетню на сушу, и они в шесть рук потащили. Казалось, они тянут из болота бегемота.

— Боюсь, я провалился до самой Австралии, — извинялся Питер.

— Нормально. Подается.

Веревка дрожала, мускулы трещали.

Внезапно с громким бульканьем болото освободило добычу, и трое с веревкой в руках опрокинулись навзничь на плетень. Нечто бесформенное, неузнаваемое лежало перед ними в грязи и тяжело дышало. Они кинулись к нему в каком-то исступлении, словно трясина могла снова отнять это у них. Густое болотное зловоние висело вокруг. Подхватив Питера, они поспешили назад: по первому плетню, по второму, по третьему — и, шатаясь, встали на твердую землю.

— Что за адское место, — едва слышно проговорил лорд Питер. — Извините. Глупо с моей стороны: я забыл, как ваше имя.

— Вам повезло, — сказал один из спасителей, — что мы услышали крики. Мало кто потащился бы в эту топь в такой туман. Пускай тонут — наплевать.

— Вот я чуть и не утонул, — кивнул его светлость и потерял сознание.

Прибытие в фермерский дом в «Норе Грайдера» вспоминалось Питеру жутким кошмаром. Туман клубился в свете камина, просочившись вместе с ними в открытую дверь. Висячая лампа выглядела размытым пятном. Миссис Граймторп склонилась над ним — ужасно бледное лицо в обрамлении черных волос и пронзительные глаза, как у Медузы. Медузу схватила за плечо волосатая рука и оттащила прочь.

— Бесстыжая! На уме одни мужики! Не суйся, пока тебя не просят.

Голоса, голоса и любопытные лица вокруг.

— Что вас ночью понесло на болото? В туман в такую пору туда может забрести только дурак или вор.

Один из мужчин, работник с кривыми плечами и злым костлявым лицом, внезапно немелодично запел:

Эй, куда ты сегодня без шляпы ходил?
С Мэри Джейн на болоте без шляпы крутил...⁵⁸

— Заткнись! — рявкнул Граймторп. — Если не хочешь, чтобы я переломал тебе кости! — Он повернулся к Бантеру. — Валите отсюда. Нечего вам здесь делать!

— Но, Уильям... — начала его жена. Он резко, по-собачьи вскинулся на нее, и она отпрянула.

— Не теперь, не теперь, — возразил человек, в котором Питер смутно признал того, с кем познакомился в прошлый визит сюда. — Куда им в ночь? Хочешь проблем с обитателями Лоджа или даже с полицией? Если этот парень может чем-то навредить, то уже навредил. Сегодня он безопасен. Взгляни на него. Подвиньтесь к огню, — сказал он Бантеру и снова повернулся к фермеру. — Нам не поздоровится, если они уйдут и загнутся от воспаления легких или еще от чего-нибудь.

Довод, казалось, убедил Граймторпа, и он поворчал, но сдался. И двое промокших измученных несчастных расположились у огня. Кто-то принес два больших бокала горячего спиртного. Голова Питера сначала прояснилась, а затем пьяно поплыла.

Он понял, что его перенесли наверх и уложили в постель. Большая старомодная комната с горящим камином и огромная мрачная кровать с пологом. Бантер помогал расстаться с промокшей одеждой и растирал. Время от времени ему на помощь приходил другой мужчина. Снизу доносился нечестиво-громкий, раскатистый рык Граймторпа и хрипкое пение обладателя кривых плеч.

Черви тебя без остатка съедят,

⁵⁸ Йоркширская народная песня — неофициальный гимн Йоркшира

Утки к червям на болото летят...

Лорд Питер перевернулся в кровати.

— Бантер, вы в порядке? Так и не поблагодарил вас — не знаю, что сказать... А теперь спать.

Он погрузился в сновидения. Старая песня долетала наверх, издевательски вводя свои жуткие образы в его сны:

Мы на болота за ними придем,
Уток уьем, с потрохами сожрем...
Вот так, вот так, вот так...

Когда Уимзи вновь открыл глаза, в окно глядело тусклое ноябрьское солнце. Туман, исполнив свою миссию, рассеялся. Некоторое время Питер лежал, смутно припоминая, как здесь очутился, затем вернулись проблески сознания, мысли окрепли, и грезы сменились привычным грузом ответственности. Питер ощутил телесную усталость и боль в растянутых мышцах плеч. Быстро себя осмотрев, он обнаружил синяки и ссадины под мышками, на груди и плечах — там, где кожи касалась спасительная веревка. Движения вызывали боль, он лег и снова закрыл глаза.

Отворилась дверь, впуская Бантера, аккуратно одетого и с подносом, который распространял восхитительный аромат ветчины и яиц.

— Приветствую, Бантер.

— Доброе утро, милорд. Надеюсь, ваша светлость, вы отдохнули.

— Как огурчик. А собственно, при чем здесь огурец? Здоров, если не считать, что меня массировал человек со стальными пальцами и невероятно бугристыми костяшками. Как вы?

— Спасибо, милорд. Руки немного побаливают, но должен с радостью сказать, других последствий нашего несчастного приключения нет.

Он опустил поднос на уже подставленные колени лорда Питера.

— У всех полопались глаза, не иначе, столько времени меня оттуда тащили. Я перед вами в неоплатном долгу, Бантер: отплатить невозможно, нечего и пытаться, — но не забуду, учтите. Нить и плакаться больше не стану. Большое спасибо. Итак? Вам отвели пристойное место, где выспаться? У меня вчера не было сил встать и удостовериться.

— Я прекрасно выспался. Спасибо, милорд, — ответил Бантер, указав на нечто вроде складной кровати в углу. — Мне предложили другую комнату, но в сложившихся обстоятельствах я предпочел остаться с вами, надеясь, что ваша светлость простит мне такую вольность. Сказал, что опасаясь воздействия на здоровье вашей светлости долгого погружения в болото. А еще сомневался в намерениях Граймторпа. Боялся, что он может пренебречь гостеприимством и, если мы будем не вместе, способен предпринять какое-нибудь необдуманное действие.

— Не удивился бы. Такой бандитской рожи мне еще не приходилось видеть. Хочу этим утром поговорить с ним или с миссис Граймторп. Клянусь, ей есть что рассказать. Как считаете?

— На мой взгляд, в этом мало сомнений, милорд.

— Проблема в том, — продолжал Уимзи, прожевывая яйцо, — что я не знаю, как к ней подобраться. Муженек самым гнусным образом подозревает любого в брюках, кто решается к ней приблизиться. Если он обнаружит, что мы беседуем с ней частным порядком, может, как вы выражаетесь, психануть и совершить что-нибудь прискорбное.

— Именно, милорд.

— Но этому мужлану все-таки нужно время от времени присматривать за своей ужасной старой фермой, и вот в этот момент, мы, возможно, сумеем с ней пообщаться. Странная женщина, но чертовски привлекательная, верно? Интересно, что она нашла в Кэткарте? — добавил задумчиво Питер.

По этому деликатному поводу мистер Бантер предпочел не высказываться.

— Что ж, Бантер, пора вставать. Судя по выражению глаз хозяина вчера вечером, нашему присутствию здесь отнюдь не рады.

— Не рады, милорд. Он очень не хотел, чтобы вас перенесли в эту комнату.

— Чья она?

— Его и миссис Граймторп, милорд. Самая удобная на тот момент: огонь в камине разведен, кровать постелена. Миссис Граймторп проявила большое великодушие, а человек по имени Джейк указал Граймторпу, что для его финансовых обстоятельств будет, безусловно, полезнее, если он станет обходиться с вашей светлостью с должным уважением.

— Гм... проницательная натура. А мне пора подниматься и освобождать помещение. Черт, меня всего сводит. Бантер, мне есть во что одеться?

— Я высушил и, насколько мне удалось, вычистил костюм вашей светлости. Разумеется, не идеально, но в нем можно добраться до Риддлсдейла.

— Не думаю, чтобы улицы были запружены людьми, — кивнул Питер. — Вот о чем я мечтаю, так о горячей ванне. Как насчет воды для бритья?

— Могу добыть на кухне, милорд.

Бантер вышел, а лорд Питер, натянув с ворчанием и стонами рубашку, поковылял к окну. Как водится у закоренелых деревенских жителей, оно было накрепко закрыто, а чтобы рама не дребезжала, в щель запихнули скрученную полосу бумаги. Он выдернул ее и распахнул створку. По комнате весело прокатился пропитанный запахом болотного торфа ветерок. Питер с наслаждением его вдохнул. Он радовался чудесному ноябрьскому солнцу — противно было думать о мерзкой смерти в гнилой трясине. Несколько минут он мысленно возносил благодарность за непрерывное существование, затем отошел продолжить туалет. Жгут бумаги был по-прежнему в его руке. Питер собирался бросить его в огонь, когда его внимание приковало написанное слово. Он развернул жгут, а когда прочитал это слово, его брови поползли вверх, а губы сложились в гримасу внезапного озарения. Вернулся Бантер с горячей водой и застал господина с какой-то бумагой в одной руке и носком — в другой, тихо насвистывающим пассаж из Баха.

— Бантер, — начал его светлость, — я самый законченный идиот во всем христианском мире. Не вижу того, что у меня под носом. Хватаю телескоп и ищу объяснения в Степли. Меня следует распять вверх ногами и таким образом попытаться вылечить от малокровия мозга. Джерри! Джерри! Неужели не очевидно? Старый дуралей! Почему он не мог сказать Мерблсу или мне?

Бантер сделал шаг вперед и застыл в позе почтительного недоумения.

— Вот оно! — Уимзи истерически рассмеялся. — О господи! Запихнуть в оконную раму, чтобы кто-нибудь нашел. Очень похоже на Джерри! Оставить на видном месте с написанным аршинными буквами собственным именем и тихо, по-рыцарски удалиться.

Бантер во избежание несчастного случая поставил кувшин с водой на умывальный стол и взял бумагу.

Это было утраченное письмо от Томми Фриборна.

Никаких сомнений. Вот она — улика, устанавливающая истинность показаний Денвера. Более того — устанавливающая его алиби в ночь с тринадцатого на четырнадцатое число.

Не Кэткарта — Денвера.

Денвер предложил охотничьей компании вернуться в октябре в Риддлсдейл, где они в августе открыли охоту на куропаток. В половине двенадцатого он поспешно выскользнул из дома и прошел по полям две мили: в ту ночь, когда фермер Граймторп уехал за оборудованием, — легкомысленно заткнув гремевшую от ветра раму важным документом и выставив, таким образом, на всеобщее обозрение свое имя. В три утра он, словно загулявший кот, возвращался домой и у оранжереи наткнулся на труп Кэткарта, а потом, со своими идиотскими джентльменскими понятиями о чести, предпочел отправиться в тюрьму, чем сообщить солиситору, где провел ночь. Запудрил мозги всем, но теперь — в семь утра, на восходе солнца — тайна прояснилась. Женщина решила, что слышит голос Денвера, выскочила навстречу и оказалась в объятиях его брата. А Денвер, чтобы защитить ее репутацию, спокойно привел в движение огромный скрипучий механизм правосудия, которое в отношении его могут вершить только равные по положению пэры.

Быть может, именно в этот день собирается специальный комитет, чтобы изучить протоколы прошлых заседаний, назначить герцогу Денверскому безотлагательное судебное разбирательство и доложить парламенту свое мнение о дальнейших действиях. Дел предстоит много: лорды с белыми посохами ознакомят его величество с намеченной датой суда, позаботятся о королевской галерее в Вестминстере, организуют присутствие полицейских сил для сопровождения важных

персон, попросят его величество милостиво назначить председателя суда пэров, распорядятся, чтобы лорды в соответствии с традицией присутствовали на заседании в мантиях и, выражая мнение, клялись честью и клали руку на сердце, чтобы в палате присутствовал судебный пристав и от имени короля требовал сохранять тишину, — и так до бесконечности. Но вот если бы засунутый в оконную раму грязный клочок бумаги обнаружили раньше, вся эта процедура была бы ненужной.

Приключения Уимзи на болоте расшатали его нервы. Он сел на кровать и рассмеялся, однако по его щекам катились слезы.

Бантер молча извлек откуда-то бритву — Питер до конца дней не узнал, откуда или у кого он ее раздобыл, — и начал править о ладонь.

Его светлость взял себя в руки и потянулся к окну подставить лицо приносившему запах болота прохладному ветерку. В уши ударил громкий гвалт. Питер посмотрел вниз: там, среди собак, ехал на лошади фермер Граймторп. Псы выли, хозяин хлестал их кнутом, они завывали еще сильнее. Внезапно фермер поднял глаза — в них сквозила такая ненависть, что Уимзи невольно отступил, словно его ударили.

Пока Бантер его брил, он не проронил ни слова.

Разговор был деликатным — ситуация, как ни крути, неприятная. Питер испытывал к хозяйке благодарность, но положение Денвера было настолько незавидным, что подобным соображением следовало пренебречь. Его светлость так и поступил, но, спускаясь по лестнице «Норы Грайдера», чувствовал себя, как никогда, подлецом.

На большой сельской кухне крепкая женщина помешивала тушеное мясо в горшке. Он спросил о мистере Граймторпе. Она ответила, что тот уехал.

— Могу я поговорить с миссис Граймторп? — поинтересовался Питер.

Женщина посмотрела на него с сомнением, вытерла ладони о передник, вышла в закуток для мытья посуды и крикнула:

— Миссис Граймторп!

Голос ответил откуда-то снаружи.

— Вас спрашивает джентльмен!

— Где она? — поспешно вмешался Питер.

— Должно быть, на маслобойне.

— Я пойду туда. — Уимзи поспешно вышел, пересек застеленное плитками помещение для мытья посуды, затем двор и увидел, как в темном проеме напротив появилась женщина.

Освещенное холодными лучами солнца ее мертвенно-бледное лицо в обрамлении черных волос казалось еще прекраснее. В продолговатых темных глазах и изгибе губ не проглядывалось ни малейшего следа йоркширского происхождения. Линии носа и скул намекали на далекую родину — она могла восстать из тьмы пирамид, скинув с пальцев сухие пахучие могильные путы.

«Иностранка, — сказал себе Питер. — Есть иудейская или испанская кровь. Интересный типаж. Джерри винить не приходится. Я сам бы не смог жить с Хелен. Ну, за дело».

Он шагнул к ней.

— Доброе утро, — поздоровалась женщина и спросила: — Вам лучше?

— Намного. Спасибо. Только благодаря вашей доброте, за которую я не знаю, чем отплатить.

— Лучшая плата, если вы немедленно уедете, — ответила она отстраненным голосом. — Муж не жалуется незнакомцев, а ваша прошлая встреча получилась, прямо скажем, неудачной.

— Уеду сразу, но сначала прошу об одолжении — поговорите со мной. — Питер взгляделся в полумрак помещения за ее спиной. — Может, побеседуем там?

— Чего вы от меня хотите?

Тем не менее женщина отступила и пригласила следовать за ней внутрь.

— Миссис Граймторп, я оказался в ужасном положении. Вы знаете, что мой брат, герцог Денверский, находится в тюрьме и ожидает суда по обвинению в убийстве, которое произошло тринадцатого октября?

Ее лицо не изменилось.

— Слышала.

— Он категорически отказывается рассказать, где находился в тот день между одиннадцатью часами вечера и тремя утра. Этот отказ ставит под угрозу саму его жизнь.

Миссис Граймторп пристально посмотрела на него.

— Брат связан честью и не желает говорить. Но если бы захотел, я знаю, мог бы вызвать свидетеля, который снял бы с него подозрения.

— Ваш брат, судя по всему, очень благородный человек. — Ее голос слегка дрогнул, но тут же окреп.

— Безусловно. С его точки зрения, он поступает правильно, но вы должны понимать, что, как его брат, я горю желанием представить дело в истинном свете.

— Не понимаю, почему вы говорите все это мне. Полагаю, если в деле есть что-то зазорное, он не хочет, чтобы это стало предметом огласки.

— Очевидно. Но для нас — его жены, юного сына, сестры и меня — его жизнь и безопасность имеют первостепенное значение.

— Больше, чем честь?

— Разглашение секрета в каком-то смысле способно его обесчестить и повредить семье, но будет бесконечно большим бесчестьем, если брата казнят за убийство. Позорное пятно ляжет на всех, кто носит его фамилию, однако боюсь, что в нашем несправедливом обществе позор разоблачения больше коснется того, кто обеспечит брату алиби.

— И вы в таком случае ждете, что свидетель вызовется говорить?

— Да. Чтобы не допустить приговора невиновному. Полагаю, что могу на это надеяться.

— Повторяю: почему вы говорите все это мне?

— Потому что, миссис Граймторп, вы лучше меня знаете, что мой брат непричастен к этому убийству. Поверьте, мне крайне неприятно вам это говорить.

— Я ничего не знаю о вашем брате.

— Простите, это неправда.

— Повторяю: мне ничего не известно. И если герцог не заговорит, вы должны уважать его мотивы.

— Не собираюсь.

— Боюсь, ничем не могу вам помочь. Вы попусту тратите время. Если вы не в состоянии представить этого пропавшего свидетеля, почему бы вам не найти того, кто в самом деле совершил убийство? В таком случае вам не придется беспокоиться об алиби брата. А его действия — сугубо его дело.

— Мне жаль, что вы заняли такую позицию. Поверьте, я сделал все, чтобы не впутывать вас. Работал изо всех сил, но все напрасно. Суд, возможно, состоится уже в конце этого месяца.

Губы женщины дрогнули, но она промолчала.

— Я надеялся, что с вашей помощью мы найдем некое объяснение: меньшее, чем правда, и все же достаточное, чтобы очистить брата, — но теперь, боюсь, придется предъявить имеющееся у меня доказательство и позволить делу развиваться своим чередом.

Женщина наконец дрогнула: щеки покрылись легким румянцем, пальцы крепче сомкнулись на ручке маслбойки, на которую она опиралась.

— Что за доказательство?

— Что ночью тринадцатого числа брат был в той самой комнате, в которой я ночевал сегодня, — ответил Уимзи.

— Ложь! — Миссис Граймторп поморщилась, как от боли. — Вам не удастся это доказать. Он будет это отрицать. И я буду это отрицать.

— Так его здесь не было?

— Не было.

— В таком случае каким образом вот это попало в щель оконной рамы?

При виде письма женщина пошатнулась и осела на стол, черты лица исказила гримаса страха.

— Нет! Нет! Нет! Неправда! Боже, помоги!

— Тсс... — властно приказал Уимзи. — Нас могут услышать. — Он поднял ее на ноги. — Говорите правду, и мы попробуем найти выход. Он здесь был той ночью?

— Вы же знаете.

— Когда он пришел?

— В четверть первого.
— Кто его впустил?
— У него были ключи.
— Когда он вас покинул?
— Вскоре после двух.
— Так. Все совпадает. Три четверти часа на то, чтобы добраться сюда, и три четверти часа на то, чтобы возвратиться обратно. Это он засунул в окно, чтобы не стучала рама?
— Поднялся сильный ветер. Я нервничала. Боялась каждого звука — как бы не вернулся муж.
— Где он был?
— В Степли.
— Он подозревал нечто подобное?
— Да. Уже некоторое время.
— С тех пор как мой брат побывал здесь в августе?
— Да. Но у него не было доказательств. Если бы доказательства были, он бы меня убил. Вы же его видели — настоящий дьявол.

— М-да...
Уимзи помолчал. Женщина с тревогой посмотрела на него и как будто прочитала на его лице надежду, потому что схватила за руку.

— Если вы вызовете меня для дачи показаний, он все узнает и убьет меня. Ради бога, пожалейте. Это письмо — мой смертный приговор. Ради выносившей вас матери имейте милосердие. Моя жизнь — ад, а после смерти я за грехи отправлюсь в преисподнюю. Найдите какой-нибудь другой способ спасти брата — вы должны!

Уимзи осторожно высвободил руку.

— Не надо, миссис Граймторп. Нас могут увидеть. Мне глубоко вас жаль. Обещаю: если мне удастся спасти брата без вашего участия, я так и поступлю, — но вы видите, насколько это сложно. Почему бы вам не уйти от этого человека? Он откровенно жесток с вами.

Женщина рассмеялась.

— Вы полагаете, он оставит меня в живых, пока закон будет медленно освобождать меня от него? Узнав его, можете такое представить?

Уимзи не мог.

— Обещаю, миссис Граймторп: я использую все возможности, чтобы обойтись без вашего свидетельства, но если выхода не останется, позабочусь о полицейской защите с момента вашего вызова в суд.

— На всю жизнь?

— Когда вы окажетесь в Лондоне, мы подумаем, как вас избавить от этого человека.

— Нет. Если вы меня вызовете, я пропала. Но вы ведь найдете иной путь?

— Постараюсь, но ничего обещать не могу. Предприму все возможное, чтобы вас защитить. Если вы хоть сколько-нибудь цените моего брата...

— Я не знаю. Я страшно напугана. Он был добр и ласков со мной. Он так отличается... Но я боюсь! Боюсь!

Уимзи обернулся. Лицо женщины исказилось от страха — она увидела мелькнувшую на пороге тень. В дверях возник Граймторп, глядя на них во все глаза.

— А, мистер Граймторп! — приветливо воскликнул лорд Питер. — Вот и вы! Рад, что вы вернулись и я могу поблагодарить вас лично. Как раз просил миссис Граймторп передать от меня вам благодарность. Боюсь, мне пора. Мы с Бантером глубоко вам признательны за доброту. Да, вы можете найти мне тех крепких ребят, которые вытащили меня из вашей топи, — если, конечно, она ваша. Мерзкая трясины — и прямо перед домом. Я хочу их отблагодарить.

— Добрая услуга для непрошенных гостей, — зло процедил фермер. — Убирайтесь поскорее, пока вас не вышвырнули.

— Испаряемся, — ответил Уимзи. — Миссис Граймторп, еще раз до свидания. И тысяча благодарностей.

Он позвал Бантера, подобающим образом вознаградил своих спасителей, выслушал яростное напутствие фермера и отбыл, больной телом и сбитый с толку умом.

Глава 13

Манон

Мой дорогой Ватсон, одно это имя должно было раскрыть мне глаза, будь я тем идеальным логиком, каким вы любите меня описывать.

*А. К. Дойл. Горбун*⁵⁹

— Слава богу, это меняет дело, — сказал Паркер.

— И да и нет, — возразил лорд Питер, созерцательно растянувшись, на мягкой шелковой подушке в углу дивана.

— Конечно, неприятно выдавать эту женщину, — взвешенно заметил детектив, — но придется.

— Понимаю. Это очень просто: не требует никаких усилий, — но решать должен Джерри. Это он заманил бедняжку в свои сети. И если мы не сумеем эффективно обуздать Граймторпа и тот перережет жене горло, брат будет терзаться всю жизнь. Джерри! Какими же мы были безмозглыми идиотами, что не распознали правду с самого начала. Я к тому, что жена моего брата, разумеется, до ужаса достойная дама и все прочее, но миссис Граймторп — это нечто! Я же тебе рассказывал, как она приняла меня за Джерри. О, эта единственная доля секунды, полная великолепного всепоглощающего блаженства! Распознать было трудно. Наши голоса похожи. Она плохо видела в темноте кухни. Думаю, в этой женщине тогда не оставалось иного чувства, кроме страха. Но о боги! Какие глаза и кожа! Ладно, проехали. Некоторым типам везет. Знаешь хорошие анекдоты? Нет? Тогда расскажу я. Просто для того, чтобы расширить твой кругозор. Вот стишок про юношу в военном министерстве. Слышал?

Паркер с похвальным терпением выслушал пять историй и вдруг расхохотался.

— Ура! — завопил Уимзи. — Славный парень. Мне иногда нравится наблюдать, как ты плависься от рафинированного смеха. Напоследок я приготовил нечто совершенно поразительное — о молодой домохозяйке и путешественнике с велосипедным насосом. Знаешь, Чарлз, я действительно хочу выяснить, кто убил Кэткарта. Юридически достаточно доказать невиновность Джерри. Но, отвлекаясь от миссис Граймторп, речь идет о наших профессиональных способностях. «Отец слабеет, но правитель непоколебим». Вот так. Как брат, я доволен. Можно сказать, камень с души. Но как ищейка — растоптан, унижен, загнан в будку на огуречном поле. Кроме того, из всех способов защиты установление алиби труднее всего — надо чтобы несколько независимых, незаинтересованных свидетелей вместе сформировали неопровержимые доказательства. Если миссис Граймторп даст показания в пользу Джерри, а тот будет и дальше все отрицать, суд убедится самое большее в одном: либо он, либо она ведет себя по-рыцарски.

— Но у тебя есть письмо.

— Есть. Но как мы докажем, что оно попало туда именно тем вечером? Конверт уничтожен. Флеминг письма не помнит. Джерри мог получить его на несколько дней раньше. Или это вообще фальшивка. Кто может поручиться, что письмо не засунул в окно я сам, а потом сделал вид, что нашел? Меня вряд ли можно назвать, по известному выражению, лицом незаинтересованным.

— Бантер видел, как ты его нашел.

— Не видел, Чарлз. Именно в этот момент его в комнате не было — он ходил за водой для бритья.

— Вот как...

— Более того, только миссис Граймторп может под присягой сообщить ключевую деталь — время прихода и ухода Джерри. Если он не явился туда хотя бы до половины первого, неважно, был он там вообще или нет.

— А нельзя ли держать миссис Граймторп, так сказать, про запас?

— Звучит слегка непристойно, но что же... если угодно, с удовольствием.

⁵⁹ Пер. Д. Жукова

— А пока, — продолжал Паркер, — будем прилагать все усилия, чтобы найти настоящего преступника.

— Хорошо, — согласился лорд Питер. — Кстати, это вот что мне напомнило. Я совершил открытие в Лодже — по крайней мере, сам так считаю. Ты заметил, что кто-то взламывал одно из окон кабинета?

— Нет. В самом деле?

— Да. Я обнаружил явные следы. Намного позже убийства, но царапины на задвижке заметные. Такие оставляет перочинный нож.

— Какие же мы глупцы, что вовремя не провели осмотр.

— С какой стати? Но я, тем не менее, заинтересовался у Флеминга. Он сказал, что вспомнил, как в четверг утром обнаружил окно открытым и не мог этого объяснить. И еще одно: я получил письмо от моего знакомого Тима Уотчета. Вот оно:

Милорд, по поводу нашего разговора. Я нашел человека, который 13-го числа прошлого месяца был с известным компаньоном в «Свинье и свистке». Компаньон позаимствовал у него велосипед, который потом оказался в яме с погнутым рулем и колесами.

Надеюсь и в дальнейшем на вашу глубоко ценимую благосклонность.

Тимоти Уотчет

— Что скажешь?

— Неплохо для продолжения расследования. По крайней мере, нас не будут одолевать ужасные сомнения.

— Не будут. Но хотя она моя сестра, должен сказать, что из всех несущих чепуху болтушек Мэри самая взбалмошная. Начать хотя бы с того, что связалась с этим ужасным типом...

— Она вела себя прекрасно, — щеки Паркера заметно порозовели. — Именно потому, что она твоя сестра, ты не способен оценить ее поступков. Широкая благородная натура — каким она видела того человека? Искренняя и цельная, она судит о других по собственным меркам. Не могла поверить, что Гойлс настолько убогий и жалкий, пока он сам этого не доказал. Но даже тогда не могла плохо о нем подумать, пока он себя не выдал. Как отважно она за него сражалась! Только представь, что это значило для такой замечательной, прямолинейной женщины...

— Ладно, ладно... — Питер пристально, с удивлением смотрел на друга. — Не лезь из кожи, я тебе верю. Пощади, я всего лишь брат. Все братья глупцы. Все любящие — безумцы. Это Шекспир сказал. Тебе, старина, нравится Мэри? Ты меня удивляешь. Но этому удивляются все братья. Благословляю вас, дети.

— Прекрати, Уимзи! — рассердился Паркер. — Ты не имеешь права так говорить. Я сказал, что восхищаюсь твоей сестрой. Каждый обязан восхищаться таким мужеством и стойкостью. И нечего обижать. Я прекрасно знаю, что она леди Мэри Уимзи и чертовски богата, а я всего лишь полицейский, у которого нет никакого дохода, кроме зарплаты и в будущем пенсии. Поэтому не надо насмешничать.

— Я не насмешничаю! — возмутился Питер. — Просто не понимаю, что кому-то может прийти в голову жениться на моей сестре, но ты мой друг и очень хороший человек — говорю как есть. И — черт побери! — давай скажем откровенно: какая может быть альтернатива? Отлынивающий от военной службы социалист без роду, без племени? Или карточный шулер, темная лошадка с непонятным прошлым? Мать и Джерри должны смотреть в корень и радоваться пристойному богобоязненному водопроводчику, не говоря уже о полицейском. Боюсь одного: Мэри с ее дурным вкусом на мужчин не оценит такого приличного малого, как ты.

Паркер извинился перед другом за свои подозрения, и они немного помолчали. Полицейский потягивал портвейн и задумчиво глядел на возникающие в розовых винных глубинах теплые невероятные картины. Уимзи достал записную книжку и стал бесцельно пробегать глазами содержимое, бросал в огонь старые письма, разворачивал и сворачивал памятные записки, перебирал бесчисленные визитные карточки знакомых. И, наконец, добрался до полоски промокательной бумаги из кабинета в Риддлсдейле. Отпечатки на ней он раньше почти не рассматривал.

А Паркер, допив портвейн, вспомнил, что до того, как в их разговоре возникло имя леди Мэри, он хотел кое-что сообщить другу. Он повернулся к нему и уже открыл рот, но слова застряли в горле, словно сбившийся бой часов. Питер грохнул кулаком по маленькому столику так, что зазвенели бокалы, и громко воскликнул во внезапном озарении:

— «Манон Леско»!

— Что? — не понял Паркер.

— Осталось прокипятить мозги, сдобрить маслом и подать на стол с репой. Потому что ни на что другое они не годятся. Посмотри на меня! (Полицейскому едва ли требовалось это приглашение.) Мы волновались за Джерри, мы волновались за Мэри, гонялись за всякими Гойлсами, Граймторпами и бог знает за кем еще, а все это время этот маленький клочок промокательной бумаги лежал в моем кармане. «С краю листа он заметил пятно, ему показалось лишь кляксой оно» — вот и все. Но Манон! Манон, Чарлз! Будь у меня во лбу серого вещества хотя бы столько, сколько у слизня на пне, эта книга мне все бы сказала. Только представь, сколько времени мы бы сэкономили!

— Питер, ты слишком возбуждился, — прервал его Паркер. — Понимаю, ты в восторге, что ясно увидел перспективу, но я не читал «Манон Леско». Ты показываешь мне промокательную бумагу, но я понятия не имею, что тебе удалось открыть.

Его светлость без объяснений протянул находку.

— Я вижу мятую грязную бумагу, — сказал полицейский. — Сильно пахнет табаком и кожей. Полагаю, ты держал ее в своей записной книжке.

— Невероятно! — восхищенно воскликнул Питер. — И это притом, что ты видел, как я ее оттуда достал! Холмс, как вам это удается?

— В углу два пятна. Одно значительно больше другого. Видимо, этой стороной вытирали перо. В этом пятне есть что-то дурное?

— Я не заметил.

— Ниже под пятнами герцог два или три раза поставил свое имя, или, скорее, титул. Отсюда заключение: письма адресовались не близким.

— Заключение, на мой взгляд, основательное.

— У полковника Марчбэнкса четкая подпись.

— Вряд ли он что-то злоумышлял. Он ставит свое имя как честный человек! Продолжай.

— Дальше размазанное сообщение о пяти чего-то прекрасного чего-то. Ты усматриваешь в этом некий сакральный смысл?

— Цифра «пять» может иметь каббалистическое значение, но должен признать, понятия не имею какое. Есть пять чувств, пять пальцев, пять китайских заповедей, пять книг Моисея, не говоря уже о воспетых в песне таинственных сущностях. «Пять флэмпарей с круглым лбом отдыхают под столбом». Всю жизнь хотел понять, кто такие эти флэмпари, но поскольку так и не узнал, в данном случае это нам никак не поможет.

— Это все, если не считать фрагмента, содержащего кусочки слов — «ое» в одной строке и «is fou...» строкой ниже.

— Что можешь предположить?

— «Is found» — найдено.

— Считаешь?

— Первое, что приходит в голову. Или «his foul» — «его мерзкое». В этом месте чернила неожиданно скопились на пере. Герцог мог писать о картежных махинациях Кэткарта. Согласен?

— Нет. Я это понимаю не так. Более того, считаю, что писал вообще не Джерри.

— А кто?

— Не знаю, но могу догадываться.

— И это нас куда-нибудь приведет?

— Все объяснит.

— Не тяни, выкладывай. Даже доктор Ватсон потерял бы терпение.

— Скажешь тоже! Взгляни на верхнюю строку.

— Там только «ое».

— Так, и что это значит?

— Понятия не имею. Может быть все, что угодно. «Ситроен».

— Насчет заимствований не знаю. Но в английском языке такое сочетание букв не слишком часто встречается. Это и не два слова рядом — буквы написаны так близко друг к другу, что выглядят как дифтонг.

— Возможно, это слово не английское?

— Именно, возможно!

— О! Понимаю: французское?

— Уже теплее.

— *Sœur; oeuvre; oeuf, boeuf...*⁶⁰

— Нет-нет! Вначале ты был к истине ближе.

— *Sœur* — *sœur*!⁶¹

— *Sœur*. А теперь стоп. Взгляни на эти каракули впереди. Что-нибудь напоминает?

— Одну минуту... так... *er... cer...*

— Как насчет *percer*⁶²?

— Думаю, ты прав. «*Percer le cœur*»⁶³.

— Да. Или «*perceras le cœur*».

— Так лучше. Кажется, что здесь требуется еще буква или две.

— А теперь вернемся к строке с твоим «*is found*».

— *Fou*!⁶⁴

— Кто?

— Я сказал не «кто». Я сказал «*fou*».

— Знаю. Кто *fou*?

— Господи! *Je suis fou*⁶⁵.

— А *la bonne heure*!⁶⁶ Я предполагаю, что следующие слова — «*de douleur*»⁶⁷ или что-нибудь вроде этого.

— Не исключено.

— Осторожничайся, чертяка. А я утверждаю, что так оно и есть.

— Ну и что?

— Это все объясняет.

— Ничего!

— А я утверждаю — все! Вдумайся: это написано в день, когда умер Кэткарт. Кому в доме могли принадлежать такие слова: «*perceras le cœur... je suis fou de douleur*»? Переберем всех. Почерк не Джерри, это я гарантирую. И не его выражение. Полковник Марчбэнкс или его супруга? Не похоже на Пигмалионовы страсти. Фредди? Он под страхом смерти не стал бы сочинять романтическое письмо на французском языке.

— Согласен. Остаются Кэткарт и леди Мэри.

— Чуть! Мэри не могла.

— Почему?

— Разве что она поменяла ради этого пол.

— Конечно. Тогда было бы написано: «*je suis folle*». Получается, Кэткарт.

— Да. Он всю жизнь провел во Франции. Прими во внимание его банковские дела. Прими во внимание...

— Господи, Уимзи, какими же мы были слепыми!

— Именно.

— Я как раз собирался тебе сказать: мне написали из Сюрте — они отследили одну из банкнот Кэткарта.

⁶⁰ Сестра, работа, яйцо, вол... (фр.)

⁶¹ Сестра — сердце (фр.)

⁶² пробивать, проникать (фр.)

⁶³ Проникнуть в сердце (фр.)

⁶⁴ Сумасшедший, полоумный, обезумевший (фр.)

⁶⁵ Я сумасшедший (фр.). Здесь: «Я схожу с ума».

⁶⁶ Отлично! (фр.)

⁶⁷ от боли (фр.)

— Где она засветилась?
— У некоего Франсуа, владельца большого количества недвижимости неподалеку от Этуаль.
— Апартаментов?
— Без сомнения.
— Когда следующий поезд? Бантер!
— Да, милорд? — Бантер мгновенно возник в дверях.
— Следующий согласованный с расписанием паромов поезд на Париж?
— В восемь двадцать из Ватерлоо, милорд.
— Едем на нем. Упакуйте мою зубную щетку и вызовите такси.
— Хорошо, милорд.
— Но, Уимзи, какой свет это проливает на убийство Кэткарта? Разве эта женщина могла...
— Мне некогда. Я вернусь через день или два. А пока... — Лорд Питер торопливо порылся на книжной полке. — Почитай вот это. — Он бросил книгу другу и скрылся в спальне.

В одиннадцать часов между причалом и «Нормандией» росла полоска грязной, с пятнами масла и обрывками бумаги, воды. Напряженные пассажиры укрепляли измученные качкой желудки холодной ветчиной с соленьями, и наличие в каютах спасательных жилетов не поднимало им настроение. Пока слева и справа плыли и мерцали огни гавани, лорд Питер свел в баре знакомство с заштатным киноактером. А насупленный Паркер в это время сидел перед камином на Пикадилли, 110а, и впервые в жизни познакомился с изящным шедевром аббата Прево.

Глава 14

Занесенный топор

Действие IV

СЦЕНА 1

Зала Вестминстерского дворца.

Входят, как в заседание палаты, Болингброк, Омерль, Нортomberлэнд, Перси, Фицуотер, Серрей, епископ Карлейльский, аббат Вестминстерский и другие лорды, герольды, офицеры и Бэгот.

Болингброк:

Пусть Бэгот станет перед нами. Бэгот,
Прошу тебя я рассказать свободно
О смерти дяди Глостера все то,
Что знаешь ты: кто, с королем в союзе,
Устроил это, кто кровавый труд
Взял на себя, к безвременной кончине
Несчастливого приведшей.

Бэгот:

Преодо мною
Тогда пусть станет лорд Омерль.
У. Шекспир. Король Ричард II⁶⁸

Исторический суд над герцогом Денверским начался сразу, как парламент собрался после рождественских каникул. Газеты поместили статьи: «Суд среди равных» под псевдонимом «Женщина-адвокат» и «Привилегии пэров — не пора ли их отменить?» от «Студента исторических наук». «Ивнинг бэннар» нажила неприятности за презрительную статью «Шелковая петля» (автор

⁶⁸ Пер. Н. Холодковского

некий Антиквар), которую сочли наносящей ущерб, а орган лейбористов «Дейли трампет» задавался саркастическим вопросом: почему, когда судят пэра, наслаждаться спектаклем могут только важные персоны, которым достались билеты на королевскую галерею.

Мерблс и инспектор Паркер, постоянно совещаясь друг с другом, ходили с сосредоточенными лицами, а начисто пропавший на три дня сэр Импи Биггс появился в окружении вившихся вокруг него королевских адвокатов Глайбери, Браунригга-Фортескью и более мелких приспешников. Линия защиты хранилась в тайне — тем более что накануне сражения они лишились главного свидетеля и не знали, будет он или нет давать показания.

Лорд Питер вернулся из Парижа спустя четыре дня и, подобно урагану, ворвался на Грейт-Ормонд-стрит.

— Я был на волосок от успеха, — сказал он. — Слушай.

Целый час Паркер ему внимал и лихорадочно делал записи.

— Можете с этим работать. Скажи Мерблсу. Я улечу.

Его следующее появление было отмечено в американском посольстве. Посол, однако, отсутствовал — был приглашен на королевский обед. Питер, проклиная всякие обеды, распрощался с вежливыми секретарями в роговых очках, вскочил в поджидавшее его такси и велел ехать к Букингемскому дворцу. Там, проявив большую напористость в общении с возмущенными чиновниками, добрался до чиновника повыше, затем до очень высокопоставленного и наконец до американского посла и королевской особы, хотя у тех еще было мясо во рту.

— Да-да, — сказал посол. — Это, конечно, возможно.

— Разумеется, — добродушно подтвердила особа. — Только не надо тянуть. Могут возникнуть международные осложнения и новые параграфы по острову Эллис⁶⁹. Жуткое неудобство переносить суд — невероятная кутерьма. Секретари бесконечно что-то подсовывают на подпись — дополнительные полицейские силы, помещения. Успехов, Уимзи. Присядьте поешьте, пока готовят ваши документы. Когда отходит ваш пароход?

— Завтра утром, сэр. Хочу успеть на ливерпульский поезд через час.

— Успеете, — дружески заверил его посол, подписывая бумаги. — А еще говорят, что англичане не напористый народ.

На следующее утро лорд Питер со всеми необходимыми документами отплыл из Ливерпуля, оставив в Лондоне своих законных представителей приводить в действие альтернативные варианты защиты.

— Теперь пэры, по двое, по порядку, начиная с младшего барона.

Взмыленный, взволнованный герольдмейстер Гартер отчаянно бился с тремя сотнями английских пэров, пока те неловко барахтались в своих мантиях, а герольды изо всех сил старались сохранять строй — выдерживать линии и не давать знати разбредаться.

— Фарс из фарсов, — раздраженно ворчал лорд Аттенбери. Низенький коренастый джентльмен с желчным выражением лица, он злился оттого, что оказался рядом с графом Стратгилланом-Беггом — очень высоким худощавым вельможей с определенными взглядами на сухой закон и усыновление.

— Послушайте, Аттенбери, — начал добродушный, краснолицый человек в красной мантии с горностаевым подбоем в пять рядов на правом плече, — это правда, что Уимзи еще не вернулся? Дочь мне сказала, что он уехал собирать улики в Штаты. Почему в Штаты?

— Уимзи — парень смекалистый, — ответил Аттенбери. — Когда он нашел мои изумруды, я сказал...

— Ваша милость, ваша милость, — в отчаянии взмолился красный дракон⁷⁰, — вы опять нарушаете линию!

⁶⁹ Небольшой остров в заливе Аппер-бей близ Нью-Йорка; в 1892–1943 гг. — главный центр по приему иммигрантов в США.

⁷⁰ Младший офицер по вооружению Колледжа оружия, названный в честь красного дракона на флаге Уэльса.

— Что? — переспросил краснолицый пэр. — Да-да, надо соблюдать порядок. — Он отошел от графов и занял место рядом с герцогом Уилширским — глухим дальним родственником Денверов по женской линии.

Королевская галерея заполнилась. Чуть пониже бара⁷¹, там, где были выделены места для супруг пэров, сидела изящно одетая вдовствующая герцогиня Денверская. Она хранила гордое выражение лица, но ее раздражало присутствие невестки, чье несчастье заключалось в том, что она становилась неприятной, когда расстраивалась: вероятно, худшее проклятие, которое может быть наложено на человека, рожденного для страданий.

За впечатляющим строем членов совета в длинных париках находились места для свидетелей. Там ждал Бантер на случай, если защита сочтет нужным заслушать его для установления алиби. Но большинство свидетелей маялись в королевской гардеробной, где грызли пальцы и тарасились друг на друга. Вверх от бара в обе стороны расходились скамьи для пэров — каждый в своем праве судить факты и трактовать закон, — а председательское кресло на высоком помосте ожидало лорда-распорядителя. За маленьким столом волновались и поглядывали на часы журналисты. В этой атмосфере ожидания Биг-Бен проиграл одиннадцать приглушенных стенами и шумом разговоров нот. Журналисты вскочили на ноги. Поднялся лорд-распорядитель, а за ним все остальные. Вдовствующая герцогиня звучно прошептала соседке, что представление напоминает ей глас Эдема, и освещенная из окон зимним солнцем процессия медленно двинулась внутрь.

Церемонию открыл парламентский пристав, призвав к тишине, после чего клерк королевской канцелярии, преклонив перед тронном колени, подал председателю суда пэров письменные полномочия под великой печатью, а тот, видимо, посчитав бумагу бесполезной, вернул с большой торжественностью обратно. Клерк принялся долго и уныло зачитывать документ, дав возможность аудитории оценить, насколько плоха акустика зала. Парламентский пристав с выражением провозгласил: «Боже, храни короля», — а герольдмейстер Гартер, он же «Черный жезл», преклонив колени, вручил лорду-распорядителю символ его положения.

— Очень живописно, — пробормотала вдовствующая герцогиня. — Прямо Высокая церковь⁷².

Пробубнили Сертиорари⁷³, начав с Георга V милостью Божией, упомянули всех судейских Олд-Бейли⁷⁴, лорд-мэра Лондона, уполномоченного Центральным уголовным судом судьей, многих членов городского управления, снова скакнули к монаршей особе, не забыли город Лондон, графства Лондона и Миддлсекса, Эссекса, Кента и покойного монарха Вильгельма IV, перешли к Акту парламента об учреждении советов графств от 1888 года, утонули в списке прецедентов: предательствах, убийствах, тяжких уголовных преступлениях (кто, где, когда, почему, совершили или только задумали), — закончили перечислением всех членов большой коллегии присяжных и в конце зачитали неожиданно краткое обвинение: «Присяжные монаршей волей под клятвой обвиняют благородного Джеральда Кристиана Уимзи, виконта Сент-Джорджа, герцога Денверского, пэра Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, в том, что он тринадцатого числа месяца октября 1923 года убил в Риддлсдейле, графство Йоркшир, Дэниса Кэткарта».

После чего парламентский пристав обратился к «Черному жезлу» с соответствующим заявлением⁷⁵ и тот вызвал к трибуне Джеральда Кристиана Уимзи, виконта Сент-Джорджа, герцога Денверского, ответить на обвинение. Герцог преклонил колени и поднялся лишь после того, как лорд-распорядитель дал разрешение.

Герцог Денверский выглядел очень маленьким, пунцовым и одиноким в своем синем шерстяном костюме. Из всех пэров он единственный был с непокрытой головой, но сохранял

⁷¹ Массивный квадратный стол-тумба в центре палаты лордов, в суде пэров, исполняющий роль барьера между участниками процесса и трибуны для них, с председательским местом с третьей стороны.

⁷² Направление в англиканской церкви, тяготеющее к католицизму; сохраняет обрядность, утверждает авторитет духовенства, придает большое значение церковным таинствам.

⁷³ В странах англо-саксонской системы одно из процессуальных средств судебной защиты прав и свобод человека.

⁷⁴ Центральный уголовный суд в Лондоне (по названию улицы).

⁷⁵ Отчет о процедуре см. в «Журнале палаты лордов» за соответствующие даты. — *Примеч. автора.*

достоинство, когда его вели к положенному знатым персонам месту у барьера, где с присущей ему мрачностью выслушал повторенное председателем обвинение.

Затем секретарь палаты лордов задал положенный вопрос: «Виновен или не виновен?» — на что герцог ответил «Не виновен».

После чего сэр Уигмор Ринчинг, генеральный прокурор, вышел к трибуне открыть дело по обвинению со стороны короны. После обычного предисловия, что случай серьезный и тягостный, он начал историю с момента ссоры, выстрела в три часа утра, револьвера, обнаружения трупа, исчезновения письма и остальных известных обстоятельств. Намекнул на показания, которые могли бы пролить свет на то, что ссора между Денвером и Кэткартом имела мотивы, отличные от тех, которые приводит обвиняемый, и что у последнего могли быть серьезные причины опасаться разоблачений от Кэткарта. При этом Денвер тревожно покосился на своего адвоката. Представление дела заняло не много времени, и сэр Уигмор начал вызывать свидетелей.

Поскольку для стороны обвинения было недопустимо допрашивать в качестве свидетеля самого герцога Денверского, первым важным свидетелем стала леди Мэри Уимзи. Рассказав о своих отношениях с убитым и ссоре, она продолжила:

— Я встала в три часа и спустилась по лестнице.

— Вследствие чего вы так поступили? — спросил сэр Уигмор и оглядел суд с видом человека, который готовится произвести на зрителей эффект.

— Вследствие того, что у меня была назначена встреча с другом.

Журналисты подняли головы, как собаки в ожидании корма, а сэр Уигмор так резко дернулся, что уронил свои записи на голову сидевшего под ним секретаря палаты лордов.

— Вот как? А теперь, свидетельница, будьте внимательны. Не забывайте, что вы говорите под присягой. Что вас разбудило в три часа утра?

— Я не спала. Ждала встречи.

— Пока ждали, слышали что-нибудь?

— Абсолютно ничего.

— У меня, леди Мэри, ваше заявление, сделанное под присягой коронеру. Я вам его зачитаю. Пожалуйста, слушайте внимательно. Вы сказали: «В три часа меня разбудил выстрел. Я подумала, что это, вероятно, браконьеры. Звук был очень громкий, поблизости от дома. Я спустилась выяснить, что это было». Вы помните, что делали такое заявление?

— Помню. Но это неправда.

— Неправда?

— Да.

— В свете этого вашего прежнего заявления вы продолжаете утверждать, что в три утра ничего не слышали?

— Абсолютно ничего. Спустилась, потому что у меня была назначена встреча.

— Милорды! — Сэр Уигмор заметно порозовел. — Я вынужден просить вас отнестись к показаниям данной свидетельницы как к показаниям в пользу противной стороны.

Однако жестокий выпад обвинителя не возымел эффекта, кроме повторения утверждения, что ни в какое время звука выстрела не было. В отношении трупа леди Мэри объяснила, что, восклицая: «Ты его убил!» — она считала, что перед ней тело друга, с которым была назначена встреча. Последовали бурные прения, имеет ли история со встречей отношение к делу. Лорды решили, что имеет. Всплыла вся линия с Гойлсом, и выяснилось, что он сам в зале и может быть представлен суду. Громко хмыкнув, сэр Уигмор передал свидетельницу Импи Биггсу, который элегантно, с представительным видом поднялся и вернул обсуждение к моменту, более раннему по времени.

— Простите характер вопроса. — Он обходительно поклонился. — Как по-вашему, горячо ли вас любил капитан Кэткарт?

— Нет. Я в этом абсолютно уверена. Мы так договорились для удобства каждого из нас.

— Зная его натуру, считаете ли вы, что он был способен на глубокое чувство?

— Да, если бы нашлась подходящая женщина. Он был страстным человеком.

— Спасибо. Вы нам сообщили, что прошлым февралем, когда ездили в Париж, несколько раз встречались с капитаном Кэткартом. Заходили ли вы с ним в ювелирный магазин господина Брике на улице Де-ла-Пэ?

- Могла. Точно не помню.
- Дата, к которой хочу привлечь ваше внимание, — шестое число.
- Ничего не могу о ней сказать.
- Узнаете эту безделушку?

Свидетельнице передали зеленоглазого кота.

- Нет. Никогда не видела.
- Капитан Кэткарт вам ее не дарил?
- Нет.
- Но вы обладали когда-либо таким ювелирным изделием?
- Уверена, что никогда.
- Милорды, этого кота из платины и драгоценных камней я приобщаю к делу.

Джеймса Флеминга допрашивали очень тщательно, но он так путался и нагонял туману, что у суда осталось впечатление, что герцог вообще не получал никаких писем. Сэр Уигмор, в начале своей вступительной речи делавший неблагоприятные намеки, пытаясь очернить личность подсудимого, с кривой усмешкой передал свидетеля сэру Импи. Тот, видя, что свидетель не дает ни положительных, ни отрицательных определенных ответов, быстро перешел к следующему пункту.

— Вы можете вспомнить, приходили ли письма той же почтой другим членам компании?

- Да. Три или четыре я отнес в бильярдную.
- Можете сказать, кому они были адресованы?
- Несколько — полковнику Марчбэнксу, одно — капитану Кэткарту.
- Он тут же его распечатал?

— Не знаю, сэр. Я немедленно покинул комнату, чтобы отнести письма в кабинет герцогу.

— Как в Лодже собирали письма для отправки по почте?

— Клали в закрывающийся почтовый мешок. Одним ключом владел его милость, другой был на почте. Письма опускали внутрь через щель сверху.

— Забирали ли письма на почту наутро после смерти капитана Кэткарта?

— Да, сэр.

— Кто их относил?

— Я сам взял мешок.

— У вас была возможность увидеть, какие в мешке лежали письма?

— Видел, как два или три письма достала из мешка работница почты, но не могу сказать, кому они были адресованы.

— Спасибо.

Сэр Уигмор вскочил, как разъяренный черт из табакерки.

— И вы только сейчас впервые упоминаете о письме, которое, по вашим словам, доставили капитану Кэткарту в вечер убийства?

— Протестую, милорды! — закричал сэр Импи. — Я протестую против подобных оборотов речи. У нас пока нет доказательств, что было совершено убийство.

Это было первое свидетельство того, какую линию защиты предпочел избрать адвокат, и по залу прокатился шумок.

— Милорды, — продолжал адвокат, отвечая на вопрос председателя суда, — полагаю, до сих пор не было попытки доказать, что произошло убийство, и пока обвинение не установит этого факта, слово «убийство» не следует вкладывать в уста свидетелей.

— Возможно, сэр Уигмор, лучше пользоваться каким-либо иным словом, — согласился председатель.

— Для нашего дела это не имеет значения, милорд. Я склоняю голову перед вашим решением. Небо свидетель, я не собирался одним пустым, незначительным словом провоцировать защиту на столь серьезное заявление.

— Милорды! — возмутился сэр Импи. — Если наш ученый обвинитель считает слово «убийство» пустым и незначительным, то хотелось бы знать, какие слова он полагает важными.

— Ученый обвинитель согласен употреблять другое слово, — успокаивающе проговорил председатель суда и кивнул Уигмору продолжать.

Сэр Импи, добившись цели — охладить напор атаки Уигмора на свидетеля, — сел. Обвинитель повторил вопрос.

— Я упоминал о нем мистеру Мерблсу примерно три недели назад.

— Как я понимаю, мистер Мерблс является солиситором обвиняемого?

— Да, сэр.

— Как же вышло, — свирепо начал обвинитель, водрузив на свой довольно длинный нос пенсне и сверля свидетеля взглядом, — что вы не сказали об этом письме ни на дознании, ни на других следственных мероприятиях?

— Меня о нем не спрашивали, сэр.

— А почему потом вдруг решили поведать мистеру Мерблсу?

— Он меня спросил.

— О! Он вас спросил, и вы без труда вспомнили, когда вам подсказали?

— Нет, сэр, я помнил все время. Просто не придавал значения.

— О! Помнили все время, но не придавали значения! А я утверждаю, что вы вспомнили тогда, когда вам об этом подсказал мистер Мерблс.

— Мистер Мерблс мне ничего не подсказывал. Он спросил, приходили ли другие письма по почте, и я вспомнил.

— Именно. Вспомнили, когда вам подсказали, но не раньше.

— Нет, сэр. Если бы меня спросили до этого, я бы вспомнил и сказал. Но меня не спрашивали, и я решил, что это неважно.

— Вы посчитали неважным, что человек получил письмо за несколько часов до... до своей кончины?

— Подумал, если бы это было важно, полицейские бы поинтересовались.

— Формулирую вам снова, Джеймс Флеминг: вы не вспоминали о письме, которое получил капитан Кэткарт в вечер своей смерти, пока эту мысль вам не вложила в голову сторона защиты.

Недоброжелательный допрос совершенно сбил с толку свидетеля, и тот стал еще больше путаться. Сэр Уигмор обвел глазами зал, словно говоря: «Видите, как ловчит этот хитрец», — и продолжил:

— Полагаю, вы не сообразили рассказать полиции о письмах в почтовом мешке?

— Нет, сэр.

— Почему?

— Подумал, это не мое дело.

— А вы вообще когда-нибудь думаете?

— Нет, сэр... то есть да.

— Тогда, будьте добры, думайте сейчас, прежде чем сказать.

— Хорошо, сэр.

— Вы утверждаете, что вынесли из дома важные письма без полномочий и не ознакомив полицию?

— У меня был на то приказ.

— От кого?

— От его светлости.

— Так. Приказ его светлости. Когда вы его получили?

— Это часть моих постоянных обязанностей — каждое утро относить почтовый мешок на почту.

— Вам не приходило в голову, что в сложившейся ситуации информирование полиции важнее исполнения приказов?

Обвинитель с презрительным видом сел, и свидетель вновь перешел в распоряжение сэра Импи.

— Не приходила ли вам в голову мысль о том письме Кэткарту между днем его смерти и днем, когда с вами о письме заговорил мистер Мерблс?

— Можно сказать, приходила.

— Когда?

— Перед большой коллегией присяжных, сэр.

— Как же получилось, что вы не упомянули о нем?

— Тот джентльмен сказал, чтобы я только отвечал на вопросы и ничего не говорил от себя.
— Кем был этот властный джентльмен?
— Юристом, пришедшим спрашивать от имени обвинения.
— Благодарю вас. — Адвокат вальяжно сел, наклонился и сказал что-то явно забавное мистеру Глайбери.

Вопрос о письме всплыл и во время допроса distinguished Фредди. Сэр Уигмор особенно настаивал на том, что в среду вечером, отходя ко сну, капитан Кэткарт был в добром здравии и хорошем расположении духа и рассуждал о приближающемся бракосочетании.

— Вел себя настоящим живчиком, — заметил distinguished Фредди.
— Как? — переспросил председатель суда.
— Живчиком, милорд, — подсказал сэр Уигмор, неодобрительно приподняв бровь.
— Не уверен, что это словарное слово. — Председатель сделал аккуратную пометку в записях. — Будем считать синонимом слова «радостный».

Distinguished Фредди уточнил, что «живчик» больше, чем «радостный», энергичный, подвижный.

— Можно ли это принять так, что он был в добром расположении духа? — спросил адвокат.
— Принимайте так, как вам больше по вкусу, — пробормотал свидетель и добавил более весело: — Капля «Джон Бегг»⁷⁶ — вам счастье навек.

— То есть покойный, отходя ко сну, был особенно оживлен и предвкушал предстоящий в скором времени брак? — сурово нахмурился сэр Уигмор.

Distinguished Фредди с этим согласился.

Сэр Импи не стал устраивать перекрестный допрос по поводу ссоры и перешел прямо к своей теме.

— Вы что-нибудь помните о поступивших в вечер смерти письмах?
— Да. Я получил одно, от своей тетушки. Кажется, пришло письмо полковнику. И Кэткарту.
— Он прочитал его сразу?
— Нет. Я в этом совершенно уверен. Я свое вскрыл и заметил, как он свое засовывает в карман. Я еще подумал...

— Не имеет значения, что вы подумали, — прервал его адвокат. — Скажите, как вы поступили.
— Сказал: «Прошу прощения. Вы не возражаете?» Он ответил: «Нисколько». Но свое письмо читать не стал. Помню, я тогда решил...

— Мы не можем принять во внимание ваши мысли по этому поводу, — предупредил председатель суда.

— Но я поэтому уверен, что Кэткарт не читал письма, — ответил уязвленный Фредди. — Видите ли, я себе тогда сказал: какой же он скрытный человек, — и таким образом этот эпизод сохранился в моей памяти.

Сэр Уигмор было вскочил и уже открыл рот, но тут же сел.

— Спасибо, мистер Арбатнот, — улыбнулся адвокат.

Полковник Марчбэнкс и его жена показали, что в половине двенадцатого различили в кабинете герцога какое-то движение. Но ни выстрела, ни другого шума не слышали. Перекрестный допрос устраивать не стали.

Мистер Петтигрю-Робинсон дал о ссоре живой отчет. Он категорически заявил, что не могло быть ошибки, что стукнула дверь спальни герцога.

— Вскоре после трех нас позвал мистер Арбатнот, — продолжал свидетель. — Я спустился к оранжерее и увидел, что он и обвиняемый моют усопшему лицу. Я заметил, что они поступают неразумно: могут уничтожить ценные для полиции улики, — но они на мои слова не обратили внимания. Вокруг было много следов. Я хотел их рассмотреть, потому что у меня возникла версия...

— Остановитесь! — прервал его председатель суда. — Пожалуйста, отвечайте на вопросы и не добавляйте ничего от себя.

— Разумеется, — кивнул Петтигрю-Робинсон. — Я отнюдь не намерен предполагать, что происходило нечто неправильное, но считаю...

⁷⁶ Сорт виски

— Неважно, что вы считаете. Послушайте меня. Когда вы впервые увидели тело, как оно лежало?

— На спине. А Денвер и Арбатнот мыли ему лицо. Труп явно перевернули, потому что...

— Сэр Уигмор, — вмешался председатель суда, — вы обязаны контролировать своего свидетеля.

— Сосредоточьтесь на фактах, — сердясь, потребовал обвинитель. — Нам не нужны ваши заключения. Вы сказали, что, когда впервые увидели мертвого, он лежал на спине. Это так?

— А Денвер и Арбатнот его мыли.

— Хорошо. Теперь я хочу перейти к другой теме. Вы помните случай, когда обедали в Королевском автомобильном клубе?

— Помню. Это было в один из дней в прошлом августе. Шестнадцатого или семнадцатого числа.

— Можете сказать, что тогда произошло?

— После обеда я зашел в курительную и читал в глубоком кресле с подголовником, когда заметил, как туда вошел обвиняемый с покойным капитаном Кэткартом. Они решили, что в курительной одни, иначе вели бы себя осторожнее и не говорили бы то, что сказали. Сели неподалеку от меня и начали беседу. Кэткарт склонился к собеседнику и что-то прошептал, но я не расслышал. Обвиняемый с испуганным лицом вскочил и воскликнул: «Ради бога, не выдавайте меня! Будут жуткие последствия!» Кэткарт хотел его успокоить — что-то ответил, но я не разобрал. У него был какой-то вороватый голос. «Не надо, и все! — отрезал обвиняемый. — Я не могу позволить, чтобы этим кто-то завладел». Судя по всему, он был сильно встревожен. Капитан Кэткарт рассмеялся. Они понизили голос. И это все, что мне удалось услышать.

— Спасибо.

Сэр Импи приступил к допросу свидетеля с вкрадчивой вежливостью.

— Вы, мистер Петтигрю-Робинсон, наделены исключительной способностью наблюдения и дедукции, — начал он, — и, как я вижу, пользуетесь своим благодатным воображением, чтобы изучать мотивы и характеры людей.

— Могу назвать себя исследователем человеческой природы, — ответил, заметно успокаиваясь, свидетель.

— И люди склонны вам доверять?

— Безусловно. Я величайшее хранилище свидетельств их душ.

— И в день смерти капитана Кэткарта ваше знание мира наверняка пригодилось семье?

— Они не захотели извлечь пользы из моего опыта, — ответил, внезапно взрываясь, Петтигрю-Робинсон. — Не обращали на меня никакого внимания. Вот если бы тогда они воспользовались моим советом...

— Спасибо, спасибо, — поспешно поблагодарил свидетеля юрист, предвосхищая возмущенную реплику поднявшегося председателя суда, и продолжил: — Если бы капитан Кэткарт имел какой-нибудь секрет или неприятность в жизни, поделился бы он с вами своими проблемами?

— Всякий разумный молодой человек так бы и поступил, — не сдержался Петтигрю-Робинсон. — Но капитан Кэткарт был неприятно скрытен. Единственный раз, когда я поинтересовался его делами, он ответил очень грубо. Назвал меня...

— Довольно, — поспешно вмешался сэр Уигмор. Ответ на вопрос был совершенно иным, чем он ожидал. — Как назвал вас покойный, не имеет значения.

Мистер Петтигрю-Робинсон удалился, оставив о себе впечатление человека злопамятного, чем очень развеселил Глайбери и Браунригга-Фортескью, которые не переставали хихикать во время допроса двух последующих свидетелей.

Миссис Петтигрю-Робинсон мало что добавила к расследованию. Далее на трибуну вызвали сестру погибшего. Сэр Импи спросил мисс Кэткарт о родословной капитана Кэткарта. Она с глубоким неодобрением в голосе объяснила, что ее брат, повидавший виды мужчина средних лет, позволил девятнадцатилетней итальянской певичке его окрутить, и та женила его на себе. Жизнь они вели беспорядочную, и сын полностью находился на попечении матери. Свидетельница сказала, что Дэниса раздражала ее опека, он общался с людьми, которых она не одобряла, а

затем уехал в Париж строить дипломатическую карьеру, и с тех пор мисс Кэткарт его почти не видела.

Во время перекрестного допроса инспектора Крейкса была затронута интересная тема. Ему продемонстрировали перочинный нож, и он узнал его как тот, что был найден на трупе Кэткарта.

Вопрос от мистера Глайбери:

— Вы замечаете на лезвии какие-нибудь следы?

— Да, возле ручки имеется небольшая зазубринка.

— Могла ли такая образоваться от того, что ножом пытались отодвинуть оконную щеколду?

Инспектор согласился, что могла, но усомнился, что для такого дела решили воспользоваться настолько маленьким ножом. Продемонстрировали револьвер, и был поднят вопрос о его владельце.

— Милорды, — вмешался сэр Импи, — мы не обсуждаем принадлежность револьвера герцогу.

Члены суда удивленно подняли глаза. После показания егеря Хардро, что он слышал выстрел незадолго до полуночи, заслушали свидетельство врача.

— Мог ли покойный сам себя ранить? — спросил сэр Импи.

— Конечно, мог.

— Могла ли эта рана стать причиной немедленной смерти?

— Судя по количеству крови на дорожке, нет.

— Как по-вашему, свидетельствуют ли обнаруженные следы о том, что раненый полз в направлении дома?

— Вполне. У него могло для этого остаться достаточно сил.

— Подобная рана способна вызвать лихорадку?

— Не исключено. Раненый мог время от времени терять сознание и, лежа на мокром, получить озноб.

— Можно ли по внешнему виду трупа предположить, что покойный после ранения прожил еще несколько часов?

— С большими основаниями.

Сэр Уигмор, со своей стороны, подытожил, что характер ранения и вид местности согласуются с версией, что в Кэткарта с близкого расстояния стрелял другой человек, а затем раненого тащили к дому, пока он не скончался.

— Куда, по вашему опыту, обычно стреляет человек, намеренный совершить самоубийство: в грудь или в голову?

— Скорее в голову.

— Этого достаточно, чтобы предположить, что имело место убийство?

— Я бы так далеко не заходил.

— Но при прочих условиях вы заявляете, что для самоубийства более характерно стрелять в голову, а не в тело?

— Да.

— Но разве невозможно убить себя выстрелом в сердце? — спросил сэр Импи Биггс.

— Господи, конечно, возможно!

— Такие случаи бывали?

— Сколько угодно.

— Как вы полагаете, можно ли с медицинской точки зрения исключить самоубийство?

— Ни в коем случае.

Это закрыло дело для стороны обвинения.

Глава 15

Барометр падает

По материалам новостных агентств Рейтер, Пресс Ассошиэйшн, Эксчейндж Телеграф и Сентрал Ньюз.

Когда на второй день судебного заседания сэра Импи Биггс выступал с речью от имени защиты, он казался встревоженным, что обычно ему не свойственно. Его реплики были очень кратки, но даже немногими словами он взволновал зал.

— Милорды, открывая сессию защиты, я оказался в необычно сложном положении, но не потому, что сомневаюсь в вердикте ваших светлостей. Наверное, никогда не было легче доказать невиновность подсудимого, чем в случае с моим клиентом. Но скажу сразу: буду вынужден просить отсрочки заседания, поскольку сейчас отсутствует важный свидетель и решающая улика. У меня в руке каблограмма⁷⁷ от этого свидетеля, милорды. Я назову его имя — лорд Питер Уимзи, брат обвиняемого. Он послал ее вчера из Нью-Йорка. Я прочитаю текст. Вот он: «Доказательства имеются. Вечером вылетаю с пилотом Грантом. Письменные показания под присягой и копия на случай катастрофы последуют пароходом «Лукарния». Надеюсь прибыть в четверг». Милорды, этот архиважный свидетель сейчас бороздит воздух над просторами Атлантики. В жуткую зимнюю погоду перед таким испытанием дрогнуло бы сердце любого, но только не лорда Уимзи и всемирно известного авиатора, чьей помощью он воспользовался, чтобы не терять ни мгновения в деле освобождения своего благородного брата, которому предъявлено такое ужасное обвинение. Милорды, барометр падает.

Наступила тишина, словно на скамьи упало неподвижное безмолвие беснежной стужи. Лорды в красном с горностаем, пэры в дорогих мехах, суд в париках и топорщащихся мантиях, председатель на высоком кресле, судебные приставы и герольды — все замерли на своих местах. Только обвиняемый взволнованно посмотрел на своего адвоката и перевел взгляд на председателя суда в некотором недоумении, а репортеры бешено строчили экстренные сообщения, сочиняли броские заголовки и яркие эпитеты и приводили тревожные прогнозы погоды, надеясь привлечь внимание вечно куда-то спешащих лондонцев. «Сын пэра летит над Атлантикой», «Братская привязанность», «Успеет ли вовремя Уимзи?», «Риддлсдейлское убийство — неожиданный поворот». Такова была новость дня. В кабинетах и клубах ее выстукивали тысячи пишущих машинок, где клерки и посыльные чесали языки и заключали пари. Огромные типографские станки переплавляли новость в свинец, формировали в отлитые строки, переваривали в утробе и превращали в текст на бумаге. И косматый ветеран с сизым носом, который некогда помогал под Кодри откопать из воронки майора Уимзи, раскладывая на уличном лотке у дерева газеты и поправляя рекламу, чтобы лучше видели, бормотал: «Храни его Бог. Хороший парень».

После краткого отступления, которое сэра Импи сделал не только для того, чтобы доказать невиновность благородного клиента, но и дабы (в качестве дополнения к своим прямым обязанностям) продемонстрировать трагические детали дела, он немедленно приступил к вызову свидетелей.

Среди первых отвечал Гойлс, который показал, что в три утра обнаружил уже мертвого Кэткарта, лежащего головой близ поилки для скота, которая находилась неподалеку от колодца. Эллен, горничная, подтвердила показания Джеймса Флеминга по поводу почтового мешка и пояснила, что каждый день меняла в кабинете промокательную бумагу.

Показания инспектора уголовной полиции Паркера пробудили больше интереса и даже волнений. Его рассказ о находке зеленоглазого кота слушали весьма внимательно. Инспектор подробно описал следы ног, волочения тела и особенно — отпечаток ладони на клумбе. Продемонстрировали обрывок промокательной бумаги и среди пэров пустили ее фотографии.

⁷⁷ Телеграмма, переданная по подводному кабелю.

Оба эти вопроса вызвали долгую дискуссию. Сэр Импи Биггс хотел доказать, что следы на клумбе были таковы, какие могли остаться, если бы на это место оперся пытавшийся подняться с земли человек. Сэр Уигмор сделал все возможное, чтобы защитить предположение, что Кэткарт таким образом пытался воспрепятствовать тому, чтобы его тащили.

— Разве положение направленных к дому пальцев не противоречит допущению о волочении тела? — спросил сэр Импи.

Но сэр Уигмор заметил свидетелю, что раненого могли тянуть головой вперед.

— Если сейчас, — добавил он, — я протащу вас за ворот пальто, милорды поймут, о чем речь.

— Похоже, этот вопрос нужно решать *solvitur ambulando*⁷⁸, — заметил председатель суда, вызвав смех в зале. — Предлагаю в обеденный перерыв провести эксперимент — пусть желающие выберут для этого похожего на покойного по росту и весу коллегу.

Благородные лорды огляделись, подыскивая, кто из коллег может превратиться в несчастную жертву.

Затем Паркер упомянул следы проникновения на окне кабинета.

— Как по-вашему, мог ли следы на щеколде оставить найденный на теле покойного нож?

— Мог. Я проводил опыт с ножом именно такого типа.

После этого стали обсуждать надпись на промокательной бумаге, читая отпечатки взад и вперед и интерпретируя всевозможным образом. Сторона защиты настаивала, что язык французский и слова: «*Je suis fou de douleur*». Обвинение выдвинуло притянутое за уши предположение, что на промокашке отпечатались английские слова: «is found» или «his foul». Пригласили почерковеда, который сравнил почерк с настоящим письмом Кэткарта, после чего его взяла в оборот сторона обвинения.

Эти запутанные вопросы оставили на усмотрение благородных лордов. А затем сторона защиты заслушала утомительную цепочку свидетелей: управляющего отделением «Кокса»; мсье Туржо из банка «Лионский кредит», который подробно рассказал о финансовых операциях Кэткарта; консьержа и мадам Леблан с улицы Сент-Оноре. Благородные лорды начали зевать, кроме немногих, которые вдруг принялись делать подсчеты в своих блокнотах и переглядываться, будто разбирались в финансах.

Затем появились мсье Брикке, ювелир с улицы Де-ла-Пэ, и девушка-продавщица из его магазина, которая, пробудив публику, рассказала о высокой симпатичной иностранке и покупке зеленоглазого кота. Сэр Импи, напомнив залу, что этот случай произошел в феврале, когда невеста Кэткарта была в Париже, предложил помощнице ювелира посмотреть в зал и сказать, не видит ли она ту иностранную даму. Эксперимент оказался долгим, но ответ в итоге получился отрицательным.

— Не хочу, чтобы оставались какие-то сомнения, — сказал сэр Импи. — Поэтому с разрешения уважаемого генерального прокурора устрою очную ставку свидетельницы и леди Мэри Уимзи.

Мэри предстала перед девушкой, и та не колеблясь, уверенно ответила:

— Нет, не она. Эту женщину я никогда не видела. Есть некоторое сходство: в росте, цвете волос и прическе, — но не более. Совершенно иной тип. Мадемуазель — очаровательная английская леди, и повезет тому мужчине, который на ней женится. А та, другая, что называется «*belle à se suicider*». Из-за таких совершают убийства, убивают ее и себя, или шлют все к черту. И поверьте мне, джентльмены, — девушка улыбнулась благородному собранию, — в нашем деле мы с такими встречаемся.

Ее слова произвели впечатление. Сэр Импи сделал пометку и послал записку Мерблсу. В ней было всего одно слово: «Замечательно!» Мерблс ответил: «Все сама. Можете представить: не подсказал ни единого слова». И вытянувшись в кресле, улыбнулся, отчего стал похож на маленькую готическую кариатиду.

Следующим пригласили профессора Геберта, признанного знатока международного права, который охарактеризовал Кэткарта в предвоенный парижский период как подающего большие надежды молодого дипломата. За ним говорили офицеры, подтвердившие заслуги покойного на фронте. Свидетель с аристократическим именем Дюбуа-Гоби Гудин вспомнил неприятный спор с капитаном Кэткартом за карточной игрой и упомянул историю с выдающимся английским

⁷⁸ Здесь: «путем эксперимента» (лат.)

инженером мсье Фриборном. Свидетеля своими стараниями раскопал Паркер, и теперь с нескрываемой ухмылкой смотрел, как досадил Уигмору. Время шло, и председатель суда поинтересовался у лордов, не согласятся ли они любезно отложить заседание до 10.30 утра следующего дня. Те дружным хором ответили «да», и суд был отложен.

Когда людской поток вылился на Парламентскую площадь, на запад неслись черные облака с рваными краями, а с реки летели чайки. Чарлз Паркер, плотно запахнув выдавшее виды пальто, пробирався к автобусной остановке, чтобы добраться домой на Грейт-Ормонд-стрит. Очередной каплей неудобства стал крик кондуктора, который, поприветствовав его словами: «Места только наверху!» — прозвонил к отправлению. Детектив, не успев выйти обратно, поднялся по лестнице и сел, придерживая от ветра шляпу. Мистер Бантер печально вернулся на Пикадилли, 110а, и до семи часов неприкаянно бродил по квартире, после чего обосновался в гостиной и включил радиоприемник.

— Говорит Лондон, — произнес равнодушный, невидимый голос. — Сообщаем прогноз погоды. Атлантику пересекает зона пониженного давления и вскоре установится над Британскими островами. Ожидается сильный ветер, дождь со снегом, на юго-западе ураган.

— Чем черт не шутит. Пойду-ка разведу в его спальне огонь, — пробормотал Бантер.

— Прогноз на ближайшее будущее такой же, — сказала радио.

Глава 16

Вторая нить

Он взял свой лук и был таков:
Он через реки плыл;
А по лугам без башмаков
Бежал что было сил.
Бежал мальчуган вперед, вперед,
Спешил через луг и лес.
В замке не стал тревожить народ,
А на стену залез.

*Леди Мейзри*⁷⁹

Лорд Питер вглядывался сквозь холодную пелену облаков. Хрупкие металлические стойки крыльев подрагивали над сверкающей далеко внизу гладью, где во все стороны широко раскинулось водное пространство, медленно ползущее им навстречу, как большая вращающаяся карта. Затянутая в кожу широкая спина пилота, покрытая каплями дождя, упрямо горбилась впереди. Питер надеялся, что Грант знает свое дело. Время от времени тот оборачивался и что-то кричал пассажиру, но его голос тонул в реве мотора и бесконечных порывах ветра.

Питер старался отвлечься от превратностей погоды, вспоминая недавнюю странную торопливую сцену, и в его голове мелькали обрывки разговора.

— Мадемуазель, я в поисках вас объехал два континента.

— *Voyons*⁸⁰, только быстрее. Может прийти большой медведь и рассердиться. Я не хочу *des histories*⁸¹.

На длинном столе стояла лампа. Питеру вспомнилось, как сияли в ее свете короткие золотистые волосы собеседницы. Высокая стройная девушка смотрела на него, лежа на огромных черных с золотом подушках.

⁷⁹ Народная баллада шотландского происхождения. Пер. Игн. Ивановского.

⁸⁰ Давай (фр.)

⁸¹ историй (фр.)

— Мадемуазель, не могу представить, чтобы вы обедали или танцевали с таким человеком, как ван Хампердинк.

Зачем он это спросил? Надо спешить — решать проблему брата. Неужели это так важно?

— Мсье Хампердинк не танцует. Вы искали меня на двух континентах, чтобы это сказать?

— Нет. Я с серьезным делом.

— Хорошо. Садитесь.

Она была с ним откровенна.

— Да, бедная душа. Но жизнь после войны сильно подорожала. Пришлось отказаться от хороших вещей. И всегда *des histories*. Очень мало денег. Нужно проявлять практичность. Люди стареют. Требуется дальновидность.

— Конечно.

Она говорила с каким-то акцентом. Сначала он не мог определить, откуда такой, затем вспомнил — довоенная Вена с ее невероятным безрассудством.

— Да, да, я написала. Была очень добра и разумна. Сказала: «*Je ne suis pas femme à supporter des gros ennuis*»⁸². Это ведь понятно?

Это было вполне понятно. Самолет нырнул в тошнотворную воздушную яму, пропеллер беспомощно крутился в пустоте, затем нос поднялся, и машина снова пошла вверх, закладывая вираж в противоположную сторону.

— Я видела в газетах. Бедный малыш. Зачем его застрелили?

— Именно за этим я и приехал. В убийстве обвинили моего горячо любимого брата. Ему грозит виселица.

— Бр-р-р...

— За преступление, которого он не совершал.

— *Mon pauvre enfant...*⁸³

— Мадемуазель, умоляю вас проявить серьезность. Брату предъявили обвинение, и он предстанет перед судом.

Как только удалось завоевать ее внимание, она превратилась в само сочувствие. Ее голубые глаза отличались необычной и манящей особенностью — полные нижние веки превращали их в мерцающие щелки.

— Мадемуазель, прошу вас, вспомните, что было в письме.

— Как, мой бедный друг? Я же его не читала. Оно было длинным и скучным, полным *histoires*. Все было кончено — я никогда не пекусь о том, что нельзя спасти.

Но ее тронуло его отчаяние.

— Послушайте, может, не все еще потеряно, и письмо где-то завалялось. Можно спросить Адель. Она моя служанка. Собирает письма, чтобы шантажировать людей — ох, да, знаю, знаю! Но она *habile comme tout pour la toilette*⁸⁴. Подождите расстраиваться, сначала поищем.

Из безвкусного секретера, ящиков шкафа и сумок — сотен сумок — полетели письма, безделушки и всякая ароматная ерунда. (Я такая неаккуратная! Адель от меня в отчаянии.) Адель — тонкогубая женщина с настороженным взглядом — все отрицала, пока госпожа в ярости не ударила ее по лицу и не обругала по-французски и по-немецки.

— Бесполезно, — проговорил лорд Питер. — Как жаль, что мадемуазель Адель не может найти такую ценную для меня бумагу.

Слово «ценная» навело Адель на мысль, и на свет появилась принадлежащая мадемуазель шкатулка для драгоценностей, которую еще не осматривали.

— Мсье ищет это?

⁸² Я не из тех, кто готов смириться с большими неприятностями (*фр.*).

⁸³ Мой бедный малыш (*фр.*).

⁸⁴ искусница, как все, по части туалетов (*фр.*)

Затем последовало внезапное появление господина Корнелиуса ван Хампердинка — очень богатого, крепко сбитого подозрительного мужчины, и тактичное, ненавязчивое вознаграждение Адель у шахты лифта.

Грант что-то крикнул, но слова, безвольно канув в темноту, потерялись.

— Что? — гаркнул ему в ухо Питер.

Пилот крикнул снова, и слово «горючка» на этот раз, обратившись в звук, достигло слуха его светлости. Но Питер не мог судить, хорошая это новость или плохая.

Вскоре после полуночи Мерблс поднял с постели оглушительный стук в дверь. Он в тревоге высунул из окна голову и увидел швейцара с мерцающим сквозь дождь фонарем. За ним маячила размытая фигура, которую в эту минуту Мерблс не сумел узнать.

— В чем дело? — спросил адвокат.

— Вас срочно хочет видеть молодая дама, сэра.

Фигура подняла голову, и в свете фонаря под маленькой шляпкой блеснули золотистые волосы.

— Мистер Мерблс, пожалуйста, выйдите. Мне позвонил Бантер. Пришла женщина, хочет дать показания. Бантер боится оставить ее одну. Она жутко напугана, но он говорит, что дело ужасно важное. А вы знаете, Бантер всегда прав.

— Он назвал ее имя?

— Миссис Граймторп.

— Боже праведный! Один момент, милейшая леди, я вас сейчас впущу.

С неожиданным проворством Мерблс в шерстяном халате оказался у двери.

— Входите, дорогая. Я моментально оденусь. Правильно, что вы ко мне пришли. Я очень, очень рад. Какая жуткая ночь! Перкинс, будьте добры, разбудите мистера Мерфи, попросите оказать мне любезность — дать воспользоваться его телефоном.

Мерфи, беспокойного ирландского барристера с дружелюбными манерами, будить не пришлось: коротая время в компании друзей, он обрадовался возможности оказать услугу.

— Это вы, Биггс? Говорит Мерблс. То алиби...

— Да?

— Явилось само.

— Боже! Что я слышу?

— Можете приехать на Пикадилли, сто десять «а»?

— Выезжаю.

Странное общество собралось у очага лорда Питера: вздрагивавшая при каждом звуке женщина с бледным как смерть лицом, умудренные опытом деловые юристы, леди Мэри, сноровистый Бантер. История гостьи была достаточно простой. С момента разговора с лордом Питером она непрестанно мучилась от того, что услышала. Воспользовалась моментом, когда ее муж напился в трактире «Господь во славе», запрягла лошадь и поехала в Степли.

— Не могу молчать. Пусть лучше убьет меня муж — я и так несчастна, в руках Господних мне хуже не будет. Только бы герцога не повесили за то, чего он не совершал. Он был ко мне добр, я в глубоком отчаянии, это правда, и надеюсь, его жена не будет к нему слишком строга, когда все узнает.

— Нет-нет. — Мерблс закашлялся. — Простите, мадам. Сэр Импи...

Законники зашептались в нише окна.

— Понимаете, — начал сэр Импи, — явившись сюда, она сожгла мосты. Вопрос в том, оправдан ли риск. Мы же не знаем характер улики Уимзи.

— Именно поэтому я склонен, несмотря на риск, принять ее показания, — возразил Мерблс.

— Я готова рискнуть, — упрямо вмешалась сама миссис Граймторп.

— Мы это ценим, — кивнул сэр Импи и пояснил: — Но в первую очередь обязаны учитывать, чем рискует наш клиент.

— Рискует? — удивилась Мэри. — Это же снимает с него всякую вину.

— Вы готовы, миссис Граймторп, объявить под присягой, в какое точно время его милость герцог Денверский пришел в «Нору Грайдера»? — Законник словно не расслышал слов Мэри.

— На кухонных часах было четверть первого. Это очень хорошие часы...
— А когда от вас ушел?
— Около пяти минут третьего.
— Сколько времени может потребоваться человеку быстрым шагом вернуться из вашего дома в Лодж?

— О, примерно час. Путь непростой: крутой берег, то вверх, то вниз к ручью.

— Не позволяйте другим юристам сбить вас с толку по этим пунктам, миссис Граймторп, поскольку они попытаются доказать, что у герцога могло хватить времени убить до того, как он отправился к вам или вернулся от вас. Или заставить вас признать, что у герцога было в жизни нечто такое, что он хотел бы сохранить в тайне. Это нечто неизвестно стороне обвинения, но оно могло послужить мотивом убийства, если бы эту тайну открыл некий человек.

Повисло напряженное молчание.

— Могу я спросить, мадам, — продолжал сэр Импи, — нет ли у кого-нибудь подозрений о вашей связи?

— Муж догадывается, — хрипло проговорила миссис Граймторп. — Я уверена. Знал всегда, но не мог доказать. А в ту ночь...

— В какую ночь?

— В ночь преступления. Он расставил мне ловушку — хотел возвратиться из Степли с расчетом нас застать и убить. Но перед выездом слишком напился и уснул в канаве. Иначе вы бы расследовали смерть Джеральда, мою и других.

Мэри вздрогнула, услышав имя своего брата вот так запросто, от этой женщины и в такой компании, и внезапно спросила, будто бы кстати:

— А мистер Паркер здесь?

— Нет, дорогая, — с ноткой упрека в голосе ответил Мерблс. — Это не касается полиции.

— Думаю, самое лучшее, что мы можем сделать, — сказал сэр Импи, — принять показания и в случае необходимости организовать этой даме защиту. А пока...

— Она поедет со мной к матери, — решительно заявила леди Мэри.

— В данных обстоятельствах это совершенно неприемлемо, — не согласился Мерблс. — Думаю, вы не сознаете...

— Так велела мама, — перебила его Мэри. — Бантер, вызовите такси.

Мерблс безнадежно махнул рукой. Зато сэр Импи позабавился.

— Плохо дело, Мерблс. Время и неприятности лечат прогрессивную молодую даму, а вот пожилая прогрессивная дама не подвластна никаким земным силам.

Чтобы рассказать новости Чарлзу Паркеру, леди Мэри позвонила из городского дома вдовствующей герцогини.

Глава 17

Красноречивый мертвец

Я достаточно знал Манон: зачем же так сокрушаться над несчастьем, которое давно следовало предвидеть?

*Аббат Прево. История кавалера де Грие и Манон Леско*⁸⁵

Буря налетела среди прекрасного свежего дня с ясным небом, и сильный ветер покатила по голубым скатам небес груды облаков.

Обвиняемый целый час пререкался со своими адвокатами, и наконец они вошли в здание суда, и даже классическое лицо сэра Импи покраснелось меж крыльев парика.

⁸⁵ Пер. М. Петровского, М. Вахтеровой.

— Ничего не собираюсь рассказывать, — решительно заявил герцог. — Так поступить — мерзость. Понимаю, мне не удастся вам запретить вызвать ее в качестве свидетеля, если она настаивает. Очень благородно с ее стороны. Но я себя чувствую последним негодяем.

— Остановимся на этом, — решил Мерблс. — Произведет хорошее впечатление. Пусть ведет себя по-джентльменски. Это нравится.

Рано вставший репетировать речь, сэра Импи кивнул.

Первый свидетель в этот день стал полной неожиданностью. Женщина назвала свое имя и адрес — Элиза Бриггс. Она была известна как мадам Бигет с Нью-Бонд-стрит, парфюмер и косметолог. Элиза имела обширную аристократическую клиентуру из женщин и мужчин и отделение в Париже.

Покойный был несколько лет ее клиентом в обоих городах. После войны он обратился к ней по поводу оставленных шрапнелью неглубоких шрамов. Он очень заботился о своей внешности, и если можно говорить о тщеславии мужчин, то он определенно был тщеславным. Сэр Уигмор не сделал попытки устроить перекрестный допрос, и удивленные благородные лорды переглянулись.

Сэр Импи Бриггс, подавшись вперед, выразительно постукал указательным пальцем по бумагам и начал:

— Милорды, мы считали это дело настолько очевидным, что не видели смысла представлять алиби...

В этот момент судебный пристав, пробившись сквозь водоворот людей у входа, взволнованно подал ему записку. Адвокат прочел, порозовел и, окинув взглядом зал, громким голосом — таким громким, что проник даже в глухие уши герцога Уилтширского, — продолжил:

— Рад сообщить, что наш пропавший свидетель здесь! Я приглашаю лорда Питера Уимзи.

Свидетель показал следующее:

— Я, Питер Дэс Бредон Уимзи, прихожусь обвиняемому братом. Проживаю на Пикадилли-стрит, в доме номер сто десять «а». Вследствие того, что прочитал на промокательной бумаге, подлинность которой сейчас признаю, я отправился в Париж в поисках определенной дамы. Имя этой госпожи — мадемуазель Симона Вондераа. Оказалось, что она уехала из Парижа с неким ван Хампердинком. Я последовал за ними и, встретившись с ней в Нью-Йорке, попросил дать мне письмо, которое Кэткарт написал в ночь своей смерти (*оживление в зале*). Я представляю это письмо с подписью мадемуазель Вондераа в углу, чтобы его могли идентифицировать, если Уигги попытается вас охмурить (*Смех в зале, в котором потонул протест обвинителя*.) Прошу прощения, старина, что не предупредил заранее, но я получил его только позавчера. Спешил как мог, но пришлось приземлиться возле Уайтхейвена. Проблемы с мотором. Если бы на полмили раньше, вы бы меня не дождались. (*Аплодисменты, поспешно пресеченные председателем суда.*)

— Милорды, — начал сэра Импи, — вы свидетели, что я ни разу в жизни не видел этого письма. Понятия не имею о его содержании, но уверен, что оно определенно полезно в деле оправдания моего благородного клиента, и поэтому намерен — нет, горю желанием — немедленно приобщить его к документам в том виде, как оно есть, без изучения относительно содержания.

— Необходимо установить, что письмо написано почерком покойного, — вмешался председатель суда.

Перья журналистов бешено строчили по бумаге. Пишущий для «Дейли трампет» долговязый молодой человек в предвкушении скандала в высших сферах жадно облизал губы, не подозревая, что минуту назад от него уплыла новость куда пикантнее.

Чтобы идентифицировать почерк, пригласили мисс Лидию Кэткарт, а письмо передали председателю суда, который объявил:

— Текст на французском. Необходимо привести к присяге переводчика.

— Обратите внимание, что обрывки слов на промокательной бумаге — это отпечатки строк данного письма, — неожиданно сказал свидетель. — Прошу прощения, что не упомянул об этом раньше.

— Этот свидетель пытается выдать себя за эксперта? — испепеляющее сверкнул глазами сэра Уигмор.

— Еще бы. И вижу, что свалился Уигги как снег на голову.

Бигги-Уигги — парни класс,
В суд ввалились в этот час...

— Сэр Импи, вы должны призвать своего свидетеля к порядку.

Лорд Питер усмехнулся и, пока искали и приводили к присяге переводчика, молчал. Когда наконец стали читать письмо, зал затаил дыхание.

*Riddlesdale Lodge, Stapley, N. E. Yorks.
le 13 Octobre, 1923.*

Simone, — Je viens de recevoir ta lettre. Que dire? Inutiles, les prières ou les reproches. Tu ne comprendras — tu ne liras même pas.

N'ai-je pas toujours su, d'ailleurs, que tu devais infailliblement me trahir? Depuis dix ans déjà je souffre tous les tourments que puisse infliger la jalousie. Je comprends bien que tu n'as jamais voulu me faire de la peine. C'est tout justement cette insouciance, cette légèreté, cette façon séduisante d'être malhonnête, que j'adorais en toi. J'ai tout su, et je t'ai aimée.

Ma foi, non, ma chère, jamais je n'ai eu la moindre illusion. Te rappelles tu cette première rencontre un soir au Casino? Tu avais dix-sept ans, et tu étais jolie à ravir. Le lendemain tu fus à moi. Tu m'as dit, si gentiment, que tu m'aimais bien, et que j'étais, moi, le premier. Ma pauvre enfant, tu en as menti. Tu riais, toute seule, de ma naïveté — il y avait bien de quoi rire! Dès notre premier baiser, j'ai prévu ce moment.

Mais écoute, Simone. J'ai la faiblesse de vouloir te montrer exactement ce que tu as fait de moi. Tu regretteras peut-être un peu. Mais, non — si tu pouvais regretter quoi que ce fût, tu ne serais plus Simone.

Il y a dix ans, la veille de la guerre, j'étais riche — moins riche que ton Américain, mais assez riche pour te donner l'établissement qu'il te fallait. Tu étais moins exigeante avant la guerre, Simone — qui est-ce qui, pendant mon absence, t'a enseigné le goût du luxe? Charmante discrétion de ma part de ne jamais te le demander! Eh bien, une grande partie de ma fortune se trouvant placée en Russie et en Allemagne, j'en ai perdu plus de trois-quarts. Ce que m'en restait en France a beaucoup diminué en valeur. Il est vrai que j'avais mon traitement de capitaine dans l'armée britannique, mais c'est peu de chose, tu sais. Avant même la fin de la guerre, tu m'avais mangé toutes mes économies. C'était idiot, quoi! Un jeune homme qui a perdu les trois-quarts de ses rentes ne se permet plus une maîtresse et un appartement Avenue Kléber. Ou il congédie madame, ou bien il lui demande quelques sacrifices; je n'ai rien osé demander. Si j'étais venu un jour te dire, "Simone, je suis pauvre" — que m'aurais-tu répondu?

Sais-tu ce que j'ai fait? Non — tu n'as jamais pensé à demander d'où venait cet argent. Qu'est-ce que cela pouvait te faire que j'ai tout jeté — fortune, honneur, bonheur — pour te posséder? J'ai joué, désespérément, éperdument — j'ai fait pis: j'ai triché au jeu. Je te vois hausser les épaules — tu ris — tu dis, "Tiens, c'est malin, ça!" Oui, mais cela ne se fait pas. On m'aurait chassé du régiment. Je devenais le dernier des hommes.

D'ailleurs, cela ne pouvait durer. Déjà un soir à Paris on m'a fait une scène désagréable, bien qu'on n'ait rien pu prouver. C'est alors que je me suis fiancé avec cette demoiselle dont je t'ai parlé, la fille du duc anglais. Le beau projet, quoi! Entretenir ma maîtresse avec l'argent de ma femme! Et je l'aurais fait — et je le ferais encore demain, si c'était pour te reposséder.

Mais tu me quittes. Cet Américain est riche — archiriche. Depuis longtemps tu me répètes que ton appartement est trop petit et que tu t'ennuies à mourir. Cet

*“amibienvueillant” t’offre les autos, les diamants, les mille-et-une nuits, la lune!
Après de ces merveilles, évidemment, que valent l’amour et l’honneur?*

*Enfin, le bon duc est d’une stupidité très commode. Il laisse trainer son
révolver dans le tiroir de son bureau. D’ailleurs, il vient de me demander une
explication à propos de cette histoire de cartes. Tu vois qu’en tout cas la partie
était finie. Pourquoi’en vouloir? On mettra sans doute mon suicide au compte de
cet exposé. Tant mieux; je ne veux pas qu’on affiche mon histoire amoureuse dans
les journaux.*

*Adieu, ma bien-aimée — mon adorée, mon adorée, ma Simone. Sois heureuse
avec ton nouvel amant. Ne pense plus à moi. Qu’est-ce tout cela peut bien te
faire? Mon Dieu, comme je t’ai aimée — comme je t’aime toujours, malgré moi.
Mais c’en est fini. Jamais plus tu ne me perceras le coeur. Oh! J’enrage — je suis
fou de douleur! Adieu.*

Denis Cathcart

Далее шел перевод

Симона! Я получил твое письмо. Что сказать? Умолять тебя или упрекать бесполезно. Ты не поймешь, а может, даже не станешь читать письмо.

К тому же я всегда знал, что ты меня когда-нибудь предашь. Десять последних лет я чертовски ревновал. Прекрасно понимаю, что у тебя никогда не было намерений сознательно причинить мне боль. Это все твое легкомыслие и беззаботность. И твоя манящая манера обманывать. Я все это знал и все равно любил.

О нет, дорогая, я никогда не тешился иллюзиями. Помнишь наше знакомство в тот вечер в казино? Тебе было семнадцать, и твое очарование пронзило мне сердце. Ты пришла ко мне на следующий день, сказала, что любишь меня и что я у тебя первый. Ты солгала, моя милая девочка. Я представлял, как, оставаясь одна, ты потешалась над тем, как легко поймала меня в свои сети. Но смеяться было не над чем. С нашего первого поцелуя я предвидел этот момент.

Боюсь, я слишком слаб, чтобы поведать, что ты со мной сотворила. Ты расстроишься. Но нет — если бы в тебе сохранилась способность к состраданию, ты бы больше не была Симоной.

Десять лет назад, до войны, я был богат. Не так богат, как твой новый американец, но достаточно, чтобы дать тебе то, что ты хотела. До войны тебе требовалось меньше, Симона. Кто научил тебя подобной расточительности, пока я отсутствовал? Хорошо, что я не стал задаваться этим вопросом. Большинство моих средств были в русских и немецких облигациях, три четверти из них превратились в пыль. Оставшиеся во Франции сильно обесценились. Мне, разумеется, платили капитанское жалование, но оно было небольшим. Еще до конца войны ты подчистила мои сбережения. Глупец! Молодой человек с моим доходом не мог себе позволить такую любовницу и квартиру на авеню Клебер. Нужно было либо с ней расстаться, либо потребовать немного самопожертвования. Я не решился ни на то, ни на другое. Предположим, я однажды пришел бы к тебе и сказал: «Я потерял все деньги». Что бы ты мне ответила?

Как я, по-твоему, поступал? Ты вообще об этом не задумывалась. Тебя не интересовало, что я жертвовал богатством, честью и счастьем, чтобы тебя удержать. Я безрассудно картежничал и, что еще хуже, стал шулером. А ты бы пожала плечами и сказала: «Вот и хорошо». Ничего хорошего — то была подлая игра. Если бы меня застукали, то уволили бы со службы.

Так не могло продолжаться вечно. В Париже случился скандал, но никто не мог ничего доказать. Я обручился с англичанкой, дочерью герцога; я тебе

рассказывал. Хорошо? Решил завести жену, чтобы на ее деньги содержать любовницу! Но я бы снова так поступил, чтобы тебя вернуть.

И ты меня бросила. Этот американец сказочно богат. Ты прожужжала мне все уши, что квартира слишком мала и ты смертельно скучаешь. Твой «добрый друг» может предложить тебе автомобили, бриллианты, дворец Аладдина, Луну! Любовь и честь по сравнению с этим ничтожны.

Герцог услужливо-глуп — оставил в ящике стола револьвер. И еще интересовался той карточной историей. Так что понимаешь, игра окончена. Я тебя не виню. Думаю, мое самоубийство объяснят боязнью разоблачения. Тем лучше. Не хочу, чтобы рассказ о моих любовных похождениях появился в «Санд пресс».

Прощай, дорогая! О, Симона, любимая, прощай! Будь счастлива со своим новым любовником. А меня забудь. Как же я тебя любил и люблю до сих пор, несмотря ни на что. Но все кончено. Ты больше не разобьешь мое сердце. Я схожу от горя с ума. Прощай!

Глава 18

Речь стороны защиты

Никто... сама... Прощай!..
*У. Шекспир. Отелло*⁸⁶

После оглашения письма внешность подсудимого резко изменилась: он сразу расслабился и во время перекрестного допроса генерального прокурора твердо держался версии, что несколько часов гулял по болотам и никого не встретил. Хотя вынужден был признать, что спустился с лестницы в половине двенадцатого, а не в половине третьего, как утверждал во время дознания. Сэр Уигмор Ринчинг, сделав на это упор, с такой страстью предполагал, что Кэткарт шантажировал Денвера и с такой настойчивостью задавал подсудимому вопросы, что адвокат защиты, Мерблс, леди Мэри и Бантер испугались, как бы он не просверлил взглядом стену в соседнюю комнату, где, кроме других свидетелей, ждала миссис Граймторп. После обеденного перерыва с речью со стороны защиты выступил сэр Импи Биггс.

— Милорды! Ваши светлости слышали — и я, выступавший три жарких дня, понимал, с каким воспринимали интересом, — аргументы защиты моего благородного клиента, обвиненного в ужасном убийстве. И вот словно из могилы восстал мертвец, дабы рассказать историю трагической ночи тринадцатого октября, и, я уверен, в ваших сердцах не будет сомнения, что эта история правдива. Вашим светлостям известно, что я тоже не знал содержания письма до того, как его прочитали в суде, и по тому глубокому впечатлению, какое оно произвело на меня, могу судить, с каким потрясением и болью восприняли его вы. За долгие годы в суде я не слышал более печальной истории о несчастном молодом мужчине, чья пагубная страсть — в данном случае мы можем употребить это затасканное выражение в полном смысле слова — довела его до такой глубины падения и в итоге насильственной смерти от собственной руки.

Сидящего на скамье подсудимых благородного пэра обвинили перед вами в убийстве этого молодого мужчины. Но из того, что мы с вами здесь слышали, очевидно, что он невиновен, и любые слова с моей стороны излишни. В таких ситуациях доказательства, как правило, запутанны и противоречивы. В нашем случае — настолько ясны и вняты, будто драма разворачивается прямо перед нами и всевидящим Божьим оком. Ярче и точнее происшествия той ночи

⁸⁶ Акт V, сцена 2. Пер. А. Соколовского.

представить невозможно. Была бы смерть Кэткарта единственным событием той ночи, решусь утверждать: правда ни на мгновение не вызвала бы сомнений, — но цепь немислимых совпадений переплела историю Дэниса Кэткарта со многими другими, и пелена улик с самого начала сгустилась до состояния плотного тумана, который до сих пор не рассеялся.

Позвольте вернуться к истокам. Вы слышали, что Дэнис Кэткарт родился от смешанного брака: юной очаровательной южанки и англичанина на двадцать лет старше ее — властного, страстного, циничного. До восемнадцати лет Кэткарт жил на континенте с родителями, переезжал с места на место, повидал больше, чем обычный француз его возраста, познал секрет любви в стране, где преступления по страсти понимают и прощают, что невозможно у нас.

В восемнадцать лет Кэткарт пережил ужасную трагедию: в короткое время потерял обоих родителей — красивую и обожаемую мать и отца, который, если был бы жив, возможно, сумел бы обуздать пылкую натуру, что произвел на свет. Но отец умер, завещав две вещи, как будто естественные, но в данных обстоятельствах оказавшиеся фатальными. Он оставил сына на попечении сестры, которую много лет не видел, дав указание отправить юношу в тот старый университет, в котором учился сам.

Милорды, вы видели мисс Лидию Кэткарт и слышали ее показания. Вы поняли, как честно, добросовестно и с какой христианской самоотверженностью она выполняла возложенную на нее обязанность, но неизбежно потерпела неудачу, пытаясь наладить отношения со своим подопечным. Потерявшего одного за другим родителей несчастного юношу отправили в Кембридж, где учились студенты совершенно иного воспитания. Для человека с его космополитским опытом их увлечение спортом, шумные споры и экскурсии в философию наверняка казались детскими забавами. вспомните собственную альма-матер, и вы представите жизнь Дэниса Кэткарта в университете — его внешнюю веселость и внутреннюю пустоту.

Надеясь продвинуться на дипломатической службе, Кэткарт активно знакомился с сыновьями богатых и влиятельных людей. С земной точки зрения он поступал правильно, и получение в двадцать один год приличного наследства, казалось, открывало ему дорогу к успеху. Сдав экзамен на степень бакалавра и отряхнув с ног академический прах Кембриджа, он отправился во Францию и, обосновавшись в Париже, спокойно, но упорно, стал выдалбливать себе маленькую нишу в мире международной политики.

Но тут в его жизни появилось то жуткое обстоятельство, которое лишило его богатства, чести и самой жизни. Он влюбился в юную красотку тонкого, непреодолимого очарования, каким на весь мир славится австрийская земля. И всецело отдал свою душу и тело Симоне Вондераа, как кавалер де Грие — Манон Леско.

Вот пункт, которому он строго следовал в правилах континента: полная преданность, полная свобода. Жил он тихо, казался *rangé*⁸⁷. Мы заслушали свидетельство о его банковских счетах, щедрых чеках, выписанных на самого себя, обналичиваемых купюрами скромного достоинства, о регулярных поквартальных пополнениях сбережений. Перед Дэнисом Кэткартом расстилалась широкая дорога жизни. Он был тщеславен, богат, обзавелся красивой услужливой любовницей.

Но в становление многообещающей карьеры вломилась война, безжалостно руша гарантии и опрокидывая здание замыслов, уничтожая все, что делало жизнь прекрасной и желанной.

Вы выслушали историю безупречной армейской службы Кэткарта. Мне нет необходимости останавливаться на этом вопросе. Как тысячи других молодых людей, он храбро прошел через те пять лет невзгод и разочарований, в отличие от многих товарищей сохранил жизнь и здоровье, но впереди его ждал полный крах.

Из всего значительного состояния, по большей части вложенного в русские и немецкие ценные бумаги, у него почти ничего не осталось. Но разве это трагедия для молодого толкового мужчины со связями, перед которым открываются благоприятные возможности? Надо только подождать несколько лет, чтобы восстановилось все, что он потерял. Но, боже праведный, он не умел ждать! Он подверг себя опасности потерять нечто большее, чем состояние и амбиции: ему требовались деньги, много и сразу!

Милорды, в грустном письме, которое нам только что прочитали, самое трогательное и страшное — это признание: «Я понимал, что ты не могла не изменять мне». Во времена

⁸⁷ правильным (фр.)

кажущегося счастья он сознавал, что его дом возведен на песке. «Я на твой счет никогда не обманывался», — говорит он. С первых дней знакомства она ему лгала. Он не сомневался в этом, но знание не помогло освободиться от пут рокового очарования. Если кто-нибудь из вас, милорды, познал силу неодолимой — я бы сказал, фатальной — любви, то ваш опыт расскажет вам больше, чем мои жалкие слова. Один великий французский поэт и один великий английский поэт выразили это яркими образами. Расин о подобном очаровании сказал:

Вся ярость впившейся в добычу Афродиты⁸⁸.

А Шекспир поместил все безнадежное упорство любовника в эти грустные строки:

Когда она клянется, что права,
Хоть знаю — лжет, но ей я как бы верю,
Пусть думает, что простака нашла,
Что в свете я еще не лицемерю⁸⁹.

Милорды, Дэнис Кэткарт мертв. Не нам его осуждать. Мы можем только его понять и пожалеть.

Милорды, мне нет необходимости расписывать детали страшных перемен павшего солдата и джентльмена. Вы слышали историю в леденящих, безобразных подробностях из уст мсье Дюбуа-Гоби Гудина и тщетных излияниях стыда и угрызений совести покойного. Узнали, что он играл — сначала честно, потом плутовал. Поняли, откуда брались нерегулярные поступления крупных сумм наличными, которыми он пытался спасти свои банковские счета на грани истощения. Не будем строго судить женщину. По ее понятиям, она вела себя с ним отнюдь не бесчестно, просто блюла свои интересы. Когда любовник мог ей платить, одаривала его своей красотой, хорошим настроением и относительной верностью. Когда деньги иссякли, нашла разумным принять иное решение. Кэткарт понял: деньги необходимо добыть всеми правдами и неправдами — и оказался на дне бесчестия.

В этот момент Дэнис Кэткарт со своими несчастьями появился в жизни моего благородного клиента и его сестры. И тогда начались осложнения, которые привели к трагедии четырнадцатого октября и которые нам пришлось распутывать в этом священном историческом зале.

Примерно полтора года назад Кэткарт отчаянно искал надежный источник дохода и познакомился с герцогом Денверским, чей отец много лет назад был товарищем его отца. Знакомство продолжилось, и Кэткарта представили леди Мэри Уимзи, которая, по ее собственному признанию, в этот период скучала и ей все ужасно надоело после разрыва с женихом по фамилии Гойлс. Она хотела устоявшейся жизни, вот и сошлась с Кэткартом на условии, что получит свободу, а он как можно меньше станет вмешиваться в ее дела. Что же до Кэткарта — все ясно из его не требующих моего комментария горьких слов: «...завести жену, чтобы на ее деньги содержать любовницу!»

Так продолжалось до октября нынешнего года. Кэткарту приходилось много времени проводить в Англии с невестой, оставляя Симону Вондераа без присмотра на авеню Клебер. Это его не особенно тревожило, вот только леди Мэри, по своей натуре не способная связать жизнь с нелюбимым мужчиной, тянула с назначением дня бракосочетания. Деньги кончались, а на авеню Клебер требовалось все больше платьев, шляпок и развлечений. Между тем Симону стал замечать господин Корнелиус ван Хампердинк — в Булонском лесу, на скачках, в Опере, в квартире Кэткарта.

Леди Мэри все больше претила мысль о своем обручении. И в этот критический момент Гойлсу предложили работу, пусть с крохотной зарплатой, но которая позволила бы содержать жену. Леди Мэри сделала выбор — решила бежать с Гойлсом. По роковому совпадению день и час побега был выбран такой: три утра четырнадцатого октября.

⁸⁸ Ж. Б. Расин «Федра», действие I, явление 3. Пер. М. Донского.

⁸⁹ Сонет 138. Пер. М. Чайковского.

Около половины десятого вечера в среду тринадцатого октября компания в Риддлсдейл-лодже стала готовиться ко сну. Герцог был в оружейной, другие мужчины в бильярдной, дамы разошлись по спальням, и тут слуга Флеминг принес из деревни вечернюю почту. Герцог получил письмо с неожиданными, очень неприятными новостями. Кэткарту тоже пришло письмо. Мы его никогда не увидим, но о его содержании не трудно догадаться.

Вы слышали свидетельство мистера Арбатнота: до того, как Кэткарт прочитал письмо, он был весел и полон надежд, говорил, что скоро объявит день свадьбы. Но вскоре после десяти, когда герцог пришел его повидать, все изменилось. Денвер еще ничего не успел сказать, а Кэткарт стал грубить, казался человеком на грани срыва. Мы знаем, что пятнадцатого октября мадемуазель Вондераа пересекла на «Беренгарии» Атлантику и прибыла в Нью-Йорк. Так разве трудно догадаться, что прочитал Кэткарт и что так резко изменило его взгляды на жизнь?

В этот несчастливый момент, когда он сознает, что его бросила любовница, является герцог с жуткими обвинениями. Называет Кэткарта — человека, который ест его хлеб, живет под его крышей и чуть не женился на его сестре, — обычным карточным шулером. Кэткарт как будто не отрицает обвинений и высокомерно заявляет, что больше не намерен жениться на благородной леди, с которой обручен. Тогда Денвер запрещает ему встречаться и говорить с его сестрой. Так поступил бы каждый, в ком теплится искра благородства. Денвер велел Кэткарту покинуть на следующий день его дом, но тот бросился бежать под дождь. Герцог крикнул, чтобы Кэткарт вернулся, и даже послал слугу открыть для удобства беглеца дверь оранжереи. Да, он назвал Кэткарта проходимцем, пригрозил, что его выгонят из полка, но его слова были оправданны и он же прокричал из окна: «Вернитесь, идиот!» Или, как показал один из свидетелей, «Вернитесь, — не могу произнести, какой именно, — идиот!». В этом зове слышится чуть ли не отзвук любви. (*Смех в зале.*)

Теперь я хочу привлечь внимание ваших светлостей к тому, что у моего благородного клиента отсутствовал мотив для убийства. Утверждалось, что мотив для ссоры был иным, не таким, о котором сказал герцог: нечто более личное для обоих участников, при том что на этот счет нет никаких данных, кроме слов удивительнейшего свидетеля Робинсона, который, кажется, дует на весь свет и готов делать из всякой мухи слона. Ваши светлости его слышали и могут судить, какова цена его выводам. Мы же с помощью фактов продемонстрировали, каков истинный предмет коллизии.

Итак, Кэткарт бежит в сад, и бесцельно бродит под проливным дождем, размышляя о том, как в единый миг лишился любви, состояния и чести.

Тем временем открывается дверь в коридор, и на лестнице раздаются осторожные шаги. Теперь нам известно, кто спускался: миссис Петтигрю-Робинсон не ошиблась, чья скрипнула дверь, — то был герцог Денверский.

Пока все очевидно. Но с этого момента мы расходимся с нашим ученым коллегой от обвинения, который считает, что герцог, все обдумав, решил, что Кэткарт представляет для общества опасность и ему лучше умереть или что он нанес семье Денвер такое оскорбление, которое можно смыть только кровью. Нам предлагают поверить, что Денвер прокрался вниз, взял из стола в кабинете револьвер и исчез в ночи, чтобы цинично расправиться со своим врагом.

Милорды, требуется ли указывать на абсурдность такого предположения? Какую мыслимую причину мог иметь герцог Денверский, чтобы хладнокровно убить человека, от которого его раз и навсегда уже избавило единственное запальчивое слово? Вам предлагается версия: Денвер обдумывал случившееся, и нанесенная обида в его представлении разрослась, видимо, до невиданных размеров. Могут сказать одно: мне не приходилось сталкиваться с тем, чтобы выдумка представителя обвинения преподносила более шаткий предлог взвалить преступление на плечи невиновного. Не стану тратить время и досаждать вам, оспаривая это. Также говорилось, что причина ссоры не та, что представляется на первый взгляд, и у герцога имелись причины страшиться неких губительных действий со стороны Кэткарта. По этому поводу мы уже высказывались: предположение построено *in vacuo*⁹⁰ ради создания картины определенных обстоятельств, которую мой ученый коллега не может подкрепить фактами. Число и разнообразие

⁹⁰ в пустоте (*лат.*)

предложенных обвинением мотивов свидетельствует о том, что коллеги, понимая свою слабость, яростно кидаются за любым объяснением, чтобы придать какую-то окраску обвинительному акту.

И здесь, ваши светлости, я хочу обратить внимание на очень важное свидетельство инспектора Паркера по поводу окна кабинета. Он показал, что в него пытались проникнуть снаружи, отодвинув щеколду перочинным ножом. Если шум шагов, который слышали в кабинете в половине двенадцатого ночи, издавал герцог Денверский, то зачем ему потребовалось ломать окно? Он и без того был в доме. Добавим к этому, что в кармане Кэткарта обнаружили перочинный нож с царапинами на лезвии, которые могли остаться на металле, если ножом пытались отодвинуть железный шпингалет. Очевидно, что не герцог, а Кэткарт проник через окно в кабинет за револьвером, не зная, что ему открыли дверь оранжереи.

Нам нет необходимости развивать эту мысль: мы *доподлинно* знаем, что Кэткарт побывал тогда в кабинете, — видели промокательную бумагу с отпечатками слов из письма покойного, адресованного Симоне Вондераа, а лорд Питер Уимзи показал, что взял этот лист из стопки промокательной бумаги в кабинете через несколько дней после смерти Кэткарта.

Еще один важный момент: герцог Денверский заявил, что видел револьвер в ящике незадолго до трагического тринадцатого числа. В тот день они были в кабинете вдвоем с Кэткартом.

— Одну минуту, сэры Импи, — вмешался председатель суда. — Это не совсем то, что имеется в моих записях.

Адвокат. Прошу прощения, ваша светлость, если ошибся.

Председатель суда. Прочитаю, что есть у меня: «Я искал старую фотографию Мэри, чтобы дать Кэткарту, и наткнулся на него». Ни слова о том, что сам Кэткарт там присутствовал.

Адвокат. Будьте любезны, ваша светлость, прочитайте следующую фразу.

Председатель суда. Пожалуйста. Вот следующее предложение: «Помню, я сказал, как он проржавел».

Адвокат. Еще дальше.

Председатель суда. «Кому вы это заметили?» Ответ: Не знаю, но точно помню, что я это сказал».

Адвокат. Благодарю вас, ваша светлость. Когда благородный пэр это говорил, он искал фотографии, чтобы отдать Кэткарту. Думаю, мы можем оправданно заключить, что он адресовал свою фразу именно покойному.

Председатель (суду). Милорды, по поводу основательности этого предположения судить вам.

Адвокат. Если ваши светлости признают, что Дэнис Кэткарт знал о существовании револьвера, неважно, в какой именно момент он его увидел. Как вы слышали, ключ всегда оставался в ящике стола. Кэткарт мог заметить револьвер, когда искал конверт, сургуч или что-нибудь еще. Я в любом случае считаю, что звуки, которые вечером в среду слышали Марчбэнксы, производил Дэнис Кэткарт, когда писал прощальное письмо, а оружие лежало перед ним на столе. В это время герцог Денверский спустился по лестнице и выскользнул на улицу через дверь оранжереи. Здесь начинается невероятная часть событий: снова и снова, создавая путаницу, на одном временном отрезке переплетаются друг с другом несвязанные эпизоды. Я употребил слово «невероятная» не потому, что невозможны любые совпадения: мы видим такие удивительные примеры в повседневной жизни, на которые не способен даже беллетрист, — а чтобы снять его с языка генерального прокурора, который готовился вернуть его бумерангом против меня. *(Смех в зале.)*

Милорды, это первое невероятное — не побоюсь этого слова — совпадение. В половине двенадцатого герцог спускается вниз, а Кэткарт проникает в кабинет. Во время перекрестного допроса уважаемый генеральный прокурор справедливо отметил расхождение в показаниях моего благородного клиента: во время дознания тот показал, что покинул дом в половине третьего утра, а сейчас — в половине двенадцатого. Как бы вы ни объясняли его мотивы, хочу вам напомнить, что первое заявление он сделал, когда все полагали, что выстрел прозвучал в три часа, и такое утверждение было бессмысленно с целью создания алиби.

Большое значение придавалось факту, что герцог не мог доказать алиби с половины двенадцатого ночи до трех утра. Но если мой клиент говорит правду и он все это время гулял по болоту, то каким образом алиби можно было бы установить? Он не склонен называть мотивы своих не имеющих отношения к делу действий в течение двадцати четырех часов. Однако нет и

контрдоказательств, опровергающих его версию. Справедливо предположить, что после ссоры с Кэткартом герцог вышел на прогулку, чтобы успокоить нервы.

Тем временем Кэткарт закончил послание и бросил в почтовый мешок. Во всей истории нет ничего более ироничного, чем это письмо. Пока тело убитого лежало на пороге, а следователи и врачи пытались обнаружить улики, продолжалась повседневная рутина английского хозяйства. Письмо с объяснением случившегося находилось в мешке, затем его отнесли на почту и отправили за океан, откуда, в подтверждение нашего девиза «Дела делаются своим чередом», через два месяца с большим трудом и риском для жизни вернули обратно.

Наверху леди Мэри паковала чемодан и писала прощальное письмо родным. Кэткарт закончил текст, взял револьвер и поспешил в кустарник. Там еще побродил, размышляя бог знает о чем: наверняка о прошлом, — мучился угрызениями совести и горевал о погубившей его жизнь женщине. Вспомнил о символе любви — зеленоглазом коте, который женщина подарила ему на счастье! Но, умирая, не прижимал его к сердцу. Зашвырнул в кусты и приставил револьвер к голове.

Но что-то его останавливало. Не так! Не так! Он представил свой искалеченный череп: разбитая челюсть, лопнувшие глаза, кровь и жутко разбрызганные мозги. Пусть пуля аккуратно войдет в сердце. Даже в смерти он заботился о своей внешности. Вот так!

Кэткарт упер револьвер в грудь, нажал на спуск и со стоном рухнул на сырую землю. Оружие выпало из руки, пальцы скребли листву.

Услышавший выстрел егерь удивился, что браконьеры решились подойти так близко. Почему они не на болоте? Он подумал о зайцах, взял фонарь и вышел под моросящий дождь. Никого. Только сырая трава и капли с деревьев. Егерь всего лишь человек — решил, что уши его обманули, и вернулся в теплую постель. Миновала полночь. Затем час ночи.

Дождь стал не таким сильным. Но что там в кустарнике? Движение. Раненый шевельнулся, застонал, попытался подняться на ноги. Продрогший до костей, слабый от потери крови, трясущийся от вызванной раной лихорадки, он смутно помнил, что хотел с собой сделать. Шарящая рука нащупала рану. Он достал платок и прижал к ней. Скользя и спотыкаясь, встал. Платок упал на землю и остался лежать среди опавших листьев рядом с револьвером.

Что-то в воспаленном мозгу заставило его ползти к дому. Чувствовал, что нездоров, ему больно, бросает то в жар, то в холод и смертельно хочется пить. Шатаясь и падая на ладони и колени, он проделал это кошмарное путешествие. Где брел, где полз, волоча за собой отяжелевшие ноги. И наконец дверь в оранжерею! Здесь ему помогут. И есть вода в лохани у колодца залить жар. Он подполз к ней на четвереньках. Дышать становилось все труднее: тяжелый груз, казалось, разрывал грудь. Кэткарт поднялся, но его скрутила икота, изо рта хлынула кровь, он рухнул на землю. Все было кончено.

Время шло. Три часа ночи — наступило время свидания. Юный возлюбленный перемахнул через стену и поспешил сквозь кусты к невесте. Было холодно и сыро, но он от счастья не замечал окружающего. Пробрался сквозь чащу и подошел к двери в оранжерею, откуда через несколько минут должна была появиться его любовь. Но тут замер — перед ним лежал труп.

Его охватил страх. Он услышал вдали шаги и с единой мыслью: бежать от этого ужаса — бросился наутек. В этот момент, немного уставший, но успокоенный прогулкой, на тропинке появился герцог Денверский и столкнулся с сестрой над трупом ее жениха.

Дальнейшее очевидно. Введенная в заблуждение страшным соединением обстоятельств, Мэри заподозрила своего возлюбленного в убийстве и, с видимым каждым из вас мужеством, скрыла, что Гойлс появлялся в том месте. Эта ее ошибка определила множество затруднений и недопонимания. И тем не менее пока на свете существует благородство, никто из нас не посмеет слова сказать в осуждение этой величавой леди.

Как поется в старинной балладе:

Пошли вам Бог таких соколов,
Такую жену, таких верных псов⁹¹.

⁹¹ Английская баллада XVII в. «Три ворона». Пер. Р. Митина.

Думаю, милорды, мне нет надобности говорить дальше. Оставляю вам важную и радостную задачу освобождения благородного пэра и вашего коллеги от несправедливого обвинения. Вы только люди, милорды, некоторые из вас поверчат, другие усмехнутся средневековому великолепию мантий и мехов, столь чуждому нашему утилитарному веку. Вы прекрасно знаете, что

Ни меч, ни жезл, ни царственный венец,
Ни вышитая жемчугом порфира,
Ни титул короля высокопарный,
Ни трон его, ни роскоши прибор,
Что бьется о высокий берег жизни⁹²

не добавят достоинства благородной крови. И тем не менее, здесь который день перед вами держит ответ глава одного из старейших и благороднейших домов Англии, оторванный от вашего братства, своей исторической славы, облаченный лишь в истинность своей цели.

Это не может не тронуть чувство вашего сострадания и возмущения.

Милорды, вы обладаете счастливым правом восстановить его светлости герцогу Денверскому символы его высокого положения. Когда секретарь по очереди обратится к вам с вопросом: «Считаете ли вы Джеральда, виконта Сент-Джорджа, герцога Денверского, виновным или не виновным в страшном преступлении убийства? — каждый может без тени сомнения, положи руку на сердце, ответить: «Невиновен, клянусь честью».

Глава 19

Кто едет домой?

Пьян, как лорд? Вообще-то это класс трезвенников.

Судья Клюер в суде

Пока генеральный прокурор занимался неблаговидным делом: пытался запутать не только очевидное, но и согласное с чувствами каждого, — лорд Питер позвал Паркера в кафе «Лайонз» и за огромным блюдом яичницы с беконом выслушал короткий отчет о набеге в город миссис Граймторп и длинный — о перекрестном допросе леди Мэри.

— Чему ты улыбаешься? — спросил рассказчик.

— Естественное слабоумие, — ответил лорд Питер. — Бедный Кэткарт! Она была девушка что надо! Но коли на то пошло, не была, а есть. Почему я о ней говорю, словно она умерла в тот момент, когда я ее увидел?

— Потому что жутко эгоистичен, — проворчал Паркер.

— Знаю. Был таким с самого детства. Но вот что меня тревожит: я становлюсь слишком впечатлительным. Когда меня бросила Барбара...

— Ты от этого излечился, — отрезал товарищ. — Коли на то пошло, я заметил это уже некоторое время назад.

Его светлость тяжело вздохнул.

— Ценю твою объективность, Чарлз. Но хорошо бы ты формулировал мысли не так жестоко. Кстати, они выходят?

⁹² У. Шекспир «Генрих V», акт IV, сцена 1. Пер. Е. Бируковой.

Толпа на Парламентской площади шевельнулась и начала расползаться. Через улицу потянулись разбросанные ручейки людей. На фоне серых камней Святого Стефана мелькали красные пятна. В дверях появился запыхавшийся помощник Мерблса.

— Все в порядке, милорд... признан невиновным... единогласно... милорд. Пожалуйста, пойдете...

Они бросились к выходу. При виде лорда Питера зеваки разразились приветственными криками. Внезапно по площади пронесся порыв ветра, раздувая красные мантии выходящих пэров. Лорд Питер обменивался репликами то с одним, то с другим, пока не оказался в середине толпы.

— Прошу прощения, ваша милость.

Это был Бантер. Волшебным образом раздобыв где-то красную мантию, он окутал ею символ позора герцога Денверского — синий шерстяной костюм.

— Позвольте, ваша светлость, почтительно вас поздравить.

— Бантер! — изумился лорд Питер. — Да вы с ума сошли! Сейчас же уберите! — Он попытался вернуться от высокого фотографа в галстук с завязанным узлом.

— Поздно, милорд, — ликующе бросил тот, исчезая.

— Питер, — начал герцог, — э-э-э... спасибо, старина.

— Все нормально, — ответил брат. — Приятно попутешествовал, и все такое. Хорошо выглядишь. Руки пожимать здесь не будем — слышал, как тот парень щелкал затвором?

Они протолкались сквозь людское море к машинам. Обе герцогини уже были внутри, а Денвер только забирался, когда в дюйме от его головы в стекло окна ударила пуля и рикошетом от лобового стекла унеслась в толпу.

Крики, потасовка. Бородатый мужчина дрался с тремя констеблями. Новые выстрелы, паника. Толпа распалась, затем сомкнулась и, как гончие за лисой, понеслась мимо парламента к Вестминстерскому мосту.

— Женщину застрелил! Он под автобусом! Нет! Там! Убийца! Задержать!

Вопли, полицейские свистки, со всех сторон бежали констебли, люди хватали такси, разбегались.

Таксист на мосту увидел перед капотом искаженное злобой лицо и резко надавил на тормоз. Сумасшедший в последний раз нажал на спусковой крючок. Хлопок выстрела и разрыв шины почти слились воедино, машину занесло вправо, и она сильно ударилась в стоявший в тупике на набережной пустой трамвай.

— Я ничего не мог поделать! — закричал шофер. — Господи! Он в меня стрелял! Я ничего не мог поделать!

Лорд Питер и Паркер, запыхавшись, подбежали.

— Послушайте, констебль, — едва выдохнул Уимзи. — Я знаю этого человека. Он затаил злобу на моего брата. В связи с тем делом о браконьерстве в Йоркшире. Скажите, чтобы коронер ко мне пришел за информацией.

— Хорошо, милорд.

— Это не фотографируйте, — сказал лорд Питер мужчине с камерой, который внезапно оказался у него за плечом.

Фотограф покачал головой.

— Такое, милорд, никому не понравится. Сниму только сцену аварии и медиков. Яркие новостные картинки. Ничего мрачного. — Он мотнул головой в сторону размазанного на асфальте пятна. — За такое не платят.

Неизвестно откуда возник рыжеволосый репортер с блокнотом.

— Хотите сюжет? — спросил его лорд Питер. — Расскажу.

С миссис Граймторп никаких осложнений не возникло. Герцогские эскапады редко разрешались так безболезненно. Его светлость, истинный джентльмен, галантно согласился выразить вдове соболезнования. Во всех его довольно глупых похождениях он никогда не бежал с места расставания и не прерывал рыдания сводящим с ума: «Пожалуй, мне пора», — что в мире вызывало так много отчаяния, а иногда доводило до самоубийства. В данном случае все прошло совершенно гладко. Дама больше не проявляла к нему интереса.

— Теперь я свободна, — сказала она. — Поеду к родителям в Корнуолл. Он мертв, и я больше ничего не хочу.

Дежурная нежность герцога выглядела полным провалом — она ее не заметила.

Лорд Питер проводил ее до маленькой респектабельной гостиницы в Блумсбери. Ей понравилось такси, сияющие витрины магазинов и световая реклама. Они остановились на Пикадилли-серкус, посмотрели, как пес «Бонзо» курит папироску, а Нестле-малыш выпивает бутылку молока. Миссис Граймторп удивилась, что цены на витринах «Суон энд Эдгар» скромнее, чем на те же товары в Степли.

— Хочу купить вон такой шарф, — сказала она. — Но боюсь, он не приличествует моему положению вдовы.

— Купите сейчас, а носить будете потом, — предложил Уимзи. — В Корнуолле.

— Правильно. — Она опустила глаза на свое коричневое шерстяное платье. — Может, купить здесь черное? Надо что-то надеть на похороны. Платье и шляпку. И еще пальто.

— Хорошая мысль.

— Сейчас?

— Почему бы нет?

— Деньги у меня есть. Взяла у него из стола. Теперь, полагаю, они мои. Не хочется чувствовать себя обязанной ему. Но я на это так не смотрю.

— Я бы на вашем месте не раздумывал, — сказал лорд Питер.

Она вошла за ним в магазин — наконец-то свободная женщина.

Рано утром инспектор Сагг проходил по Парламентской площади и наткнулся на таксиста, который обращался с пламенными уговорами к статуе лорда Палмерстона. Возмущенный таким бессмысленным действием, Сагг приблизился и тут увидел, что государственный деятель делит постамент с женщиной в вечернем костюме. Тот одной рукой непрочно цеплялся за фигуру, а другой поднес к глазам пустую бутылку из-под шампанского и обозревал сквозь нее окружающие улицы.

— Эй! — закричал полицейский. — Что вы там делаете? Немедленно спускайтесь.

— Приветствую, — поздоровался джентльмен и, внезапно потеряв равновесие, кувырком скатился вниз. — Не видели моего приятеля? Очень древний — настоящий старый пень. Не знаете, где его найти? Полиция же всегда все знает. Достойный человек. Откликается, как добрая гончая, на имя Фредди. — Он встал и уставился на инспектора.

— Да это же его светлость, — поразился Сагг, который встречал лорда Питера в других обстоятельствах. — Вам лучше домой, милорд. Ночь холодная — чего доброго, простудитесь. Вот ваше такси, забирайтесь.

— Нет, — заупрямился лорд Питер. — Не могу. Без друга не поеду. Старина Фредди. Ни за что не брошу друга! Как можно, Сагг?

Он сделал шаг вперед, хотел поставить ногу на подножку такси, но, не рассчитав расстояния, запнулся о водосток и ввалился в машину головой вперед.

Сагг хотел запихнуть его целиком, но его светлость с неожиданным проворством сел на подножку.

— Не мое такси, — торжественно объяснил он. — Такси Фредди. Нехорошо уезжать на такси друга. Он пошел искать мне такси. Это же очень хорошо — ловить такси другу. Как считаете, Сагг? Я друга не брошу. А еще здесь дорогуша Паркер.

— Паркер? — встрепнулся инспектор. — Где?

— Тсс... — погрозил ему пальцем лорд Питер. — Не будите детку. Нестле-малыш, молочком напоишь?

Сагг проследил за взглядом его светлости и с ужасом увидел начальника по службе. Тот, приткнувшись на постаменте с тыльной стороны Палмерстона, мирно почивал, счастливо улыбаясь во сне. Инспектор, тревожно ойкнув, наклонился и потряс спящего.

— Не по-людски, — осудил его Уимзи. — Тревожить трудягу полицейского. Пусть спит, пока не прозвонит будильник. — Он поднял голову, словно его осенило. — А что это он не звонит? — Дрожащий палец указал на Биг-Бен. — Забыли завести. Обязательно напишу об этом в «Т-таймс».

Сагг не стал отвечать, подхватил сонного Паркера и запихнул в такси.

— Никогда... никогда... не покину.

Лорд Питер сопротивлялся попыткам убрать его с подножки машины, когда от Уайтхолла подкатило другое такси и Фредди Арбатнот весело завопил из окна:

— Только посмотрите, кто к нам пришел! Это же милейший Сагг. Поехали все вместе домой!

— Это мое такси! — с достоинством заявил его светлость.

Они немного поборолись, затем Фредди выпал на руки инспектору, а лорд Питер, крикнув новому таксисту: «Домой!» — тут же уснул в углу сиденья.

Сагг, почесав затылок, назвал шоферу адрес и посмотрел вслед уезжающей машине. Затем, поддерживая достопочтенного Фредди под его обширный живот, распорядился отвезти другого человека по адресу: Грейт-Ормонд-стрит, 12а.

— А как же я? — расплакался достопочтенный Фредди. — Я тоже хочу домой. Все уехали, а меня бросили.

— Предоставьте это дело мне, — успокоил его инспектор.

Он посмотрел через плечо: из здания палаты общин выходили после ночного заседания депутаты.

— Мистер Паркер, — преданно пробормотал он, — слава богу, обошлось без свидетелей.

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

В этот сборник вошли два интереснейших дела лорда Питера Уимзи — аристократа, интеллектуала и талантливого детектива-любителя.

Неподалеку от охотничьего домика старшего брата Питера Уимзи, герцога Денверского, найден застреленным капитан Дэнис Кэткарт. Рядом обнаружено орудие убийства — принадлежащий герцогу пистолет. В довершение всего накануне капитан и герцог серьезно поссорились.

Против герцога — все: от свидетельских показаний до веского мотива и улик. Но Питер Уимзи, верящий в невиновность брата, намерен найти настоящего убийцу...

Казалось бы, в смерти сказочно богатой дамы Агаты Доусон нет ровно ничего подозрительного: она находилась в весьма преклонном возрасте и страдала от тяжелой неизлечимой болезни.

Так что же насторожило обычного провинциального врача, решительно отказавшегося подписывать свидетельство о смерти?

Питер Уимзи решает выяснить обстоятельства дела и обнаруживает, что мисс Доусон — лишь первая из жертв убийств, изощренно стилизованных под естественную смерть...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-147011-1

9 785171 470111 >